

С. П. ПОЖАРСКАЯ

**ТАЙНАЯ
ДИПЛОМАТИЯ
МАДРИДА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

С. П. П О Ж А Р С К А Я

ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ МАДРИДА

(ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ
В ГОДЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ“
М о с к в а • 1 9 7 1

В книге рассматривается сложная дипломатическая обстановка периода второй мировой войны и внешняя политика Испании того времени. Автор обнажает скрытые пружины международных отношений 1939—1945 годов, связи Франко с Гитлером, Муссолини, а также с Черчиллем и Рузвельтом, рассказывает о «вольфрамовой батальи», о том, почему Испания, где Франко был поставлен у власти Гитлером и Муссолини, не вступила в войну на стороне стран «оси», хотя франкистская «голубая дивизия» действовала на Восточном фронте, и многом другом.

Работа написана на основе архивов и малоизвестных источников.

ВВЕДЕНИЕ

(историографический очерк)

История дипломатии и внешней политики Мадрида периода второй мировой войны, равно как и гражданская история Испании тех лет, в монографическом плане пока не изучены.

Это обстоятельство никак нельзя отнести за счет отсутствия интереса к Испании военных лет, напротив, нет ни одного исследования, посвященного Испании середины XX века, будь то обобщающие монографии, биографические очерки, специальные исследования испанского фашизма или размышления о месте Испании в послевоенном мире, где бы не шла речь о Мадриде времен второй мировой войны. В какой-то мере объяснение этому следует искать в том, что до сих пор нет испанских публикаций документов периода 1939—1945 годов, архивы страны засекречены, испанская мемуарная литература крайне скудна, испанская пресса того периода в силу своей крайней необъективности — лишь кривое зеркало, отражавшее события неадекватно действительности.

Но были причины и субъективные. Мир разделился в своем отношении к Испании времен революции и гражданской войны. Безразличных не было. Одни и те же явления и события вызывали горячее сочувствие одних и страстную ненависть других. В полной мере это относится и к периоду второй мировой войны, непосредственно следующему во времени за гражданской войной. Должно было пройти известное время для того, чтобы исследователи смогли более объективно взглянуть на вещи. Разумеется, не может быть и речи о каком бы то ни было стирании граней в моральных оценках. Классовые и общественные позиции исследователя по-прежнему определяют и его моральные критерии.

Сегодня, как и прежде, взгляды демократов и антифашистов на испанскую действительность отличаются от взглядов тех, кто в той или иной мере симпатизирует

фашизму. Однако накал страстей ослаб по сравнению с концом 30-х — началом 40-х годов и уже не настолько затуманивает взгляды исследователя и не придает излишне пристрастную окраску оценкам тех или иных событий.

Эмоциональный подход со временем все больше уступал место рассудочному, но, как выясняется при ознакомлении с буржуазной западной литературой, посвященной истории франкизма, он от этого не стал менее пристрастным. Только теперь историческая концепция автора стала зависеть не столько от мира его эмоций, сколько от практических внешнеполитических задач, которые ставили и ставят перед собой правительства тех стран Запада, гражданином которой был тот или иной автор. При ознакомлении с этой многообразной, по преимуществу буржуазной литературой прежде всего поражает крайний прагматизм в подходе к изучению проблем Испании военных лет, полное или почти полное подчинение позиции исследователя практическим сиюминутным задачам своего времени: в зависимости от них подчеркивались или затушевывались те или иные стороны испанской действительности, переделывалась сама история.

Если сравнить исследования по истории Испании на исходе второй мировой войны, в конце 40-х или 50-х годов и, наконец, 60-х годов и отбросить такой постоянный, не поддающийся вариациям материал, как имена государственных деятелей, даты и географические названия, то может сложиться впечатление, что пишут не об одной стране, а о нескольких странах, которые по странному стечению обстоятельств носят одно и то же название.

Историки Запада, что особенно отчетливо проявилось в работах середины 50-х — начала 60-х годов, внесли сильную лепту в создание ходовых внешнеполитических клише и стереотипов. Это замечание не относится к прогрессивным западным историкам, которые именно в силу своей оппозиционности официальному курсу совершенно сознательно ставили перед собой цель опровергнуть господствующие внешнеполитические концепции. Особое положение занимает и литература, принадлежащая перу испанских историков-эмигрантов.

Историю Испании 1939—1945 годов начали писать еще в годы самой войны и сразу после ее окончания. В полном смысле слова исторических трудов по рассматриваемой теме, вышедших из-под пера прогрессивных авторов, в тот период не было создано, но если историю

военных лет понимать широко, то с известным основанием к историческим работам можно отнести книгу француза Ипекура¹. В ней в основном речь шла об участии испанцев-республиканцев во французском движении Сопротивления, хотя он попутно затрагивал и другие сюжеты. Книга бывшего посла республиканской Испании в Швеции Исабель де Паленсия² посвящена деятельности испанских республиканских организаций в эмиграции, тема участия испанцев-республиканцев в борьбе антигитлеровской коалиции раскрыта достаточно полно.

Во время войны и вскоре после ее окончания вышло много книг, написанных корреспондентами газет и иных периодических изданий Англии, США и других стран, посетивших Испанию в 1939—1945 годах³. При всем различии авторской манеры изложения все они принадлежали противникам франкистского режима, и, хотя в этих работах, как правило, лишь слегка затрагивались проблемы внешней политики, а суждения основывались на испанских газетах и на слухах, циркулировавших в стране, картина Испании тех лет воспроизводилась достаточно достоверно. В упомянутых работах масса неточностей, связанных с тем, что документальная база была весьма скудной и к тому же материал еще не отлежался, много вольных или невольных искажений, а порой и преувеличений, обусловленных справедливым возмущением франкистским режимом. И все же они выгодно отличаются от сознательных фальсификаций более позднего периода.

Известно, что переход к жесткой политике правительства США в отношении СССР начался с того времени, как Трумэн занял президентское кресло. Однако в полной мере этот переход, породивший «холодную войну», завершился много позднее. А в 1945—1946 годах еще действовала инерция военных лет, формально США признавали себя обязанными соблюдать потсдамские решения.

То было время, когда подкомитет по испанскому вопросу, созданный Советом Безопасности ООН, готовился представить свои рекомендации Генеральной Ассамблее. Официальный Вашингтон считал необходимым в этой обстановке опубликовать сборник, состоящий из пятнадцати документов, подтверждавших связь испанского правительства с европейскими странами «оси». Это были письма Франко к Гитлеру и Муссолини, протоколы, фиксировавшие переговоры официальных представителей Мадрида с руководителями гитлеровского рейха, донесения гер-

манских послов из Мадрида⁴. В основном эти документы относились к периоду до 7 декабря 1941 г., то есть до Перл-Харбора, и лишь пространное донесение Дикгофа было датировано декабрем 1943 года. Это последнее обстоятельство немедленно вызвало официальный протест Мадрида. Там сочли весьма неуместной публикацию, в известной мере перечеркивавшую усилия испанского правительства затушевать свою связь с агрессорами. По-видимому, существовало соглашение, в котором США обещали испанскому правительству не предавать гласности документы, относившиеся к периоду после вступления в войну США.

В том же 1946 году, спустя несколько месяцев, архивным управлением Министерства иностранных дел СССР в серии «Документы министерства иностранных дел Германии» был подготовлен и издан сборник документов и материалов «Германская политика и Испания (1936—1943 гг.)», который вскоре был переведен и издан во Франции⁵. Советская публикация документов в отличие от американской довольно полно освещает период 1942—1943 годов, содержащиеся в ней документы позволяют судить о масштабах испанских поставок стратегического сырья странам «оси», поставках германского оружия в Испанию, разногласиях внутри правящей клики в Испании по вопросу о вступлении в войну, о маневрах испанской дипломатии, преследовавших цель расколоть антигитлеровскую коалицию, и т. д.

В первые послевоенные годы документальная база интересующей нас темы помимо упомянутых публикаций включала стенографические отчеты заседаний конгресса США⁶, материалы комитетов и комиссий сената и палаты представителей (по иностранным, военным и бюджетным делам), стенографические отчеты британского парламента. Большой интерес для исследования представляют приложения к отчетам заседаний конгресса США, куда по предложению депутатов включались статьи из американских и иностранных периодических изданий, используемых для оценки тех или иных текущих событий.

На протяжении 1946 года «испанский вопрос» неоднократно рассматривался Организацией Объединенных Наций в подкомитете по испанскому вопросу на II сессии Генеральной Ассамблеи. Существо испанского «нейтралитета» оказалось предметом специального рассмотрения. Подкомитет по испанскому вопросу собрал обшир-

ный документальный материал, позволивший судить об антидемократическом тоталитарном характере франкистского режима, о сотрудничестве франкистского правительства с правительствами европейских стран «оси», о возникновении германского и итальянского капитала; были собраны также достоверные материалы об участии «голубой дивизии» в войне против СССР и т. д. Все эти материалы были в том же году изданы на официальных языках ООН, в том числе и на русском⁷. Материалы подкомитета Совета Безопасности и стенографические отчеты ООН значительно расширили документальную базу для изучения дипломатии Мадрида в годы войны.

В 1947 году началась публикация документов и материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками, что позволило уточнить многие детали закулисных переговоров и тайных связей между руководителями нацистской Германии и франкистской Испании⁸.

В 1948 году были изданы «Дипломатические документы из архива Чиано» и «Дневники Чиано», которые весьма своеобразно осветили закулисные стороны политики Италии в годы войны. Эти документы рисуют подлинную картину острых противоречий между Германией и Испанией в первый период войны⁹.

Мемуарная литература, целиком посвященная Испании времен мировой войны, крайне скудна, испанской мемуарной литературы этого периода практически нет. Наибольшего внимания заслуживают воспоминания послов Англии и США в Мадриде — С. Хора и К. Хейса¹⁰, опубликованные в первые послевоенные годы.

В свои мемуары С. Хор включил многие документы британской внешней политики, до сих пор не изданные, благодаря чему воспоминания британского дипломата не могут не представлять интереса для исследователя, но в то же время пристрастный и крайне субъективный подход автора к Испании периода войны нередко приводил к искажению исторической перспективы. По мнению С. Хора, Испания не вступила в войну благодаря дипломатическому искусству руководителей внешней политики Англии и его, Хора, усилиям. Хор не скрывал своих симпатий к монархистам, равно как презрения к фалангистам и открытого недоброжелательства к левым и демократическим силам Испании.

В несколько ином плане написана книга американско-

го посла в Мадриде К. Хейса, которую с достаточным основанием можно отнести к первым исследованиям по истории Испании периода второй мировой войны. Формально — это мемуары, но то обстоятельство, что книга вышла из-под пера историка-профессионала — Хейс до назначения в Мадрид был профессором истории в Колумбийском университете, — придает ей многие черты, присущие исследованиям монографического плана. Тем более он писал не только о том, что видел, не только о тех событиях, свидетелем которых он был, но и о явлениях, потребовавших специального изучения с привлечением известного круга источников. Он пишет, например, о трениях его предшественника А. Веддела с испанским правительством, об экономическом и жизненном уровне Испании в начале войны, пытается выяснить, какие факторы обеспечили Франко победу в гражданской войне, выясняет некоторые детали в истории фалангистского движения и т. д. К. Хейс, по его словам, долго противился назначению его послом в Мадрид из-за своего отрицательного отношения к Франко и франкизму, и только после настоячивых уговоров Рузвельта, который сумел внушить Хейсу идею его абсолютной независимости, Хейс согласился выехать в Мадрид. Хейс был типичным представителем рузвельтовской администрации, в меру демократичный, исповедовавший истины «нового курса». Отрицательное отношение к франкизму как тоталитарной форме правления пронизывает книгу Хейса. Хейс закончил работу над книгой в первой половине 1945 года. Он был достаточно проницательным человеком, но и он не смог предвидеть ту резкую смену внешнеполитического курса США, которая произошла после окончания войны. Поэтому на его книге лежит печать умонастроений, свойственных умеренным слоям демократического общественного мнения США времен второй мировой войны. Именно умеренным слоям, потому что на протяжении всей книги он с явным неодобрением отзывается о тех американцах, которые последовательно вели на протяжении всей войны антифранкистскую кампанию, выступая против поставок бензина в Испанию, за полное эмбарго вольфрама, экспортируемого Испанией европейским странам «оси», за разрыв дипломатических отношений с франкистской Испанией.

Хейс, судя по его книге, был твердо убежден, что Испания при всей своей симпатии к странам «оси» не ста-

нет активной воюющей стороной. Так и произошло. На чем же основывалось его убеждение? Он отдавал должное крайней осторожности и расчетливости Франко, проанглийской ориентации министра иностранных дел графа Гомеса Хорданы, которому он явно симпатизировал и верил, но при всем этом первостепенное значение он придавал стремлению испанцев к миру. А Франко твердо отдавал себе отчет в реальной возможности краха режима, чем, по мнению Хейса, и следует объяснить нежелание Франко официально вступить в войну даже тогда, когда агрессоры были на марше.

Когда Хейс писал свою книгу, еще не были опубликованы переписка Франко с Гитлером и Муссолини и другие документы, известные сейчас историкам, подтверждающие гипотезу посла Хейса, которую теперь следует считать доказанной. Именно поэтому анализ причин отказа Испании от вступления в войну делает книгу Хейса до сих пор неустаревающей при всех ее иных недостатках. Недаром исследователи истории Испании второй половины 60-х годов, имеющие в своем распоряжении многочисленные, только в последнее время опубликованные документы, предпочитают цитировать его чаще, чем кого-либо, хотя многие книги, написанные позднее, сейчас забыты.

Как справедливо отмечается в коллективном труде советских историков «История международных отношений и внешней политики СССР», объективный рассказ К. Хейса о франкистской Испании пришелся не по вкусу руководящим кругам США. «Официальные американские историки поспешили создать работы на эти же темы, чтобы перечеркнуть мемуары Хейса...»¹¹.

Речь идет в первую очередь о книге Г. Файса¹². Работа Г. Файса во многом характерна для западной буржуазной литературы об Испании, опубликованной в годы «холодной войны». Обилие документального и особенно статистического материала призвано создать впечатление об объективности исследователя, но при более обстоятельном ознакомлении с работой Г. Файса бросается в глаза тенденциозность в подборе материала, нарочитая небрежность в обращении с документами, когда опускается или даже искажается все, что не укладывается в схему автора. В противоположность К. Хейсу, Файс рассматривает Испанию лишь как объект, а не субъект международных отношений, дипломатия Мадрида в его изображении примитивна и пассивна. Вне поля зрения автора

остались многие аспекты внутренней истории Испании, в том числе взаимоотношения внутри фаланги и экономическая политика. Файс не скрывал своего недоброжелательства к левым силам оппозиции.

Книга Файса не выдержала испытания временем, современные исследователи, как правило, не ссылаются на нее, хотя эта книга — одна из немногих работ по истории внешней политики Испании военных лет, опубликованная в первые годы «холодной войны». В эти годы интерес к Испании периода войны на Западе заметно потускнел. И это вполне объяснимо: многие буржуазные историки сочли неуместным напоминать о некоторых аспектах политики своих правительств в Испании в годы второй мировой войны. Да и в тех немногих работах, увидевших свет в эти годы, совершенно отчетливо прослеживается тенденция «переиграть» историю.

В 1948—1953 годах вышли в свет мемуары У. Черчилля, изданные в шести томах¹³. Советские историки в свое время отмечали, что о мемуарах Черчилля как о законченном историческом сочинении можно говорить только применительно к первому и в какой-то степени ко второму томам, охватывающим период до конца 1940 года¹⁴. В полной мере эта характеристика относится и к испанским сюжетам. В первых двух томах мемуаров Черчилль приводит ряд документов, представляющих немалый интерес для изучения дипломатии и внешней политики Испании военных лет, которые до сих пор не вошли в официальные английские публикации.

Разбор англо-испанских отношений, сделанный Черчиллем, весьма субъективен. Как известно, Черчилль был крайне разочарован итогами второй мировой войны, приведшими к изменению соотношения сил в пользу социализма. Недаром в предисловии к первому тому мемуаров он предложил назвать войну 1939—1945 годов «ненужной войной». В свете такого подхода Черчилля «вина» сотрудничавшей со странами «оси» Испании и самого Франко перед антигитлеровской коалицией растворяется. На исходе войны Черчилль неоднократно пытался внушить представление о «заслугах» Испании перед Объединенными Нациями (24 мая 1944 г.) английской палате общин, президенту Рузвельту, как об этом свидетельствуют его послания, и др. Это намерение Черчилля встречало в те годы неизменную отрицательную реакцию его слушателей и корреспондентов. В разгар «холодной войны»

Черчилль не без основания рассчитывал на более благо-склонный прием западным читателем созданного им обра-за осмотрительной и дальновидной Испании, не вступи-вшей в войну, несмотря на нажим стран «оси», и тем самым оказавшей услугу Англии и США.

В течение продолжительного времени мемуары Чер-чилля были чуть ли не единственным источником, позво-лявшим судить об английской интерпретации отношений между Лондоном и Мадридом в военные годы. Королев-ский институт международных отношений «Чэтам хауз» в 1952—1954 годах в серии «Документы международных отношений» выпустил всего два тома, посвященных вто-рой мировой войне¹⁵, в которых испанская тема представ-лена крайне скудно. Что же касается серии «Обзор меж-дународных отношений», в которой периоду 1939—1946 годов посвящены 11 томов, то в них очередь до Ис-пании дошла только в 1956 году, когда был опубликован том «Война и нейтралы»¹⁶. В советской историографии уже отмечалось, что «в Англии предпочитают предлагать читателю интерпретации, а не документальный рассказ, ответственность за который несет правительство: во вре-мя войны международные отношения были иными, и пуб-ликация документов может затруднить деятельность английской дипломатии после войны»¹⁷.

Как и прочие тома «Обзоров» по проблемам второй мировой войны, глава «Испания между союзниками и „осью“», написанная Катариной Дафф, компилятивна. В ней суммируются опубликованные ранее материалы печати, экономических и исторических исследований. Чи-татель найдет ссылки на «Речи каудильо» и на «Дипло-матические документы из архива Чиано», на книги Т. Га-милтона и А. Пирса, Суньера и Дусинаге, воспоминания Хейса и Хора и т. д. Испания военных лет освещена в главе крайне неравномерно, начальному периоду уделено неправомерно много внимания, все остальное изложено весьма бегло. Визиту Суньера в Берлин в сентябре 1940 года, который в конечном счете не оправдал возла-гавшихся на него надежд, уделено в десятки раз больше места, чем «голубой дивизии», к тому же, доверившись Г. Файсу, автор в освещении этого визита, самой атмо-сферы, в которой он проходил, и его итогов погрешил против истины. Несмотря на насыщенность фактическим материалом, глава, посвященная Испании, оставила от-крытыми первостепенные по своей важности проблемы

истории внешней политики Испании, которые по тем или иным причинам, и прежде всего политическим, автор, издатели и редакторы «Обзоров» не считали нужным освещать. (Как известно, редактором большинства «Обзоров» был А. Тойнби.)

На работе К. Дафф лежит печать времени (атмосфера «холодной войны» ощутимо дает себя знать): «Позицию Испании во время второй мировой войны можно понять, лишь принимая во внимание то, что для правительства и для большинства испанцев, которые отнюдь не были крайними националистами или приверженцами «оси», Россия, а не Германия была настоящим врагом»¹⁸. С позиций антикоммунизма автор объясняет не только причины испанского нейтралитета, но и сохранение франкизма после второй мировой войны. Дафф утверждает, что после войны девизом большинства испанцев было «Франко — да, коммунизм — нет»¹⁹. Традиционное игнорирование проблем внутренней политики при освещении международных отношений облегчило и на этот раз задачу автора при создании картины, столь далекой от действительности.

В психологическом климате антикоммунизма, созданном «холодной войной», официальные испанские историографы почувствовали себя в привычной среде. Именно тогда, в самом конце 40-х годов, в Мадриде сочли, что настало время выступить с официальной «научной» интерпретацией позиции Испании в годы второй мировой войны. Причем эта интерпретация была откровенно приспособлена к основной внешнеполитической проблеме Испании — добиться ликвидации международной изоляции без какого бы то ни было существенного изменения характера и устоев режима, без каких бы то ни было уступок тем силам, которые связывали с этой изоляцией надежды на ликвидацию диктатуры.

В первую очередь речь идет о книге «придворного» историка, политического директора министерства иностранных дел Испании в период войны Хосе Мариа Ду-синаге²⁰. С благословения испанского правительства Ду-синаге взял на себя нелегкую миссию защитника дипломатии Мадрида и вместе с тем обвинителя руководителей внешней политики США и Англии в «политической близорукости», выразившейся в сотрудничестве с Советским Союзом в рамках антигитлеровской коалиции. И это в то время, когда испанское правительство, напоминает

автор, неоднократно предупреждало об угрозе возрастания русского влияния, а с 1943 года даже предприняло определенные шаги, которые могли бы привести к изоляции СССР, если бы были благосклонно встречены союзниками. С плохо скрытым злорадством автор напоминает о словах американского посла К. Хейса: «Любые атаки против Советского Союза будут рассматриваться как нападение на основного союзника США». Испания была права в своем антикоммунизме и антисоветизме, утверждает автор самим названием книги «Испания была права», и поэтому Западу следует пересмотреть свою позицию по отношению к ней. Дусинаге пытается доказать, что Испания на протяжении всей войны «по доброй воле» придерживалась нейтралитета, что ее позиция имела, скорее, англо-американскую нежели прогерманскую направленность и, наконец, что фаланга не только не была всесильна, не только не пользовалась покровительством Франко, но, напротив, неоднократно выступала против его внешнеполитического курса. Делает это он весьма искусно. Поскольку Франко на протяжении всей войны вел двойную игру, в распоряжении Дусинаге были документы второго рода: одни свидетельствовали о прогерманской ориентации Мадрида, другие — о лояльной, а в конце войны и открыто англо-американской направленности внешнеполитической линии Испании. Дусинаге редко упоминает о документах первого рода, но зато в изобилии цитирует документы второго, в том числе и ранее известные. Автор бегло рассказывает о первом периоде войны, останавливаясь лишь на документах, фиксировавших отказ Франко принять участие в гибралтарской операции, но зато весьма подробно повествует о периоде, связанном с именем Хорданы. Дусинаге впервые в испанской историографии излагает официальную версию августовских событий 1942 года, акцентируя внимание на связях фалангистов-экстремистов, участников покушения на Варелу, с германскими нацистами²¹. В книге опубликованы документы, касающиеся испано-американских отношений, которые лишь много лет спустя были включены в официальные американские издания, такие, например, как послание Хейса Хордане от 21 октября 1943 г., а иные не опубликованы до сих пор.

Книга Дусинаге была своеобразной заявкой Испании не только на членство в ООН, но и на соответствующую долю участия в «атлантической солидарности». По мно-

гим причинам эта книга привлекла внимание зарубежного читателя. В феврале 1951 года парижская газета «Фигаро» предоставила свои страницы для публикации отрывков из книги, и теперь редкое исследование по истории Испании периода второй мировой войны обходится без ссылки на эту работу.

Претензии Мадрида на участие в НАТО, попытки обосновать свое право на соучастие в «атлантической солидарности», в частности, и своей историей, своеобразно препарированной, дали толчок к возрождению интереса у историков к прошлому и настоящему франкистского режима, особенно к периоду второй мировой войны.

В начале 60-х годов почти одновременно выходят две книги, сразу же обратившие на себя внимание: «Франко, Гитлер и союзники (Предтеча НАТО)» известного прогрессивного бельгийского журналиста и писателя Е. Н. Дзелепи²² и «Испания и оборона Запада» американского историка А. Вайтекера²³, автора многих работ по современной Испании и Латинской Америке.

Книга Дзелепи — серьезное, основанное на большом документальном материале исследование и в то же время страстный политический памфлет, не только антифранкистский, но и антинаатовский.

Периоду второй мировой войны посвящены первые три раздела книги, послевоенному периоду — четвертый. Автор вступает в страстную полемику с теми, для кого Франко — «герой сопротивления Гитлеру», человек, «оградивший Испанию от мировой войны» и «оказавший неоценимые услуги союзникам». Для Дзелепи нет сомнения в том, что Франко в годы второй мировой войны был лишен свободы выбора — участвовать или не участвовать в войне. Для доказательства своей концепции автор привлекает ранее не использовавшиеся документы, фиксировавшие отношения Испании с Германией, Англией и США. Автор детально описывает «комедию демократизации», разыгранную Франко в первые послевоенные годы, — спектакль, по твердому убеждению автора, поставленный для того, чтобы повлиять на общественное мнение внешнего мира и вовсе не предназначенный для «внутреннего потребления». В главах «Дядя Сэм и Франко» и «Реабилитация Франко» Дзелепи убедительно показывает, что материальная и моральная поддержка официальной Америки привела к известной стабилизации и продлила существование франкистского режима

на многие годы. Автор приходит к заключению, что нет ничего парадоксального ни в попытках Испании войти в НАТО, ни в существовании настойчивого стремления у известных кругов США пойти навстречу этому домогательству Испании. Прошлое Испании в годы второй мировой войны, связь Франко с Гитлером и Муссолини, посильная помощь, оказанная Франко державам «оси», — все это, по мнению автора, своеобразный залог того, что Испания будет «достойным» членом НАТО.

Центральную тему своего исследования Вайтекер сам определяет как «изучение эволюции отношений между Соединенными Штатами и Испанией под влиянием договора 1953 года»²⁴. Период второй мировой войны занимает в книге достойное место, поскольку именно здесь, по мнению автора, следует искать истоки современного комплекса испано-американских отношений. Раздел, посвященный периоду второй мировой войны, так и называется «Создание союзника».

По мнению автора, «и на друзей и на врагов Франко в равной степени производят большое впечатление результаты его управления, что дало возможность удержать страну от вступления в войну»²⁵. В этом его концепция не отличается от интерпретаций апологетов Франко. Но автор претендует на объективность и не без основания относит себя к противникам франкизма как одной из разновидностей тоталитаризма. Этот логический срыв Вайтекер пытается ликвидировать, разделив войну на две фазы: первую, когда Франко был на стороне стран «оси», и вторую, когда Франко склонился на сторону союзников. Автор готов объявить позицию Франко «бесчестной» в 1940 году, поскольку Франко, по его мнению, готов был вступить в войну на стороне «оси» и отказался от этого намерения только из-за нежелания Гитлера и Муссолини достойно заплатить ему за этот шаг. Вайтекер всерьез воспринимает дипломатическую игру Франко, обнаруживая при этом более поверхностное знание предмета, нежели Хейс, который был убежден, что Франко при существовавшей в Испании внутренней ситуации не мог без риска потерять власть вступить в войну. Вайтекер даже вспоминает о посылке «злополучной» «голубой дивизии», но все это, по его версии, относится к «происистской фазе», когда Франко утратил присущую ему осмотрительность. После высадки союзников в Северной Африке политика Франко стала иной, он «внял» советам

Рузвельта, и Испания осталась нейтральной, а большего в условиях «горячей войны» союзникам от нее и не требовалось. Другое дело — период «холодной войны». Здесь Западу потребовалось более тесное сотрудничество с Испанией. Такова предложенная Вайтекером схема истории Испании рассматриваемого периода. Книга изобилует интересными фактами, автору порой нельзя отказать ни в меткости суждений, ни в глубоком знании многих сторон жизни послевоенной Испании, но в целом работа Вайтекера — попытка повлиять на правящие круги США и убедить их отказаться от союза с франкистской Испанией, поскольку этот союз противоречит интересам США, как их понимает автор.

На 60-е годы падает неожиданный и на первый взгляд необъяснимый поток литературы об Испании. Но только на первый взгляд. Анализ причин вспыхнувшего с новой силой интереса к Испании, в том числе и к Испании военных лет, приводит к выводу, что ответ следует искать в той неожиданной картине внутренней жизни испанского общества, которая предстала перед удивленными взорами современников во второй половине 50-х — начале 60-х годов. Мертващая атмосфера франкизма, универсальным орудием которого продолжал оставаться политический террор, так и не смогла полностью отравить испанское общество. Во второй половине 50-х и особенно в 60-х годах происходило не только окончательное освобождение испанского общества от последних остатков политического паралича, но и начался новый, могучий подъем широкого антифранкистского движения, включающий всеобщие забастовки как экономического, так и политического характера. Даже недавние сторонники самой системы франкизма перестали воспринимать ее как нечто вечное и незыблемое. Фаланга оказалась на грани полного уничтожения, кризис стал явным. К концу 50-х годов окончательно отказала система экономической автаркии, и осознание этого правящей верхушкой Испании привело к полному отказу от системы замкнутой экономики. Испания вынуждена была сделать первые шаги по пути к экономической интеграции в западный мир, и политики и газетчики многих стран лихорадочно строили предположения о том, как это отразится на внутренней жизни Испании и на ее внешних связях.

Все это и привело к возрождению интереса к прошлому Испании, и прежде всего к истокам франкизма, к

первым годам диктатуры. К тому же исследователи конца 50-х — начала 60-х годов в отличие от своих предшественников получили в свое распоряжение весьма солидную документальную базу: в 1964 году была завершена публикация «Документов германской внешней политики»²⁶. В томах, непосредственно посвященных второй мировой войне, испано-германские отношения отражены достаточно полно, и остается только пожалеть о том, что последний, 13-й, том обрывается на событиях декабря 1941 года. Наряду с ранее опубликованными соответствующими томами «Итальянских дипломатических документов» «Документы германской внешней политики» создавали основу для исследования внешней политики и дипломатии Испании.

И эти исследования не замедлили появиться. Некоторые из этих исследований написаны в традиционной форме более или менее последовательного изложения основных аспектов внешней политики и дипломатии (Д. Пуццо, Испания и великие державы. 1936—1941 гг.), а иные — в виде модных теперь на Западе биографий (К. Мартин, Франко — солдат и глава государства; Дж. Хиллс, Франко. Человек и его нация)²⁷. Работа Д. Пуццо почти полностью абстрагируется от проблем внутренней политики, экономики, истории общества. Авторы биографий претендуют на сбалансированное изложение проблем внутренней жизни и внешней политики, но и для исследований, выполненных в традиционной манере внешнеполитического экскурса, и для биографий характерно отсутствие органической связи между проблемами внутренней и внешней политики, снижен интерес к мотивам дипломатической игры франкистской дипломатии. Это не противоречит тому, что многие из названных работ весьма насыщены очень интересным фактическим материалом, впервые вводимым в научное исследование. В первую очередь это относится к работе Дж. Хиллса, представляющей собой итог многолетнего изучения Испании. Дж. Хиллс использовал многие неопубликованные документы, в том числе документы испанских министерств, военные архивы, личные архивы Франко и его семьи, дневник родственника и постоянного компаньона Франко генерала Франко-Солгадо. Но сообщаемые Хиллсом сведения следует использовать очень осторожно и только после соответствующей тщательной проверки и сопоставления с иными документами; поскольку автор

нередко придает пристрастную окраску событиям, а в ряде случаев и грубо искажает истинную картину, не останавливаясь и перед фальсификацией. Это относится прежде всего к событиям 1931—1939 годов. Период второй мировой войны изложен более объективно.

Историческим исследованиям, увидевшим свет в 60-е годы, при всем различии авторских концепций, присущи некоторые общие черты: повышенный интерес к противоречиям между Испанией и европейскими странами «оси», более тщательная разработка испано-американских отношений в годы второй мировой войны, поиски противоречий внутри фаланги, попытки определить особенности испанского фашизма. Однако некоторые авторы настолько увлеклись исследованием различий между германским нацизмом и испанской фалангой, что из их поля зрения исчезло то общее, что было присуще всем фашистским движениям и режимам и с самого начала — франкизму: насильственное уничтожение демократических институтов, террористическое подавление любых массовых движений демократической тенденции, и в первую очередь революционных, уничтожение любых конкурирующих или потенциально конкурирующих организаций, авторитарная форма правления и тенденция к полной атомизации общества. Под пером таких исследователей, как Хиллс, испанский фашизм, по существу, перестает быть фашизмом как таковым. В еще большей степени эта тенденция прослеживается в работах, специально посвященных истории фаланги.

Во второй половине 50-х годов кризис и распад испанской фаланги стал очевидным фактом, и осознание этого породило серию вопросов: почему в таком случае продолжает сохраняться почти в неизменном виде франкистский режим, какое место занимала фаланга в так называемом Национальном движении, как складывались взаимоотношения между Франко и фалангой в годы гражданской, а затем и мировой войны. По-видимому, попыткам ответить на этот вопрос мы и обязаны появлению исследований, посвященных истории фаланги. Чаще всего — это отдельные разделы и главы в трудах более общего характера²⁸, но были опубликованы и специальные исследования, целиком посвященные фаланге. Речь идет прежде всего о книгах С. Пейна²⁹ и Б. Неллессена³⁰. При всем различии авторской манеры изложения концепция Пейна и Неллессена, по существу, одна и та же: Франко «узур-

пировал» фалангу, приспособил ее программу и организационную структуру для своих нужд, использовав при этом лишь внешние атрибуты ее организации и фразеологии. Из теорий основателей фаланги им был взят лишь принцип авторитарного устройства государства и представление о мессианской роли Испании в судьбах мира. Социальная программа фаланги, что, по мнению авторов, и составляло сущность «национал-синдикалистской революции», так никогда и не была выполнена, а значит, в Испании и не было этой «революции» и фаланга никогда не обладала реальной властью. Наиболее четко эта идея прослеживается у Неллессена, книга которого так и называется «Запрещенная революция». Эта схема заводит автора очень далеко: фаланга у него вырастает в антипода Франко и чуть ли не основного противника. А отсюда всего один шаг до утверждений современных испанских неофалангистов — у «национал-синдикалистской революции» еще есть будущее. Эти специфические черты, присущие некоторым исследованиям по истории Испании, увидевшим свет в 60-х годах, отнюдь не случайны и преследуют вполне определенную цель, приспособленную к практическим нуждам политики некоторых кругов Запада: доказать, что прошлое Испании не может служить препятствием для интеграции Испании в атлантическое сообщество.

В советской историографии изучение истории Испании периода второй мировой войны только начинается. Первой удачной попыткой исследовать этот период с марксистских позиций следует считать монографию известного советского историка-испаниста Хосе Гарсиа «Испания XX века»³¹, и прежде всего ее шестую главу «„Новое государство“ в 1939—1945 гг.». В центре внимания автора — внутренние проблемы испанской действительности тех лет — становление «нового государства», фаланга и испанский фашизм, рождение сопротивления франкизму и др. Внешнюю политику автор рассматривает через призму внутривнутриполитических проблем, но именно это и дало возможность для достаточно точной характеристики испанского нейтралитета.

Таким образом, несмотря на обилие литературы, в той или иной степени затрагивающей Испанию периода второй мировой войны, нет ни одного исследования, специально посвященного истории внешней политики и дипломатии Мадрида этих лет.

Г л а в а I

ПУТЬ К ВЛАСТИ

11 июля 1936 г. с одного из лондонских аэродромов поднялся частный самолет «Молниеносный дракон», пилотируемый капитаном Биббом. Самолет, взявший курс на остров Тенерифе, летел за пассажиром. Началось осуществление плана переброски малоизвестного тогда генерала Франко с Канарских островов в Испанское Марокко, плана, подготовленного лондонским корреспондентом испанской монархической газеты «АБС» Луисом Болином по просьбе издателя этой же газеты маркиза Лука де Тена¹. Самолет приземлился на Тенерифе 14 июля, а 19 июля Франко был в Тетуане, где принял на себя командование всеми войсками Испанского Марокко.

Миновали уже сутки, как по радио прозвучали слова: «Над всей Испанией безоблачное небо. Никаких новостей» — условный сигнал к мятежу в континентальной Испании. Кто же был этот генерал Франко, который многим тогда в Европе и Америке представлялся случайной фигурой на испанском политическом горизонте, но очень скоро стал главой государства, генералиссимусом, национальным вождем фаланги, каудильо Испании милостью божьей, признающим ответственность только перед историей и богом?

И кто были так называемые националисты? Разобраться в этом действительно необходимо, ибо дипломатия Мадрида в период второй мировой войны была в значительной степени личной дипломатией генерала Франсиско Франко, хотя вершил он ее от имени «национально мыслящих испанцев».

14 апреля 1931 г. в Испании была провозглашена вторая Республика. Монархический строй, просуществовавший несколько столетий, был свергнут относительно легко, переход от монархии к Республике произошел без насилия: в результате предшествующей продолжительной борьбы народа соотношение сил между монархистами и республиканцами оказалось в пользу последних. Выборы

в Учредительные кортесы в июне 1931 года еще раз это подтвердили: из 470 депутатских мандатов 396 получили республиканцы и социалисты, причем на долю правых республиканцев приходилось всего 4% депутатских мест, а левые республиканцы и социалисты имели 53% мандатов. 28 августа 1931 г. началось обсуждение Конституции 1931 года, немедленно вскрывшее, что союза республиканцев — именно эта широкая коалиция предопределила победу над монархией — больше не существует. Всю Испанию облетели горькие слова уже тогда видного историка и дипломата Сальвадора Мадарьяги: «Как прекрасна была Республика во времена монархии».

Провозглашением Республики революция в Испании не окончилась, а, скорее, началась, и возраставшая со дня на день политическая активность самых широких масс оказывала давление на депутатов кортесов от левореспубликанских и социалистической партий, придавая им силу в борьбе не только с монархистами всех оттенков, но и с правыми республиканцами и радикалами. Алькала Самора, правый республиканец, еще недавно признанный лидер республиканской коалиции, выступил со статьей «Дефекты Конституции 1931 года», где заявил, что «эта Конституция призывает к гражданской войне»². Особое возмущение правых вызывала ст. 26 Конституции, провозгласившая отделение церкви от государства, роспуск иезуитского ордена с последующей национализацией его имущества; эта статья запрещала всем религиозным орденам заниматься промышленностью, торговлей и преподаванием.

Воинствующий антиклерикализм, пронизывавший всю политическую программу левых республиканцев, группировавшихся вокруг Мануэля Асаньи, в такой стране, как Испания, где значительное большинство крестьянского населения было глубоко верующим, не могло не привести к отрицательным последствиям. Но тогда, 13 октября 1931 г., 178 голосами против 59 эта статья была принята³. После ожесточенной борьбы Конституция была утверждена. Конституция 1931 года и вытекавшее из нее рабочее законодательство первых лет Республики подняли правовое положение испанского пролетариата до уровня рабочего класса развитых буржуазно-демократических стран Европы. Еще до принятия Конституции были изданы декреты о конфискации личной собственности короля, об уничтожении привилегий дворянства. С име-

нем М. Асаньи, первым военным министром временного республиканского правительства, который почти неизменно занимал этот пост до тех пор, пока левые республиканцы были в правительстве, связана и военная реформа. К моменту падения монархии испанская армия по технической оснащенности была одной из самых отсталых в Европе. Зато ни одна армия Европы не была так насыщена офицерами, как испанская. В испанской армии на 207 тыс. солдат приходилась 21 тыс. офицеров действительной службы, в том числе 18 генерал-лейтенантов, 34 генерал-майора и 96 бригадных генералов.

Выступая в кортесах 30 июля 1931 г., Асанья разъяснил, что военной реформой он намеревался модернизировать армию, сократить ее офицерский состав, что дало бы немалую экономию, и свести к нулю ее преторианский характер, который начал складываться еще в эпоху наполеоновских войн. Асанье не удалось полностью осуществить задуманное. Он сумел только сократить офицерский корпус. В армии континентальной Испании, согласно реформе, должны были остаться 7600 офицеров (на 105 тыс. солдат), в марокканских войсках — 1700 офицеров (на 42 тыс. легионеров). Число генерал-майоров было сокращено до 20, бригадных генералов — до 64, а чин генерал-лейтенанта упразднен⁴. Не только офицеры, уволенные в отставку, но и офицеры, оставшиеся в кадрах вооруженных сил, смотрели на Асанью как на осквернителя армейского мундира. Многие офицеры, до тех пор политически индифферентные, стали врагами Республики.

В 1932 году были приняты ограниченная аграрная реформа и Каталонский автономный статут, согласно первой статье которого Каталония объявлялась «автономной областью Испанской Республики». Принятие статута дало толчок шовинистической кампании по всей стране, дело дошло до бойкота каталонских товаров.

Испанская действительность первых лет революции была полна противоречий. После бескровного свержения монархии Испания знала очень мало мирных дней. У Республики, конечно, было много друзей, прежде всего организованный рабочий класс, часть крестьянства, определенные слои мелкой и средней буржуазии, весьма многочисленная в Испании демократически настроенная интеллигенция. Но было немало и врагов. Уже в мае 1931 года прошли первые антиреспубликанские демонстрации.

К началу 1932 года стан противников Республики принял вполне определенные очертания. Среди них были не только активные сторонники монархической формы правления, но и все те, кто счел себя задетым и обиженным новой властью. В ряды активных антиреспубликанцев вошло немало деятелей католического движения, что можно рассматривать как вполне объяснимую реакцию на антиклерикальную направленность многих законов Республики. При обсуждении ст. 26 Конституции Хосе Мария Хиль Роблес, молодой депутат-католик от Саламанки, назвал эту статью фронтальной атакой на лучшие испанские традиции и на этом основании призвал к полной ревизии Конституции.

На следующий день после свержения монархии издатель католической газеты «Эль дебаде» А. Эррера, впоследствии епископ Малаги и кардинал, основал партию Национальное действие под девизом «Религия, семья, порядок, труд и собственность». К концу 1931 — началу 1932 года эта партия становится массовой, лидерство в ней с согласия А. Эррера переходит к Хилю Роблесу. Теперь она называется уже Народное действие.

Сфера влияния партии охватывала в основном север страны. С именем Эрреры связано и создание в декабре 1931 года группы Испанское действие под лозунгом «История, справедливость, патриотизм»⁵.

22 декабря 1932 г. на ассамблее правых организаций, созванной по инициативе партии Народное действие, возникла Конфедерация правых автономных организаций Испании (СЭДА), которая уже в момент создания насчитывала в своих рядах 619 тыс. членов⁶.

Партии, вошедшие в СЭДА, официально провозгласили своей задачей защиту чувств и интересов католиков от антиклерикальных намерений Учредительных кортесов. Пестрый социальный состав СЭДА не позволил ее основателям выработать конкретную экономическую программу, поскольку трудно было найти нечто общее в экономических идеалах крупных помещиков Кастилии, мелких крестьян-собственников севера и немногочисленных в то время католических профсоюзов и коопераций, также преимущественно северных провинций. Руководство СЭДА сочло более удобным для своей организации ограничиться повторением общих принципов, встречающихся почти в любых течениях социал-католицизма: защита религии, отечества, семьи, порядка и собственности.

После прихода фашистов к власти в Германии Хиль Роблес не упускал случая противопоставить свое движение германскому нацизму и итальянскому фашизму. Выступая в Эскориале в апреле 1934 года, он, например, говорил: «Я не боюсь, что в Испании это национальное движение вступит на путь насилия. Я не допускаю, что национальные чувства, как это имело место у других наций, будут стремиться к возрождению языческого Рима или мрачным восхвалениям расы... Мы — армия граждан, но не армия, которой нужны форма и военные парады...»⁷.

Наиболее архаичными в антиреспубликанском течении являлись традиционалисты, или карлисты, мечтавшие посадить на испанский престол потомка дона Карлоса. Для традиционалистов даже та форма монархии, которая была в Испании до апреля 1931 года, была неприемлема, она была «осквернена» парламентаризмом. Идеология традиционалистов была достаточно реакционной уже в период своего становления в XIX веке, и тем не менее впоследствии она становится одним из компонентов идейного багажа Национального движения генерала Франко.

Как заметил генерал Аранда в июне 1939 года, «в партии традиционалистов состояли большей частью пожилые люди, стремившиеся осуществить давно отжившие, чуждые действительности, романтические идеи»⁸. По признанию вождя традиционалистов Фаля Конде, к началу 1936 года в союзе «Коммунион традиционалиста», или рекете, было всего 8400 человек (рекете называлась также милиция этого союза).

Знамя противников апрельской Республики очень скоро приобрело ярко выраженную клерикальную окраску, но были среди них и антиклерикалы. Это относится в первую очередь к Рамиро Ледесма Рамосу, одному из основателей первой фашистской группы — «Хунты наступления национал-синдикализма» (ХОНС)⁹, которая начала функционировать в октябре 1931 года.

Р. Ледесма Рамос — сын сельского учителя, студент философского факультета — некоторое время издавал журнал «Конкиста дель эстадо» («Завоевание государства»), и статьи оттуда дают возможность ознакомиться с его идеями, оказавшими впоследствии большое влияние на идеологию испанского фашизма. Многие Р. Ледесма Рамос заимствовал у испанского анархо-синдикализма.

Он был сторонником обобществления средств производства, надеясь, что рабочие, объединенные в синдикаты, «возродят страну». Однако в отличие от анархо-синдикалистов он превозносил государство, настаивал на полном подчинении интересов индивидуума благу нации.

Ледесма Рамос был горячим приверженцем Гитлера и Муссолини и рвался перенести идеи и практику итальянского и германского фашизма на испанскую почву. Антиклерикализм, впрочем, не помешал его тесному сотрудничеству и дружбе с Онесимо Редондо, вторым лидером ХОНС. Их объединяло глубокое восхищение прошлым Испании при католических королях Изабелле и Фердинанде, ненависть к марксизму и приверженность к той или иной форме «народной диктатуры», то есть к фашизму. А это оказалось сильнее, чем различие в религиозных позициях. ХОНС избрала себе знамя из трех полос — красно-черно-красное. Символом ХОНС были изображенные в виде креста стрелы и ярмо: знак заимствован из эпохи Фердинанда и Изабеллы¹⁰.

В 1933 году Р. Ледесма Рамос и О. Редондо сумели уговорить 400 студентов мадридского университета вступить в антимарксистский синдикат, еще около 500 человек вступили в их организацию в других городах, но Хунта так и не стала массовой организацией. Им удавалось время от времени получать небольшие субсидии от контрбандиста Хуана Марча, Антонио Гоикочеча и других баскских банкиров, но никогда ни лидеры СЭДА, ни монархисты не принимали их всерьез.

Весьма скромного успеха удалось добиться в то время и второй фашистской группе — Испанской фаланге, заявившей о себе 29 октября 1933 г. Ее основателями были сын последнего диктатора — Примо де Ривера Хосе Антонио, а также известный летчик, участник одного из первых трансатлантических перелетов из Испании в Южную Америку, Хулио Руис де Альда и Альфонсо Гарсиа Вальдехасас, депутат Учредительных кортесов, примыкавший к группе «На службе республики»¹¹.

Когда в феврале 1934 года по договоренности между А. Примо де Ривера и Р. Ледесма Рамосом произошло слияние Испанской фаланги и ХОНС, объединенная организация насчитывала всего 3 тыс. членов. Поэтому никак нельзя согласиться с Л. Болином в том, что Примо де Ривера пленил воображение «большой части рабочего класса и молодежи... поэтической концепцией решения

национальных проблем»¹². А. Примо де Ривера, по твердому убеждению его друзей, обладал поэтическим даром, однако воззрения этого человека представляли собой эклектическую смесь положений, заимствованных у итальянского фашизма и германского нацизма, у консервативного крыла «Поколения 98-го года» и у иных, как правило, реакционных течений политической мысли Испании XIX—XX веков. Он называл себя учеником крупнейшего испанского философа Ортега-и-Гассета, восхищался Индалесио Прието и Р. Киплингом, но в еще большей степени — «ораторским искусством» Муссолини и отдавал должное делам своего отца, покойного диктатора М. Примо де Ривера.

В своих речах и письмах молодой Примо де Ривера не выступал в защиту монархической формы правления, но бесконечно твердил о «национальном единстве» и из всех моделей современных государств Запада отдавал явное предпочтение «корпоративному государству» Муссолини. Он восхищался принципом «вождизма» и «авторитарным стилем» правления, хотя предпочитал и не упоминать термин «диктатура». Он преклонялся и перед имперской Англией, любил цитировать Киплинга.

Марксизм и социализм он ненавидел. Ему никогда не нравился и Хиль Роблес с его мягким, расплывчатым, негероическим лицом и вкрадчивой речью. Хосе Антонио любил, чтобы перед ним благоговели, но с равными не уживался: он вскоре порвал с Руисом де Альда, вместе с которым основал фалангу. В 1935 году он выжил лидера слившейся с фалангой ХОНС Р. Ледесма Рамоса и с тех пор стал единственным и безусловным шефом и идеологом фаланги, для которой он сам в ноябре 1934 года написал программу. Из ее 27 пунктов наиболее примечательны следующие: «Мы верим в высшую, подлинную сущность Испании. Укрепить ее, поднять, усовершенствовать — вот неотложная коллективная задача всех испанцев. Достижению этой цели должны быть безоговорочно подчинены личные, групповые и классовые интересы» (п. 1).

«Единство Испании предначертано судьбой. Всякий сепаратизм является преступлением, которого мы не потерпим. Действующая Конституция¹³, положившая начало разобщенности, посягает на судьбой предопределенное единство Испании. Поэтому мы требуем ее немедленного аннулирования» (п. 2).

«У нас воля к империи... Мы не примиримся ни с международной изоляцией, ни с иностранным вмешательством. В том, что касается стран Испанской Америки... Испания требует себе места в первых рядах во всех общих делах, памятуя, что она является духовной колыбелью испанского мира» (п. 3).

«Наше государство будет тоталитарным орудием, служащим делу национального единства... Система политических партий должна быть безжалостно уничтожена, а вместе с ней и все то, что из нее проистекает...» (п. 6)¹⁴.

Пронизывавший всю программу фаланги мистический национализм и представление о мессианской роли Испании в судьбах мира не были изобретены Хосе Антонио, они прослеживаются уже в первых работах писателей фашистского толка. Один из первых фашистских журналистов Эрнесто Хименес Кабальеро безапелляционно утверждал, что «Испания — избранная богом страна» и что «испанец рождается, чтобы повелевать, а не быть пролетарием»¹⁵. Паразитируя на наиболее темных сторонах национального сознания, Э. Кабальеро и другие «идеологи» испанского фашизма даже отставание Испании от других стран Европы, столь ярко проявившееся уже в период национального кризиса 1898 года¹⁶, возводили в особое достоинство: «Испания отлична от остальной Европы и следует своим путем». Но статьи этих малоизвестных журналистов, которые печатались в журналах-однодневках весьма малым тиражом, прошли почти незамеченными.

Программа фаланги впоследствии была принята на вооружение главой мятежников Франко и стала государственным документом. Эта программа оставляла открытым вопрос о способах завоевания власти. В письмах и статьях шеф и идеолог фаланги неодобрительно отзывался о насилии. Но слова и дела у А. Примо де Ривера часто находились в кричащем противоречии: во всяком случае достоверно известно, что он весьма энергично собирал оружие, и на его совести и последователей немало кровавых преступлений, совершенных в 1934—1936 годах. 3 июня 1934 г. в кортесах разбиралась апелляция А. Примо де Ривера, обвиняемого в незаконном использовании оружия. Отвечая на обвинение социалиста И. Прието, Примо де Ривера сказал: «Я абсолютно не являюсь человеком сентиментальным, романтическим, воинственным или хотя бы человеком храбрым, как это

изображает сеньор Прието». И тем не менее имя этого «невоинственного», по его словам, человека и его доктрина, весьма туманная, как заметил в свое время И. Прието, обрекли Испанию на такое насилие, какого не было еще в ее истории¹⁷.

Фаланга долго не пользовалась престижем в глазах респектабельных представителей монархического и клерикального крыла противников Республики 1931 года и, хотя у Примо де Ривера в этих кругах были весьма прочные личные и семейные связи, на его последователей нередко взирали с опаской. Во всяком случае, к февралю 1936 года, к моменту победы Народного фронта, фаланга все еще оставалась небольшой группой, едва насчитывавшей 5 тыс. человек¹⁸.

Такую картину являл собой лагерь противников Республики к середине 30-х годов. Об общей идеологии, как мы видим, говорить не приходится, спектр политических воззрений различных партий и группировок был весьма пестрым. Но всех их объединяло одно — страстное желание положить конец тому пути, на который встала страна после 1931 года. Как именно? Многие склонялись к насилию, и в первую очередь военные-конспираторы. Со временем нашелся и вождь.

Франсиско Франко долго был в стороне от этих и иных реакционно-консервативных направлений испанского общества. По многим причинам он не мог иметь тогда особого вкуса к политике. Будущий диктатор родился в городе Эль-Ферроль 4 декабря 1892 г. Его деды и прадеды по линии отца были либо моряками, либо служащими портовой администрации. Бухгалтером в порту был и его отец. Традиции семьи предопределили путь Франко с самого начала: его старший брат Николас поступил в морское училище, сам Франсиско — в пехотное военное училище в Толедо, именуемое военной академией.

Стены военной академии, помещенной еще императором Карлом V в крепость Алькасар, надолго отгородили Франко от влияния бурных событий политической жизни Испании начала века. Он был выпущен в 1910 году в чине лейтенанта и был направлен в 8-й пехотный полк в Эль-Ферроль. Служба в континентальной армии не сулила блестящей карьеры, так как Франко по своему происхождению не принадлежал к правящей элите, и поэтому честолюбивый лейтенант в 1911 году вступил

добровольцем в колониальные войска. В феврале 1912 года Франко прибыл к месту назначения близ Мелильи в Испанском Марокко. Капитан Франко покинул Марокко в 1917 году, чтобы начать свою службу в гарнизоне Овьедо, где он принял участие в усмирении астурийских шахтеров в бурные месяцы лета — осени 1917 года. Именно к этому времени, а точнее к сентябрю 1918 года, относится его знакомство с Хосе Миланом Астраем, который сыграл видную роль в его дальнейшей карьере.

Тогда вспыхнуло восстание в Испанском Марокко. Успехи испанских колонизаторов в борьбе со свобододолюбивыми марокканцами были более чем скромными, и правительство Испании изыскивало пути к активизации военных усилий в Африке. В 1919 году Астрай предложил тогдашнему военному министру генералу Товару создать испанский иностранный легион, в связи с чем 28 января 1920 г. был издан королевский указ. В сентябре 1920 года майор Франко получил от своего друга Астрая телеграмму с предложением вступить в легион. То были годы борьбы с независимым государством Рифф в Марокко, которое усилиями испанских и французских колонизаторов было покорено к 1927 году. Для Франко служба в иностранном легионе, девизом которого был клич «Да здравствует смерть», обеспечила стремительное повышение по служебной лестнице: в феврале 1926 года в возрасте 33 лет Франко становится бригадным генералом и назначается командиром 1-й бригады 1-й дивизии, расквартированной в Мадриде. Диктатор Primo de Rivera привлек его к разработке плана по созданию Академии генерального штаба, и вскоре после того, как летом 1927 года он сопровождал королевскую чету во время их официального турне в Марокко, Франко становится начальником вновь созданной академии в Сарагосе. На этом посту он и встретил падение диктатуры в 1929 году, а затем и монархии в апреле 1931 года.

Карьера оборвалась молниеносно: приказ о закрытии академии был подписан Асанья 12 июля, а 22 июля новый приказ предписывал генералу Франко принять командование 5-й дивизией. Принимая новое назначение, Франко поклялся «верно служить Республике, подчиняться ее законам и защищать ее с оружием в руках»¹⁹. Но свою прощальную речь в академии он закончил возгласом «Да здравствует Испания!», а не «Да здравствует Республика!», чему впоследствии и респуб-

ликанцами, и монархистами был придан особый смысл.

В армии у Франко была прочная репутация политически индифферентного службиста: его не было среди тех армейских офицеров, которые участвовали в заговорах против диктатуры и монархии. Из этого делался вывод, что Франко не монархист и не республиканец. Но в то же время было широко известно о том, что самый молодой генерал испанской армии был в большом фаворе у последнего короля Альфонса XIII. Возможно, именно поэтому он впал в немилость после установления Республики, и Асанья, глава республиканского правительства и военный министр, направил оставшегося не у дел бывшего начальника Академии генерального штаба командовать заштатной 5-й дивизией в Сарагосе. 13 февраля 1932 г. Франко был назначен командиром 15-й пехотной бригады в Ла-Корунья. Летом его там посетил Асанья, и местные газеты поместили их совместную фотографию.

Это было время, когда генерал Санхурхо — сын карлистского генерала в последнюю карлистскую войну и начальник гражданской гвардии накануне падения Альфонса XIII — заканчивал последние приготовления к антиреспубликанскому путчу. В Мадриде путч должны были возглавить Баррера и Кавальканти, в Севилье — Санхурхо, в Вальядолиде — Понте, в Гранаде — Гонсалес Карраско, в Кадисе — Варела. Заговорщики надеялись привлечь и генерала Франко, и с этой целью их эмиссаром была предпринята поездка в Ла-Корунья. Однако привычная осторожность взяла верх: решив, что пронунсиаменто имеет мало шансов на успех, Франко отказался принять в нем участие²⁰. Хотя Санхурхо был тесно связан с вождем карлистов Фалем Конде и с детства воспитан в идеалах традиционалистов, он тем не менее, учитывая господствующее настроение в стране, в своем манифесте утверждал, что им руководит «не желание установить антиреспубликанский режим, а стремление освободить Испанию от состояния тревоги, которое за один только год принесло такой огромный моральный и материальный ущерб»²¹. Мятеж генералов, начавшийся в 5 час. утра 10 августа, провалился. В столице в 7 час. утра уже все было спокойно. В Севилье мятеж был подавлен 11 августа.

Некоторое разочарование отдельных слоев населения в результатах деятельности республиканского правитель-

ства Асаньи вовсе не означало безразличия к судьбам Республики. «Против Санхурхо поднялся весь севильский пролетариат»²², — писал социалист В. Каррильо в газете «Социалиста», отметив при этом преобладающее влияние коммунистов.

Генерал Санхурхо бежал и был арестован между Кадисом и Уэльвой. 26 августа Высший военный совет приговорил Санхурхо к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением. Были арестованы и преданы суду генералы, принимавшие участие в мятеже или поддерживавшие контакты с мятежниками. Франко остался вне подозрений.

Однако Франко вовсе не стремился остаться полностью в стороне от всех политических течений тогдашней Испании. Осенью 1933 года он сблизился с некоторыми деятелями руководимой Хилем Роблесом партии Народное действие. В этом ему помог муж его сестры Р. Серрано Суньер²³, молодой адвокат, один из руководителей организации Молодежь народного действия. Лидеры этой организации разделяли идеалы Народного действия, но вместе с тем и не скрывали своего явного восхищения германским фашизмом, во всяком случае они часто употребляли фразеологию нацистов, угрожая «марксистам, масонам и евреям» Варфоломеевской ночью²⁴.

В 1934 году Франко установил контакт с некоторыми деятелями партии радикалов. В феврале того же года мать Франко решила совершить паломничество в Рим. Франко намеревался проводить ее до побережья, и в связи с этим прибыл в Мадрид. Задуманная поездка не состоялась, так как Пиляр Франко вскоре умерла от воспаления легких. Свое пребывание в Мадриде Франко использовал для установления контакта с военным министром, членом руководимой Леррусом партии радикалов, Диего Идальго, на которого он произвел благоприятное впечатление: в марте Франко получил повышение в чине, а в сентябре 1934 года он сопровождал министра во время маневров в провинции Леон в качестве его личного консультанта. По возвращении в Мадрид министр предложил Франко остаться в столице.

Это были годы, названные испанским народом «черным двухлетием». Они наступили после поражения на парламентских выборах в ноябре 1933 года партий левых республиканцев и социалистов: из 473 депутатских

мандатов в новых кортесах СЭДА получила 98 мандатов, партия радикалов — 100, аграрии — 51, в то время как левые республиканские партии получили всего 70 мандатов и социалисты — 60²⁵. Вскоре после прихода к власти (8 декабря 1933 г.) правительство радикалов ввело чрезвычайное положение. Используя статут чрезвычайного положения, правительство радикала Лерруса, а затем Сампера, закрывало рабочие центры, запрещало рабочую прессу, распускало муниципалитеты. Забастовки всех типов объявлялись незаконными, хотя право на забастовку и было предусмотрено Конституцией 1931 года²⁶.

Но рабочее движение Испании не было парализовано чрезвычайными мерами реакционных правительств.

8 сентября 1934 г. в Кавадонге (Астурия) должен был состояться слет молодежи СЭДА. Как только об этом стало известно, руководители комсомола и социалистической молодежи Астурии заключили соглашение о совместных действиях в борьбе против готовящейся демонстрации правых.

7 сентября все три профсоюзных центра Астурии — Унитарная конфедерация труда — УКТ (руководимая коммунистами), Всеобщий союз трудящихся — ВСТ (руководимый социалистами), Национальная конфедерация труда — НКТ (контролируемая анархистами) — опубликовали совместное решение об объявлении 8 сентября всеобщей политической забастовки²⁷.

И пролетариат Астурии сорвал слет в Кавадонге. Хиль Роблес, выступая на следующий день в кортесах, обвинил правительство Сампера в неспособности обеспечить порядок и объявил о намерении СЭДА взять власть. Социалисты, в свою очередь, почти открыто говорили о своем намерении ответить на попытку СЭДА взять власть путем вооруженного восстания.

Компартия Испании была против новой путчистской тактики социалистов²⁸. Но поскольку рабочие-социалисты и члены ВСТ были полны решимости подняться на восстание, сентябрьский Пленум ЦК компартии Испании решил, что компартия должна участвовать в любом массовом выступлении или восстании, даже если оно начнется и не под лозунгами компартии.

1 октября правительство Сампера ушло в отставку. 2 октября было сформировано новое правительство с участием трех членов СЭДА. Официальное сообщение

о составе правительства было опубликовано лишь вечером 4 октября: правительству необходимо было сделать последние приготовления к подавлению давно ожидавшегося восстания.

В ночь на 5 октября началась всеобщая политическая забастовка. В Каталонии, Мадриде, Стране басков и Леоне борьба скоро прекратилась, а в Астурии политическая забастовка переросла в вооруженное восстание.

В Мадриде, в военном министерстве, Д. Идальго с нетерпением ждал генерала Франко, который после окончания маневров в Леоне попросил разрешения посетить Овьедо и все еще не возвращался. Вместе со своим родственником Франко-Салгадо и двумя морскими офицерами Франко должен был возглавить в министерстве специальный центр по руководству подавлением восстания. Впоследствии военный министр объяснил причину, по которой его выбор пал на Франко: «Он долгое время жил в Астурии, имел там связи и знал не только столицу и шахтерские поселки, но также побережье и линии коммуникаций в этом районе». К тому же Идальго был очень высокого мнения о личных качествах Франко. По его словам, генерал «был предан до конца своей профессии и был в совершенстве наделен всеми достоинствами профессионального военного; он много работал, ясность его мышления, понимание и общее образование — все было поставлено на службу армии... Он был педантичен в выполнении своего долга, что, возможно, заслуживает критики...»²⁹.

Франко прибыл в Мадрид 6 октября и весьма энергично занялся организацией подавления астурийского восстания. Он предложил министру двинуть на Астурию военные силы с трех сторон: с юга — из Леона, с запада — из Галисии, с востока — из баскских провинций. Оба порта Астурии — Хихон и Авилес стали местом высадки карательных войск, которые были переброшены на крейсерах «Либертад» и «Сервантес». 11 октября на линкоре «Хаиме-1» прибыли три бандеры иностранного легиона и табор марокканцев, вызванные по просьбе Франко. Командовал легионом товарищ Франко по службе в Африке полковник Ягуэ. Он и генерал Лопес де Очоа взяли на себя руководство расправой над восставшими. Астурия была залита кровью. Франко и военный министр прибыли в Овьедо 24 октября. Организато-

ров подавления астурийского восстания буржуазный Овьедо встречал как спасителей.

«Усилия» Франко по усмирению восставшей Астурии были должным образом оценены: в феврале 1935 года Франко был назначен командующим вооруженными силами в Испанском Марокко, а в мае 1935 года, когда военным министром становится Хиль Роблес, — начальником генерального штаба.

Никогда еще до этого за всю историю второй Республики у Испании не было такого правого реакционного правительства. Но состав правительства уже не отражал соотношения сил в стране: Испания была на пороге нового подъема, признаки которого ощущались повсеместно. В марте 1935 года усилия Национального комитета помощи заключенным и выступления крупнейших представителей испанской интеллигенции вынудили правительство Лерруса обратиться к президенту Республики с просьбой отменить смертные приговоры 20 участникам вооруженного восстания в Астурии³⁰.

Решение президента о помиловании было воспринято антифашистами и демократами как свидетельство больших возможностей воздействия общественного мнения на решение властей. Одним из инициаторов создания Национального комитета помощи заключенным была Коммунистическая партия Испании, и самоотверженная борьба коммунистов за спасение осужденных на смерть и за амнистию еще 30 тыс. арестованных участников октябрьского восстания у большинства социалистов ломала лед недоверия между двумя рабочими партиями — Коммунистической и социалистической. Плоды многолетней антикоммунистической пропаганды были в известной мере нейтрализованы.

2 июня 1935 г. генеральный секретарь КПИ Хосе Диас призвал создать Народный фронт: «Мы использовали момент, когда враг в результате подъема рабочего движения ослабел, и на знаменитом митинге в мадридском кинотеатре «Монументаль» в июне 1935 года, когда впервые можно было открыто обратиться к населению Мадрида, предложили создать Народный фронт»³¹.

В августе состоялся исторический VII конгресс Коминтерна. Обобщая опыт коммунистических партий Европы и Америки, конгресс подверг критике отрицательное отношение к использованию буржуазной демократии в интересах рабочего класса, особенно опасное в

новых условиях, когда фашизм после утверждения в Германии угрожал и другим народам. Был сделан вывод о том, что преградить путь к фашизму можно лишь путем создания коалиции всех классов и групп, интересам которых угрожал фашизм. Успех антифашистского движения зависел от степени единства рабочего класса, а поэтому вопросы, связанные с единым рабочим фронтом, приобрели особое значение.

Решения VII конгресса произвели большое впечатление в Испании, хотя их в полной мере смогла оценить лишь компартия. Левореспубликанская пресса подхватила термин «Народный фронт» применительно к разного рода коалициям, и прежде всего к складывающейся летом — осенью коалиции левых сил. В социалистической партии многие также отнеслись к Народному фронту как к одной из форм избирательного альянса: находившийся в эмиграции И. Прието в письмах из Парижа горячо поддерживал необходимость организационного оформления союза левых сил, рассматривая его как своего рода видоизмененную форму республиканско-социалистической коалиции кануна 1931 года, но на этот раз направленную против стремления СЭДА захватить власть³².

В атмосфере нового подъема рабочего и демократического движения депутаты кортесов от социалистической и республиканских партий становились с каждым днем все решительнее. 2 октября Мартинес Баррио предложил президенту Республики распустить кортесы и назначить новые выборы. Обращаясь к Хилю Роблесу, он сказал: «Вы имеете возможность продемонстрировать, что страна находится на Вашей стороне. Пусть будут назначены выборы»³³.

20 октября Асанья произнес в Мадриде речь перед 200-тысячной аудиторией в защиту новых выборов: «Вы должны выбрать между демократией со всеми ее недостатками, заблуждениями или ошибками и тиранией со всем ее ужасом»³⁴.

В начале января президент распустил кортесы и назначил выборы на 16 февраля 1936 г.

Все понимали, что выборы должны сыграть роль плебисцита. Поэтому избирательная кампания началась бурно, к тому же невиданная с первых лет Республики атмосфера легальности предельно обнажила страсти. Правые открыто связывали с победой на выборах

свои надежды на окончательное разрушение основ аперельской Республики, и прежде всего пересмотр Конституции 1931 года.

Откровенность правых устранила последнее колебание социалистов и левых республиканцев. 15 января был подписан Избирательный пакт левых партий, который вошел в историю как Пакт о Народном фронте. И хотя точки зрения представителей организаций, подписавших пакт, во многом не совпадали³⁵, их всех объединяло общее стремление преградить дорогу реакции и добиться полного восстановления демократических свобод. По просьбе левых республиканцев в тексте пакта было специально оговорено, что «Республика, признаваемая республиканскими партиями, не должна быть Республикой, руководимой классовыми и социальными мотивами, она должна стать режимом демократических свобод и социального прогресса»³⁶.

На выборы Хиль Роблес, по общему признанию современников, духовный вождь реакции, шел с лозунгом «Не менее 300 депутатов». Однако полной уверенности в победе не было ни у его многочисленных сторонников, ни у тех, кто по тем или иным причинам связывал с победой СЭДА свои надежды.

В полной мере это относилось и к начальнику генерального штаба испанской армии генерал-майору Франко, во многом обязанному своей карьерой расположению Хиль Роблеса. В дни ожесточенной предвыборной борьбы Франко находился в Лондоне, куда прибыл 26 января в связи с похоронами английского короля Георга V. На церемонию Франко был приглашен не только как начальник штаба, но и как офицер 8-го пехотного полка, почетным полковником в котором по традиции числился король Англии.

По свидетельству испанского военного атташе в Париже майора Барросо, сопровождавшего Франко, генерал был очень озабочен происходящим в Испании. На обратном пути из Лондона в Париж между Франко и майором Барросо произошла примечательная беседа.

По свидетельству Барросо, это было во время переправы через пролив, штормило, и на палубе никого, кроме них, не было. Франко выразил надежду, что Народный фронт не победит на выборах, но в то же время и не исключал полностью и эту возможность. Во всяком случае, он дал понять, что армия подготовлена. Дальнейшие

Действия зависят от того, победит или не победит Народный фронт. «Если случится самое худшее, наш долг вмешаться», — именно так, по словам Барросо, определил очередность действий Франко. В беседе шла речь о Мола, Годее и Санхурхо, который все еще находился в Португалии, но был, по словам Франко, полностью информирован. Франко выразил уверенность, что в случае победы Народного фронта он не останется начальником штаба. И если Барросо услышит, что Франко — в Африке, это будет означать, что заговорщики решили действовать. В этом случае Барросо должен был начать подготовку общественного мнения Франции³⁷.

5 февраля Франко возвратился в Мадрид. К этому времени предвыборная кампания была уже в разгаре. Асанья, встревоженный размахом агитации правых, причем особое рвение проявляли служители культа, накануне выборов предлагал призвать народ к их бойкоту, поскольку на какое-то время потерял уверенность в благополучном исходе. С трудом его удалось удержать от этого шага³⁸.

Известно, что обстановка, в которой проходили выборы, отличалась большой активностью избирателей и весьма бурными формами проявления политических страстей. Улицы Мадрида и других городов были запружены толпами людей с лозунгами и плакатами Народного фронта. Все напоминало о событиях пятилетней давности, когда была провозглашена Республика. Примо де Ривера, явившийся в министерство внутренних дел 16 февраля с просьбой предоставить его организации оружие, заявил: «Дух 6 октября (т. е. астурийского восстания) победил»³⁹. Не менее встревоженный генерал Франко связался по телефону с генералом Посасом, начальником гражданской гвардии, и выразил мнение, что толпы могут выйти из повиновения. Посас заверил Франко, что все происходящее не более как проявление высокого духа. Затем Франко позвонил генералу Молеро, сменившему Хилия Роблеса на посту военного министра. Франко убеждал Молеро объявить «военное положение» как крайне необходимую превентивную меру, поскольку статут «военного положения», согласно Конституции, предусматривает переход функций управления из рук гражданских властей в руки армии. На это Молеро ответил, что приказ о введении «военного положения» должен быть санкционирован премьер-министром⁴⁰. Тогда Франко отправился к главе пра-

вительства М. Портела Вальядаресу и попытался убедить его объявить «военное положение». Портела задал Франко вопрос, почему армия не совершит этот акт по собственной инициативе? На это Франко ответил, что отсутствие правительственного распоряжения вызовет раскол, а, кроме того, правительство контролирует гражданскую гвардию, сотрудничество которой крайне необходимо. Ничего не решив, Портела Вальядарес отпустил Франко до вечера.

Вслед за тем генералы Гоед, Фанхуль и Родригес дель Баррио потребовали, чтобы Франко дал сигнал к военному мятежу, поскольку правительство не желает этого делать. Франко дал поручение запросить комендантов гарнизонов, присоединятся ли они к мятежу, и получил ответ: «Нет».

Результаты выборов, о которых было объявлено 18 февраля, принесли победу Народному фронту. После того как стали известны результаты выборов, президент Республики поручил Асанье сформировать правительство.

Революционная активность большинства испанского рабочего класса, сумевшего накануне выборов в кортесы объединить вокруг идеи антифашистской борьбы известные слои не только трудового народа, но и мелкой и части средней буржуазии, закрыла перед правыми возможность завоевания власти парламентским путем. Как заметил современный западногерманский историк Манфред Меркес, «после выборов 16 февраля экстремисты побежденных партий апеллируют к оружию»⁴¹.

19 февраля в газете «Сосиалиста» были опубликованы сведения о том, что Франко и Гоед готовят мятеж⁴². В результате Франко и Гоед оказались под арестом, правда, весьма непродолжительным. Несколько дней спустя генерал Мола был переведен из Африки в захолустную Памплону, Гоед — на Балеарские острова, Франко — на Канарские. Новое правительство постаралось отправить подозрительных генералов подальше от центра событий. Но это не помешало им плести паутину заговора и цепко держать в своих руках все его нити.

Потерпев поражение при попытке взять власть легальным путем, реакция отныне стала возлагать все свои надежды на внепарламентские действия. Документальные доказательства существования какого-либо общего пакта или соглашения всех правых сил отсутствуют, но каждое из консервативно-реакционных течений испанского обще-

ства весной—летом 1936 года внесло свою «лепту» в становление фашистского движения в стране.

Военные заговорщики действовали без шума, предпочитали не афишировать свою деятельность, но по организованности они, по-видимому, не имели себе равных в лагере реакции.

Франко, Гоед и Мола взяли под свое покровительство членов общества с крайне неопределенными целями, которое называлось Испанский военный союз, и приложили все усилия, чтобы превратить аморфный до тех пор конгломерат в сплоченную и разветвленную организацию, судя по всему, имевшую связь с лидерами фаланги. Мола использовал свое пребывание в Памплоне, чтобы укрепить связь с карлистами (традиционалистами) и их лидером Фалем Конде, влияние которых на севере страны было достаточно велико. Но это не означает, что руководители военного заговора разделяли идеалы карлистов.

Генерал Мола в свое время представил на рассмотрение проект создания в будущем всевластной военной директории. Этот проект предусматривал сохранение республиканского режима, отделение церкви от государства, свободу для всех религий⁴³.

Участники почти пятичасовой ожесточенной дискуссии не пришли к какому-либо однозначному решению: в процессе дискуссии выяснилось, что одни поддерживают карлистского претендента, другие выступают за реставрацию Альфонса XIII, третьи — за консервативную республику без социалистов в парламенте и правительстве. Проект был передан находившемуся в Португалии генералу Санхурхо. Санхурхо с большей симпатией относился к традиционалистам, чем Мола, но и он, поддерживая план создания всевластной военной директории, настаивая на необходимости покончить с деятельностью политических партий, уклонился от окончательного решения и не высказался ни в пользу монархии, ни в пользу корпоративного государства⁴⁴.

В практической подготовке заговора в первые дни после победы Народного фронта генерал Франко не участвовал: он колебался. Его биографы утверждают, что последние сомнения Франко отпали во время его переезда из континентальной Испании на остров Тенерифе. 8 марта он прибыл в Кадис, где должен был сесть на пароход, отправляющийся к Тенерифе. На набережной его встретила толпа, пришедшая выразить свое негодование «мяс-

нику Астурии». Франко считал это за оскорбление мундира. Негодующая толпа окружила его и по прибытии на Канарские острова. Но эти события не определили, а только ускорили окончательное присоединение Франко к заговорщикам.

Активизировали свою деятельность фалангисты. Успехи фаланги на выборах были более чем скромными: ее кандидаты собрали всего лишь 40 тыс. голосов, и число ее членов не превышало 5 тыс. человек⁴⁵. После выборов Примо де Ривера стал издавать ежедневную газету «Арриба», в которой пропагандировал свою доктрину, и если судить по фразеологии ее статей, то фалангисты пытались предстать перед своими неискушенными в политике читателями не меньшими социалистами, чем иные деятели социалистической партии. Эмиссары фаланги развернули активную деятельность по вербовке членов, и весной 1936 года фаланга насчитывала около 60 тыс. человек⁴⁶.

Но особую активность фалангисты проявляли на улицах, организуя на левых деятелей одно покушение за другим. 13 марта 1936 г. группа фалангистов пыталась убить видного социалиста Хименеса де Асуа, одного из авторов Конституции. Хименес де Асуа остался жив, но охранявший его полицейский был убит. Вечером того же дня газета «Сосиалиста», помещая сообщение о покушении на Асуа, закономерно задала вопрос: «Действительно ли у власти левые? Перевероты без счета..., покушения, инциденты»⁴⁷. 15 марта Асанья отдал приказ об аресте Примо де Ривера, как руководителя организации, совершившей покушение.

В марте—июне фалангистами были совершены покушения на Ларго Кабальеро, Ортега-и-Гассета, Альвареса Мендисабля и многих других. 14 апреля во время демонстрации в честь 5-й годовщины Республики фалангисты пытались совершить покушение на членов правительства. У рабочего класса страны, который бурно реагировал на эти эксцессы, не оставалось сомнения в том, что шла организация контрреволюции.

Деятельность кортесов была парализована обструкцией правых. В своих речах глава СЭДА Хиль Роблес упреждал все свое красноречие для доказательства нежизнеспособности существующей Республики и неспособности правительства руководить страной. 16 июня Хиль Роблес обратился с внеочередным запросом к правительству Рес-

публики по поводу общественного порядка. Он заявил: «Государство может жить при монархии или при Республике, с парламентарной или президентской системой, под властью коммунизма или фашизма. Но оно не может жить в состоянии анархии. Сегодня же Испания во власти анархии. И мы скоро будем присутствовать на панихиде по демократии». И привел своеобразную статистику «преступлений» Народного фронта, утверждая, что за 5 месяцев его существования было разрушено полностью 169 церквей, частично повреждено — 257, убито 269 человек, ранено — 1879, совершено вооруженных ограблений — 161, проведено 113 всеобщих и 228 локальных стачек, взорвано 146 бомб⁴⁸. При этом Роблес не счел нужным уточнить, какая доля в этих преступлениях падает на фалангу и правых.

Левые силы восприняли выступление Хилия Роблеса как попытку подорвать веру в Народный фронт и запугать его правый фланг — республиканцев — угрозой политического хаоса. Отвечая Хилию Роблесу, Долорес Ибаррури сказала: «Надо арестовать тех, кто с неслыханным цинизмом, не смыв еще крови жертв октябрьских репрессий, является сюда, чтобы требовать наказания за то, что не было совершено»⁴⁹.

Речь Хилия Роблеса в те дни многие рассматривали как своего рода попытку «идеологически» обосновать необходимость государственного переворота. 5 июля 1936 г. на митинге в Овьедо руководители компартии — Хосе Диас, Долорес Ибаррури и др. — говорили массам о готовящемся государственном перевороте как о реальной угрозе⁵⁰. Приблизительно в это время, в начале июля, Франко информировал Мола, что настало время действовать, а на рассвете 18 июля прозвучал известный сигнал. Мятеж начался в Марокко, этой ахиллесовой пяте Испанской Республики, а затем охватил всю Испанию. Так началась война испанской реакции против собственного народа.

Это был противозаконный акт, путч против избранного кортесами правительства, и поэтому руководители сочли необходимым создать своего рода «моральное прикрытие», попытавшись изобразить мятеж как некую превентивную меру. Так была создана легенда, которая даже в буржуазной историографии Запада получила название «черной»⁵¹. Одним из элементов этой легенды была версия о том, что своим рождением Республика была обязана заговору масонов, контролируемому силами «интерна-

ционального масонства». К масонам были причислены: крупнейшие деятели Республики — М. Асанья, М. Альварес, М. Портела Вальядарес, М. Баррио, М. Доминго, Л. Кампанис, А. Леррус; социалисты — Л. Хименес де Асуа, Ф. де лос Риос; военные — Л. Очоа, С. Посас и даже коммунист Каэтано Боливар, «доктор бедных», единственный депутат-коммунист в кортесах 1933 года. Эта легенда, по замыслу ее создателей, должна была уязвить чувства католиков и направить их на борьбу с «масонской» Республикой. Примечательно, что в истинность этой легенды до недавнего времени верили многие испанцы, чему в немалой степени содействовали усилия Э. Комин Коломера, официального историографа франкизма, руководителя одного из крупнейших учреждений политической полиции. Он в своей работе «Секретная история Испанской Республики» утверждал, что через много лет после окончания войны в Саламанке был найден архив масонов, который будто бы полностью подтвердил эту легенду⁵².

Но все же важнейшим компонентом «черной» легенды было многократно повторенное идеологами франкизма утверждение о том, что левые силы Народного фронта пытались установить в Испании советскую республику под руководством Ларго Кабальеро, революция должна была совершиться между 11 мая и 29 июня, что дата затем была перенесена на 1 августа и таким образом военный мятеж 18 июля предотвратил советскую революцию в Испании.

7 августа 1936 г. в газете «Диарио де Наварра» были опубликованы так называемые «документы», согласно которым 16 мая 1936 г. в клубе социалистов «Народный дом» (Валенсия) представителями коммунистических партий Франции, Испании и Советского Союза был принят план захвата власти в Испании и Франции. По этому зловещему плану, согласно сенсационным «сведениям» газеты, была предусмотрена и кампания по дискредитации социалистов-реформистов Бестейро и Прието, и стачечная борьба с целью разрушения буржуазного государства, и установление советской власти во главе с Ларго Кабальеро и левыми социалистами в качестве «комиссаров». Международную огласку этот «документ» получил после публикации на страницах лондонской газеты «Таймс» 3 мая 1938 г., и уже тогда были высказаны сомнения в его подлинности. Современный американский

буржуазный исследователь Г. Джексон находит «массу невероятных утверждений», содержащихся в этом так называемом «документе». Он напоминает, что в 1936 году Коммунистический Интернационал всецело ориентировался на установление антифашистского фронта не только с пролетарскими, но и со всеми буржуазными силами, выступающими против фашизма. В Испании коммунисты открыто критиковали «детскую левизну» кабальеристов⁵³. План предусматривал ниспровержение правительств Народного фронта в Испании и Франции, формирование которых приветствовали коммунисты, для того чтобы дать власть преимущественно кабальеристам, которых коммунисты критиковали.

«Документ» называет поистине фантастическую смесь лиц, «присутствовавших» на совещании в Валенсии в мае 1936 года или «посвященных» в этот план. Наряду с Морисом Торезом, Хосе Диасом, Георгием Димитровым названы социалист Ларго Кабальеро, анархисты Д. Антон, Г. Оливер, А. Пестанья, хотя известно, что именно в это время анархисты вели поистине братоубийственную борьбу с кабальеристами, одним из инициаторов которой был экстремист из НКТ Д. Антон. Мало того, среди тех, кто был посвящен в план или должен был впоследствии стать «комиссаром», «документ» называет Л. Хименеса де Асуа и В. Ориоля. Между тем, напоминает Джексон, социалист Хименес де Асуа был постоянным приверженцем центра И. Прието, убежденным сторонником легального парламентского правительства и одним из авторов Конституции 1931 года⁵⁴. Но все дело в том, что Хименес де Асуа был одним из адвокатов крестьян Кастильбланко⁵⁵ и выступал на процессах в защиту социалистов — участников астурийского восстания, чем и вызвал гнев правых. В. Ориоль был французским социалистом, членом парламента, который по поручению Международной лиги прав человека обратился к Алькала Самора, в то время президенту Республики, с просьбой об амнистии лидеров социалистической рабочей партии Испании, приговоренных к смертной казни в феврале 1935 года.

На основании анализа этого поистине фантастического собрания несуразностей Г. Джексон пришел к выводу, что «документ был подготовлен не чрезмерно информированными правыми элементами»⁵⁶.

Примечательно, что известный испанский историк-антикоммунист М. Гарсиа Венеро в своей трехтомной

«Истории интернационалов в Испании», весьма детально описывая формирование Народного фронта, уделяя много внимания взаимоотношениям французских и испанских социалистов и коммунистов, день за днем описывая события июня 1936 года, скрупулезно выискивая все то, что могло бы бросить хотя бы малейшую тень на левые силы и послужить делу антикоммунистической пропаганды, — нигде не упоминает о якобы существовавшем намерении левых сил установить «советы» в июне 1936 года⁵⁷.

Но тогда, в начале мятежа, в эту фантастическую версию верили многие не очень искушенные в политике, но ненавидящие левых офицеры так называемой националистической армии; во всяком случае, в начале 60-х годов практически все офицеры-националисты, с которыми говорил американский историк Г. Джексон, свято верили в эту легенду.

Главнокомандующим вооруженными силами мятежников по предварительной договоренности должен был стать генерал Санхурхо. Но 20 июля самолет, на котором генерал летел из Португалии в Бургос, загорелся в воздухе, и Санхурхо погиб.

Хуан Итурральде, автор трехтомного труда «Католицизм и крестовый поход Франко», высказал предположение, которое еще раньше имело хождение в среде журналистов, что Франко каким-то образом был причастен к гибели Санхурхо⁵⁸. Однако пилот потерпевшего аварию самолета Хуан Ансальдо, спасенный крестьянином, вытащившим его, раненого и обгоревшего, из-под обломков самолета, не подтверждает это предположение. Ансальдо впоследствии стал яростным врагом Франко, и тем не менее он предполагал, что всему виной был тяжелый ящик, который внесли след за генералом в маленький самолет. На вопрос Ансальдо один из проважавших генерала ответил, что в ящике — мундиры генерала, без которых он не сможет принимать триумфальный парад в Мадриде⁵⁹.

Мятежники остались без главнокомандующего. Франко в то время был командующим группой войск в Африке, Мола — командующим группой войск Севера, Кейпо де Льяно — несуществующей пока армией Юга.

Можно было предположить, что главнокомандующим должен был стать один из них. Кандидатура Кейпо де Льяно была наименее вероятна, хотя о нем и говорили в армии как об образце современного генерала. Старый

конspirатор, участник заговоров еще в период борьбы против монархии, он совершенно был неприемлем для монархического крыла в лагере мятежников: поговаривали, что он был республиканец и к тому же масон. Аристократов отталкивали его крайне грубые манеры⁶⁰.

24 июля под председательством престарелого генерала М. Кабанельяса⁶¹ была создана военная хунта в составе генералов Саликета, Понте, Давила и Мола. 3 августа в состав хунты были включены Франко и Кейпо де Льяно. Мола был мозгом и душой заговора, ему удалось установить связь с карлистами, но по личной популярности он не мог соперничать с Франко. Монархисты благоволители к Франко, считая его тайным монархистом. Через Ягуэ он установил связь с фалангой. Он был кумиром иностранного легиона, его поддерживали младшие офицеры, бывшие слушатели военной академии, начальником которой он в свое время был. Его армия со дня на день, по расчетам мятежников, должна была взять Толедо. Американский историк Хиллс считает, что все это обеспечило ему пост главнокомандующего силами мятежников⁶². Но были и еще немаловажные обстоятельства, которые современные биографы Франко не считают нужным принимать во внимание при рассмотрении причин, способствовавших победе Франко над его соперниками.

По просьбе Франко Л. Болин и Лука де Тена посетили Муссолини и передали письмо, в котором Франко просил предоставить ему самолеты. После непродолжительного колебания Муссолини отдал приказ об отправке 20 самолетов «Савойя—Маркетти»⁶³.

Приблизительно в то же время находившийся в Марокко подполковник Бейгбедер, бывший испанский военный атташе в Берлине, от имени Франко обратился к германскому военному атташе в Париже с просьбой содействовать закупке у германских частных фирм десяти транспортных самолетов максимальной грузоподъемности. Германский министр иностранных дел передал прошение Франко военному министру, который весьма отрицательно отнесся к просьбе испанских мятежников. Министерство иностранных дел Германии разделяло позицию военного министерства. «Известия о том, что мы поставляем оружие мятежникам... могут иметь чрезвычайно серьезные последствия»⁶⁴, — писал начальник политического департамента министерства иностранных дел Германии Дикгоф.

Одновременно Франко предпринял шаги, которые оказались более успешными. По его просьбе нацистский лидер в Марокко А. Лангенхайм и немецкий делец И. Бернхарден 22 июля вылетели в Берлин с личным письмом Франко Гитлеру и Герингу. Послание Франко вместе с рекомендациями местной организации нацистской партии в Сеуте было передано шефу заграничных организаций нацистской партии гауляйтеру Боле⁶⁵, а тот, в свою очередь, передал его в министерство иностранных дел. Как следует из меморандума Дикгофа от 25 июля 1936 г., с посланием Франко ознакомились не только в министерстве иностранных дел, но и в военном. Прибывшему Боле Дикгоф счел нужным сообщить свое мнение: совершенно необходимо, чтобы на данном этапе германские правительственные и партийные органы продолжали воздерживаться от любых контактов с посланцами Франко⁶⁶. Затем последовала продолжительная беседа Боле с нацистским деятелем Р. Гессом. Гесс приказал немедленно передать Гитлеру послание Франко⁶⁷. Гитлер в тот день находился в городе Байрейт, на вагнеровском фестивале, куда и отправились три чиновника ведомства заграничных организаций, способные, по мнению Боле, ответить на вопросы, которые могли возникнуть. Поздно вечером 25 июля, по возвращении Гитлера, состоялось совещание, на котором присутствовали Геринг, генерал-полковник Бломберг и адмирал Канарис, который считался знатоком Испании. Просьба Франко была горячо поддержана Герингом: «Я советовал ему (т. е. Гитлеру. — С. П.) оказать поддержку при всех условиях. Во-первых, с целью предупредить господство коммунизма на этом театре и, во-вторых, с целью использовать предоставляющуюся возможность испытать мою молодую авиацию в техническом отношении»⁶⁸, — говорил Геринг на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

Весьма примечательно, что ни министр иностранных дел Нейрат, ни Риббентроп, считавшийся внешнеполитическим поверенным Гитлера, не были приглашены на совещание, хотя оба были в Байрейте.

Письмо Франко впоследствии не было найдено, но о нем неоднократно упоминается во многих документах, в том числе и в речи Гитлера 6 июля 1939 г., где говорится о просьбе Франко о помощи и о решении откликнуться на этот призыв⁶⁹.

После разгрома гитлеровской Германии в наградном

отделе был обнаружен документ 5448/Е, в котором говорилось: «Ночью (Гитлером) было принято решение о поддержке генерала Франко. Это обстоятельство, и прежде всего то, что в осуществлении поддержки (Франко) принимала участие иностранная организация НСДАП, известны крайне ограниченному кругу лиц и должны сегодня также рассматриваться как совершенно секретные сведения»⁷⁰.

Для осуществления «помощи» Франко 26 июля в министерстве авиации был создан особый штаб «В» под руководством генерала Х. Вильберга, а на другой день первые двадцать транспортных самолетов «Юнкерс-52» вылетели в Тетуан. Вероятно, таким образом было успешно восстановлено звено, утерянное со смертью Санхурхо. Санхурхо вместе с Х. А. Примо де Ривера посетили Берлин и Кайзерхоф 4 февраля 1936 г., и, хотя впоследствии Примо де Ривера утверждал перед судом, что этот визит носил чисто протокольный характер, современники были уверены в том, что это был зондаж позиции руководителей фашистской Германии, и зондаж весьма успешный⁷¹. По мнению западногерманского исследователя М. Меркеса, версия об активной позиции Германии в период предварительной подготовки мятежа — не более чем фантазия⁷². Однако многие документы свидетельствуют об обратном. Вот один из них. После разгрома гитлеровской Германии в архивах было обнаружено письмо морского офицера высокого ранга, посланное из Испании в Берлин в апреле 1936 года. В нем говорилось: «Прежде всего нужно отметить победу Народного фронта в Испании и аналогичное течение во Франции. Это создает два важных преимущества: во-первых, тем самым франко-испанская граница утратила свое значение; она и испанская армия «ржавеют». Если (в случае вполне вероятного обострения противоречий) удастся завербовать дуче для того, чтобы вместе с нами занять Иберийский полуостров, то совместно мы смогли бы взять Францию в тиски с юга с тем, чтобы французы узнали, что значит вести войну на два фронта...

Вторым крупным преимуществом победы Народного фронта в Испании является сожжение церквей (акции анархистов. — С. П.)... Таким путем постепенно можно весь католический мир настроить против Испании, так что дуче, скорее, согласится с нашими планами. На это он безусловно получит благословение папы, и все дело

можно замаскировать так, будто бы дуче хочет восстановить там (в Испании) спокойствие и порядок «по поручению всего католического мира», следовательно, это будет своего рода крестовый поход в современном смысле — не против турок, а против коммунистов и атеистов»⁷³.

По-видимому, официально по государственной линии не было предварительно разработанных политических планов относительно Испании. Однако соответствующие исполнительные германские ведомства, в первую очередь заграничные организации нацистской партии и разведка, руководствуясь идеологическими соображениями, подготавливали почву для широкого вмешательства в испанские дела. Действия этих групп давления и повлекли за собой официальную политику нацистской Германии. Этим, по-видимому, и объясняется крайняя осторожность, проявленная министерством иностранных дел Германии в определении своей позиции при первом известии о фашистском мятеже на Пиренейском полуострове и отсутствие колебаний у партийного руководства.

Франко в глазах своего окружения стал тем лицом, кто уже установил личные связи с Гитлером и Муссолини, без поддержки которых успех мятежников, как об этом свидетельствуют итоги борьбы в конце июля — начале августа, был более чем сомнителен.

Американский историк Дж. Хиллс считает, что к сентябрю 1936 года вопрос стоял не о том, кто будет главным командующим, а когда⁷⁴. 29 сентября 1936 г. военная хунта в Бургосе провозгласила генерала Франко «главой правительства и командующим вооруженными силами». 1 октября Франко подписал свой первый декрет от имени «главы государства». Генералы Мола и Кабанельяс протестовали против самочинного возведения Франко в ранг «главы государства»⁷⁵, однако их протест не имел последствий. «Самый умелый среди военных», по словам крупнейшего контрабандиста Испании Хуана Марча, отныне стал каудильо Испании.

Многие исследователи истории испанского фашизма в своих работах придерживаются мнения, что Франко использовал внешние атрибуты фразеологии фалангистов лишь в своих публичных речах, а сам правил Испанией в духе милитаризма и личной власти на манер диктаторов

XIX — начала XX века — Нарваэса в Испании, Росаса в Аргентине и Порфирио Диаса в Мексике, что он правил, скорее, как католический король, чем фашистский диктатор⁷⁶.

Само обращение Франко к фашизму часто объясняют лишь надеждой на укрепление союза мятежников с Германией и Италией и в идеологическом аспекте. Франко отличается от диктаторов прошлого стремление создать новую форму государственности и настойчивые поиски массовой базы, и обращение Франко к фалангизму связано помимо всего прочего именно со стремлением обрести эту массовую базу.

Франко отдавал себе отчет в том, что в эпоху массовых движений и особенно в Испании, «развращенной», по мнению его окружения, «безответственными политиками», успех верхушечного пронунсиамента был более чем сомнителен. Провал мятежа Санхурхо в 1932 году не стал еще далеким прошлым. Архаичные идеи традиционалистов-карлистов и монархистов-альфонсистов были обращены в основном к прошлому Испании.

1 июля 1937 г. было опубликовано коллективное письмо испанских епископов, составленное кардиналом Гомá и подписанное почти всеми прелатами Испании, за исключением епископа Виттории Мичика и кардинала Видаля, в котором испанская церковь официально не только заявляла о своей поддержке «националистов», как себя именовали мятежники, но и объявляла путч «священной войной». Это значительно укрепило позиции франкистов, но не решало проблемы массовой базы.

Члены рабочих, политических, молодежных и профсоюзных организаций Испании были врагами номер один и находились по ту сторону баррикад, как и сторонники левореспубликанских партий. Деятели правореспубликанских партий и даже консервативных групп, которые еще до победы Народного фронта добивались отмены Конституции, Каталонского автономного статута, прогрессивного рабочего законодательства, а после 16 февраля 1936 г. прилагали все усилия, чтобы разрушить авторитет правительства и создать представление об эрозии государственной власти в Испании, не смели показаться в зоне мятежников, потому что в глазах развязавших неслыханный террор фанатиков-фалангистов и многих военных они были «презренными политиками», которые довели Испанию до катастрофы.

Джексон полагает, что Леррус и Хиль Роблес готовы были сотрудничать с Франко, но если бы хоть один из них приехал в мятежную часть Испании в конце июля или в августе 1936 года, он был бы расстрелян фалангистскими или карлистскими фанатиками⁷⁷.

Среди фалангистов было немало воспитанников испанских университетов, и тем не менее интеллигенция в глазах многих мятежников была виновницей «заблуждений» XX века и вопрос о завоевании на свою сторону ее симпатий никогда не ставился «националистами». Мало того, франкистскому движению с самого начала был присущ воинственный антиинтеллектуализм. Военные руководители мятежа не только неустанно твердили, что в страданиях Испании повинны «заблуждения интеллектуализма», но и постоянно демонстрировали враждебное отношение ко многим носителям этого интеллектуализма — испанской интеллигенции. Жертвами генеральской нетерпимости часто оказывались не только лица, известные своими антифашистскими взглядами, но и те, которые смели усомниться в святости нового «крестового похода». В этой связи весьма примечателен случай с Мигелем Унамуно. Мигель Унамуно, писатель и крупнейший философ, идеи которого в известной степени подготовили свержение монархии, был очень сложной и во многом противоречивой фигурой. Изгнанник в период диктатуры, а затем и монархии, в 1931—1932 годах он неоднократно выступал в «Народном доме», но апрельская Республика не оправдала его надежд, и старый философ в порыве досады сказал в октябре 1933 года, что спасти Испанию может только фашизм⁷⁸. Он был ректором Саламанкского университета, старейшего не только в Испании, но и в Европе, когда начался мятеж. Саламанка оказалась во франкистской зоне, и на первых порах мятежники проявили к нему лояльное отношение. 12 октября 1936 г. в Саламанкском университете торжественно отмечался День расы — испанской — церемония, проводившаяся в честь открытия Колумбом Америки. Унамуно занял свое место в президиуме рядом с епископом Саламанки и женой Франко Марией дель Кармен Пола. Но когда генерал Астраи, первый командир иностранного легиона, друг и покровитель Франко в начале его карьеры, заканчивая речь, провозгласил девиз легиона «Да здравствует смерть!», Мигель Унамуно не выдержал. Повернувшись к генералу, он сказал ему в своей обычной дидактической манере:

«Вы можете победить, но не убедить». Утверждают, что только вмешательство жены Франко спасло его от самосуда разъяренных военных, бросившихся к старому философу с криком «Смерть интеллигенции!»⁷⁹. На другой день утром Унамуно было объявлено, что он находится под домашним арестом. Затем он был освобожден от обязанностей ректора университета и вскоре умер. С этого начался поход на интеллигенцию, который продолжается по сей день.

Генерал Франко не был профессиональным политиком. Его политическая модель была предельно проста и состояла всего из двух-трех компонентов — единоличная власть, поднятие престижа и единение испанской нации. Но для ежедневного употребления эта модель, построенная вокруг «идеи» возрождения национальной славы, явно не годилась.

Человек консервативных убеждений и ревностный католик, Франко тем не менее при выборе основополагающей доктрины отдал предпочтение не карлистам и не приверженцам Хилья Роблеса, хотя и взял многие элементы из их идеологии, а фаланге, программу которой он считал более приспособленной к новой эпохе: фашистская фразеология с ее элементами социальной демагогии и обещаниями преобразований представлялась ему предохранительным клапаном для социального давления, которое в противном случае могло бы принять истинно революционное направление.

В отличие от иных фашистских диктаторов Франко предпочитал не тратить своего времени на публичные выступления и не пытался гипнотизировать массы своим голосом, однако в тех случаях, когда ему все же приходилось выступать, генерал уснащал свои речи национал-синдикалистскими, социальными, унитарными, миссионерскими терминами.

19 января 1937 г. в одной из первых своих речей, произнесенной перед массовой аудиторией, Франко заявил, что Испания страдала из-за заблуждений интеллектуализма и подражания иностранному. Он не сказал ничего определенного о будущей форме правительства, но дал понять, что Испания, по его разумению, нуждается не во всеобщем избирательном праве и региональной автономии, а в школах, санаториях и улучшении отношений между трудом и капиталом. Испания должна стать католическим государством⁸⁰.

Эта комбинация идей фаланги и карлизма в том или ином сочетании становится характерной для публичных выступлений диктатора. Подражая германским нацистам, он любил также рассуждать о крови и расе, но практических результатов это не имело.

К тому времени лидеры фаланги Примо де Ривера, О. Редондо, Х. Руис де Альда были мертвы, Ф. Куэста все еще находился в мадридской тюрьме (был выпущен в октябре 1937 г.). Оставался еще М. Эдилья, фактический руководитель фаланги в конце 1936—начале 1937 года, но, по мнению окружения Франко, он был посредственностью и не представлял серьезной опасности как соперник в борьбе за власть⁸¹. Это еще больше подняло цену фаланги в глазах Франко: в его распоряжении была организация с готовой программой, многие положения которой ему импонировали, например доктрина об империалистической миссии Испании, о насилии, о диктатуре как орудии национального единства, о корпоративной системе национальных профсоюзов, призванной контролировать экономическую и социальную сферу, и т. д., и фактически без вождей.

Франко не только не противился, но, напротив, поощрял создание особого культа мертвого вождя — Хосе Антонио Примо де Ривера. Франко не возражал против того, что на собраниях фалангистов звучал хорал: «Хосе Антонио жив!». Но действительно живых лидеров фаланги, которые, однако, не проявляли необходимого восторга в связи с планами Франко приспособить фалангу к своим нуждам, диктатор быстро и решительно обезвредил.

Это относится прежде всего к Эдилье, портовому механику, представлявшему весьма немногочисленное «пролетарское крыло» в фаланге. Первая нежелательная для Франко реакция фалангистов, и в том числе Эдильи, на готовящийся проект создания государственной единой партии, где фаланге отводилась роль одного из компонентов, проявилась уже в конце марта 1937 года. Франко было известно, что 18 апреля должны были произойти выборы национального лидера фаланги, и серьезных претендентов на этот пост, кроме Эдильи, не было. Это ускорило осуществление мероприятия по его устранению: в ночь с 14 на 15 апреля выстрелом в спину был убит один из членов группы Эдильи⁸². Эдилья был задержан до выяснения обстоятельств. Существует мнение, что борьба с Эдильей и его фракцией — это внутреннее дело

фаланги, результат трений с фракцией «интеллектуалов», так называемой севильской школой друзей Хосе Антонио. Однако это не так. Известно, что 11 апреля 1937 г. Франко встретился с германским послом генералом Фаупелем. В беседе, продолжавшейся два часа, Франко сказал генералу Фаупелю, что при старой парламентской системе страна не могла развиваться. Фаланга, которая в теоретическом плане в значительной степени отражает идеи национал-социалистской и фашистской модели, за прошедший год стала весьма массовой, однако после смерти Х. А. Примо де Ривера у нее нет реального лидера. Эдилья, по словам Франко, был честным человеком, однако он совершенно не подходил для роли лидера фаланги: он окружил себя самонадеянными юнцами, и, вместо того чтобы влиять на них, сам оказался под их влиянием. Франко сообщил далее о своем намерении слить фалангу с монархическими группами и желанием возглавить эту объединенную партию. На замечание посла, что руководство партией потребует много времени и отвлечет его от руководства военными операциями, Франко ответил, что он намерен создать хунту из фалангистов и монархистов, которая и будет помогать ему в делах партии.

После беседы с Франко Фаупель встретился с руководителями зарубежной организации нацистской партии и представителем итальянской фашистской партии при посольстве Италии. Участники совещания пришли к решению оказать поддержку Франко. Участь Эдилья и его окружения была предрешена⁸³. Теперь Франко решил, что настало время действовать.

19 апреля 1937 г. с балкона епископского дворца в Саламанке, где находился тогда генеральный штаб мятежников, Франко провозгласил декрет о слиянии всех партий в единую Испанскую традиционалистскую фалангу. В данном выступлении Франко противопоставил создаваемое объединение политическим партиям и организациям, обвинив их во всех смертных грехах. Каудильо дал понять, что речь идет не о передаче власти фаланге, а о подчинении ее целям правительства. Новая фаланга будет представлять собой националистическую унитарную партию всех сторонников режима, будь то фашисты, клерикалы, монархисты, консерваторы или умеренные либералы. Франко разъяснил далее, что создается не конгломерат различных групп, а «истинное политическое

объединение, которое будет играть роль связующего звена между государством и обществом».

Испанская фаланга внесет в это объединение свою программу и новые политические формы организации, соответствующие, по мнению Франко, духу времени, а рекете — свою воинственность и священную верность испанским традициям. Программа новой фаланги может быть подвергнута изменениям, если того потребуют нужды националистической Испании. Франко несколько раз употребил термин «тоталитаризм», разъяснив при этом, что речь идет не о подражании стандартам германского нацизма или итальянского фашизма, а об испанском прошлом, о первой «национальной монархии» Фердинанда и Изабеллы, когда была достигнута высокая степень цивилизации, побеждены мавры, изгнаны евреи, когда на кострах жгли еретиков. Франко дал понять, что испанский фашизм или «интегральный национализм» основывается на нетерпимости и ультракатолических нормах испанской истории⁸⁴. Затем Франко зачитал декрет, который содержал три статьи.

В первой статье речь шла об объединении членов фаланги и «Коммунион традиционалиста» в единую политическую организацию — Испанскую традиционалистскую фалангу и ХОНС. Вторая статья определяла структуру организации: во главе ее стоял Национальный совет, подчиненный секретариату, а завершал пирамиду шеф фаланги, он же глава государства. Прежние партии теряли право иметь свою милицию: милиция фаланги и рекете сливались в единую национальную милицию, выполняющую роль вспомогательных воинских частей. Непосредственным начальником милиции станет представитель вооруженных сил (ст. 3)⁸⁵.

Одним из авторов декрета считают Серрано Суньера. Эдилья много лет спустя обвинил Суньера в том, что тот «продал фалангу Франко»⁸⁶.

Первая реакция большинства членов «старой» фаланги была резко отрицательной. Особое недовольство вызвало положение о подчинении фалангистской милиции армейскому командованию и отказ фалангистам в праве самим выбирать своего вождя. И хотя официальная пресса утверждала, что декрет не противоречит программе фаланги, «старые» фалангисты восприняли его как отступление от принципов, которые были священными, по их мнению, для Примо де Ривера. Но хотя последователи

Хосе Антонио жаловались на то, что декрет не соответствует их собственной концепции «национальной революции» и «нового государства», их больше беспокоил принцип назначения шефа фаланги вместо выбора руководителя из их собственной среды.

Для предупреждения каких-либо эксцессов со стороны «старых» фалангистов Франко немедленно принял превентивные меры: в ночь с 24 на 25 апреля Эдилья и двадцать ведущих фалангистов были арестованы и по обвинению в конспиративной деятельности предстали перед военным судом. Эдилья и трое фалангистов были присуждены к смертной казни, которая затем была заменена длительным тюремным заключением⁸⁷.

Так что весьма упрощавшее положение вещей представление о том, что в лагере мятежников царили мир и однообразие в противоположность сложной политической ситуации в лагере республиканцев, было преувеличено, как и изображение фаланги идеологически прочным блоком. Франко решительно расправлялся со всеми, кто проявлял хотя бы тень недовольства, и тем, кто еще продолжал считать, что «Франко хорош только для дивизии», приходилось плохо⁸⁸. 4 августа 1937 г. был издан декрет о структуре руководящих органов фаланги. Франко вновь подтвердил положение о том, что он является вождем фаланги, что он имеет право назначать Национальный совет фаланги, состоявший из 50—75 членов, что 12 членов секретариата избираются назначенным им самим Национальным советом.

3 января 1938 г. был сформирован первый регулярный кабинет, в который вошли: два монархиста — генерал Гомес Хордана, министр иностранных дел, и Андрес Амаго, министр финансов; два карлиста — Родесно, министр юстиции, и Педро Саенс Родригес, министр просвещения; два фалангиста — Раймундо Фернандес Куэста, генеральный секретарь фаланги, и Гонсалес Буэно, министр труда; Генерал Давила получил пост военного министра; генерал Мартинес Анидо — пост министра общественного порядка; Серрано Суньер — пост министра внутренних дел; Хуан Антонио Суанчес, инженер, друг отроческих лет Франко, получил пост министра торговли и промышленности.

Хотя при создании правительства формально был соблюден баланс всех основных сил так называемого Национального движения (как стали впоследствии имено-

вать новую фалангу) на деле ключевые посты в кабинете получили монархисты и военные, в то время как на долю фалангистов достались второстепенные министерства. Это соотношение сил во франкистских кабинетах стало традиционным на протяжении многих лет.

Это первое франкистское правительство было фиктивным, и само создание его, скорее всего, преследовало цель доказать Западу свое стремление «к законности». Генерал Аранда, а его прочили в начальники испанского генерального штаба, в беседе с полковником германского генштаба Крамером 5 июня 1939 г. заметил, что «Франко и на внутривластической арене приходится все делать самому. Давно назначенные им министры ничем себя не проявляют». Он, генерал Аранда, «вообще не думает, что бы кто-либо из испанцев знал, кто же именно является министром»⁸⁹.

Деятельность этого кабинета сводилась к тому, чтобы ликвидировать прогрессивное законодательство Республики. 9 марта была обнародована так называемая «Хартия труда», отнявшая у рабочих право на забастовку и объявившая все вопросы, связанные с урегулированием заработной платы, прерогативой государства. В апреле была создана Национальная служба социально-экономической реформы земли, которая должна была возвратить собственность ее «законным» владельцам. 5 апреля был ликвидирован Каталонский автономный статут. 22 апреля последовало распоряжение о цензуре. 3 мая иезуиты были официально возвращены в Испанию. 15 декабря 1937 г. были восстановлены гражданство короля Альфонса и права собственности королевской семьи на принадлежавшее ей имущество. Затем было восстановлено обязательное религиозное обучение в начальных и средних школах, за исключением Марокко⁹⁰. Большинство этих распоряжений преследовало цель восстановить положение дореспубликанской эры.

Франко — теперь он был еще и «капитан-генералом армии и флота»⁹¹ — жаждал распространить это контрреволюционное законодательство на всю Испанию.

7 июля 1942 г. во время очередной «застольной беседы» в кругу своих единомышленников Гитлер вернулся к временам гражданской войны в Испании. Он скептиче-

ски отозвался о попытках франкистской пропаганды приписать победу в войне «интервенции небес». Комментируя недавнее награждение Божьей матери фельдмаршалским жезлом, он заметил, что следовало бы благодарить за вмешательство не мадонну, а германского генерала фон Рихтхофена, по воле которого бомбы выпали с небес⁹².

В другом случае он признал, что «без помощи обеих стран (Германии и Италии. — С. П.) сегодня не было бы никакого Франко»⁹³.

Ныне следует считать доказанной решающую роль германо-итальянской интервенции в трагическом исходе национально-революционной войны в Испании⁹⁴. Еще 11 августа 1938 г. директор политического отдела германского министерства иностранных дел доносил верховному командованию вооруженных сил, что, «поскольку Франко пока еще не может обойтись без поддержки немецких и итальянских добровольцев, об отводе легиона Кондор пока еще не может быть и речи»⁹⁵.

Отношения Испании с державами «оси» определялись итало-испанским соглашением от 28 ноября 1936 г.⁹⁶, договором о дружбе с Германией от 19 января 1939 г. и протоколом о присоединении к Антикоминтерновскому пакту, подписанному в Бургосе 27 марта 1939 г.⁹⁷

Однако отношения Испании с ее фашистскими партнерами, и прежде всего с Германией, развивались не всегда гладко.

24 января 1939 г. в Бургосе графом Гомесом Хорданой от имени испанского правительства и германским послом Шторером был подписан договор о создании основы для развития «более тесной духовной и культурной связи» между рейхом и «новой Испанией». Помимо всего прочего договор предусматривал обмен делегациями деятелей культуры, преподавателями и студентами⁹⁸. Но этот договор так никогда и не был ратифицирован. 16 февраля Ватикан заявил протест ввиду того, что испано-германский договор нарушает конкордат 1851 года⁹⁹. Испанское духовенство сочло этот демарш Ватикана за негативное отношение папы к нацизму, и решительно выступило против ратификации договора. Испанское духовенство и традиционалисты неоднократно и до этого выступали против установления тесных культурных связей с нацистской Германией, так как усматривали в этом угрозу монополии католической религии в Испании. Комментируя отказ

испанского правительства от ратификации договора о культурных связях, современный американский историк Д. Пуццо заметил: «Испанская национальная спесь, граничащая с ксенофобией, в действительности была вскормлена сравнительной изоляцией Испании от основных течений европейской жизни. И эта национальная спесь была важным, хотя и неосвязаемым фактором, который противостоял открытому и полному преобладанию в Испании стран „оси”»¹⁰⁰.

Между тем гражданская война приближалась к трагической развязке.

1 апреля 1939 г. Франко заявил, что война окончена, но и на этот раз испанцы были обмануты в своих надеждах. То был мир могил, как и предупреждала в свое время компартия Испании, и этот мир заставил содрогнуться и тех, кто еще питал иллюзии, что политическая пассивность будет достаточной гарантией для личной безопасности. Траншеи гражданской войны еще не начали зарастать.

В упоминавшейся уже беседе генерал Аранда доверительно сообщил своему собеседнику, что «Испания поставлена сейчас перед разрешением самой трудной задачи. У Германии было то преимущество, что национал-социалистская партия прошла организационный период еще до захвата власти... В Испании же прежде всего потребовалось сосредоточить все силы на разгроме красных. Теперь, по словам генерала, необходимо действовать быстро и посеять в испанском народе идею, могущую объединить всех национально мыслящих испанцев, — а почти каждый, даже в левых рядах стоящий испанец, — националист, по крайней мере в своем отношении к загранице...¹⁰¹ Перед генералиссимусом стоит труднейшая задача — привить новой Испании объединяющую всех идею. Еще есть время это сделать, но дальше медлить он не должен».

Время показало, что эту «объединяющую» идею так и не удалось привить. Во всяком случае, навстречу надвигающемуся мировому конфликту Испания шла разъединенной.

Г л а в а II

ОТСРОЧКА ОПЛАТЫ ПО СЧЕТАМ

К исходу лета 1939 года опасность войны резко возросла. Гитлеровское руководство приняло решение о нападении на Польшу. Завершались последние приготовления к ведению военных действий. Агрессоры оценивали возможности и делали смотр сил своих союзников. Испания, где совсем недавно победил Франко, приковывала пристальное внимание Берлина. Гитлер и его окружение полагали, что испанские фашисты, хотя бы из соображений элементарной благодарности, встанут под знамена коалиции европейских держав «оси». О том, что Франко попытается проводить самостоятельную политику, в Берлине и не помышляли.

Между тем в Мадриде победители в гражданской войне не смотрели на вещи иначе. Напряженная и неопределенная международная обстановка подталкивала франкистов к поискам иного выхода. Испанская дипломатия лихорадочно искала пути хотя бы минимального ослабления тесных уз с Берлином, чтобы Испания не оказалась автоматически вместе с Германией втянутой в войну. Для того чтобы обеспечить если не независимость, то хотя бы некоторую свободу действий, Мадрид пытался использовать противоречия в современном мире.

17 августа 1939 г. Муссолини поставил Франко в известность о том, что война между Германией и Польшей разразится в самое ближайшее время, и обещал держать его в курсе дела¹. Поверенный в делах Италии в Мадриде граф Гидо Ронкалли ди Монторио сообщил в Рим, что Франко был явно задет этой информацией². В тот же день министр иностранных дел Испании полковник Хуан Бейгбедер, сменивший на этом посту графа Хордану, при встрече с германским поверенным в делах Испании Херберляйном коснулся прежде всего германо-польских отношений, заявив при этом, что он оптимистически смотрит на возможность мирного разрешения вопроса о Данциге.

Бейгбедер несколько скептически отнесся к версии о польских провокациях³.

Неуместная «осведомленность» испанских официальных кругов вызвала раздражение в Берлине. «У испанского министра иностранных дел совершенно превратная концепция о положении в Польше», — поучал Хеберляйна статс-секретарь Вейцекер в телеграмме от 19 августа 1939 г. Германский дипломатический чиновник получил твердое указание из Берлина: впредь, во время будущих переговоров с министром иностранных дел и другими официальными лицами, использовать любой удобный момент для того, чтобы довести до их сведения всю ошибочность их представлений, чтобы «истинный характер польских провокационных актов запечатлелся в уме испанских руководителей»⁴.

31 августа германский посол в Мадриде Э. Шторер уведомил Риббентропа о твердом намерении испанского правительства объявить нейтралитет в случае возникновения войны. И хотя такую позицию испанского правительства Шторер в своем послании расценил как результат давления Англии и Франции, в то же время он заверил Риббентропа, что испанский нейтралитет будет иметь исключительно дружественный, благожелательный для Германии оттенок⁵. Свое убеждение Шторер основывал не столько на заверениях испанских официальных лиц о верности духу и букве испано-германского договора о дружбе, сколько на своих личных впечатлениях и впечатлениях нового итальянского посла.

1 сентября 1939 г. войска вермахта пересекли польскую границу. Началась вторая мировая война. В тот же день в Сан-Себастьяне Шторер встретился с Бейгбедером и министром внутренних дел, зятем Франко, С. Суньером. В ходе беседы Шторер пытался выяснить интересующие его детали в позиции испанского правительства. Бейгбедер подтвердил, что испанское правительство собирается выступить с декларацией о нейтралитете, как только война станет фактом. На замечание Шторера о том, что «Испания без всякого сомнения не может на самом деле оставаться нейтральной в этой войне, поскольку ее будущее и осуществление ее надежд зависят от победы Германии», министр иностранных дел поспешил заявить, что «он полностью с этим согласен». Бейгбедер заверил Шторера «в тоне величайшей искренности, что Испания намеревается поддержать Германию всеми имеющимися в ее

распоряжении средствами». А Суньер к этому добавил: «Если война окончится победой Франции и Англии, все жертвы, которые понесла Испания в гражданской войне, окажутся напрасными»⁶. Против такого нейтралитета Берлин не возражал, поэтому там довольно спокойно отнеслись и к намерению Франко взять на себя столь несвойственную роль миротворца: еще в письме к Муссолини 21 августа 1939 г. Франко информировал дуче о своей готовности взять на себя инициативу и «обратить внимание Европы на всю абсурдность ужасного конфликта»⁷. В телеграмме от 3 сентября Франко известил Муссолини «о своем желании объединиться с дуче в его попытках ограничить военные действия»⁸. Италия не была готова к войне, поэтому Муссолини «придерживался мнения, что поле битвы следует пока ограничить Польшей», в связи с этим и пожелал играть роль посредника⁹.

4 сентября Франко выступил по радио Бургоса и дал указание испанцам «сохранять строгий нейтралитет». В тот же день им был подписан правительственный декрет о нейтралитете¹⁰, а послы великих держав получили соответствующий меморандум для вручения главам своих правительств.

В меморандуме Франко фарисейски сослался на собственный опыт, почерпнутый в период трехлетней гражданской войны в Испании, напомнил об ужасах разрушений, о трагедии, пережитой в результате войны испанским народом, но, разумеется, не упомянул о своей ответственности за эту трагедию. Он воззвал к чувству ответственности правительств, в чьих руках была судьба народов и возможность предотвратить «катастрофу, не имеющую прецедента в истории». «Я апеллирую к здравому смыслу и ответственности правителей всех наций и призываю направить все свои усилия на локализацию существующего конфликта»¹¹, — лицемерно писал тот, кто был инициатором гражданской войны, которую он сам некоторое время спустя назвал первой битвой за «новый порядок» в мире.

Через испанского поверенного в делах в Вашингтоне де Сильву получил текст меморандума и государственный секретарь США К. Хэлл. «Правительство США приветствует инициативу главы испанского правительства и со своей стороны готово и впредь использовать все свое влияние в будущем, как это имело место и в прошлом, для восстановления и поддержания мира между народами», — ответил К. Хэлл на следующий день¹². Ответы прочих

«адресатов» Франко были еще более кратки и формальны.

В беседе со Шторером 1 октября 1939 г. Франко с известным оттенком цинизма разъяснил мотивы своего обращения к Лондону и Парижу с призывом ограничить сферу войны: он предвидел быстрое уничтожение польской армии. Этот призыв, по собственному признанию Франко, не имел никаких последствий. Но Франко вполне устраивал и этот вариант. Ему нужен был удобный предлог, чтобы предотвратить вступление в войну Испании. И предлог нашелся: «христианнейший диктатор» счел необходимым выступить в защиту католической Польши. В интервью с М. Аснаром, опубликованном в испанской прессе только 3 октября 1941 г., он объявил защиту интересов Польши «своим долгом главы католического народа»¹³. О своей роли защитника Польши Франко любил напоминать влиятельным иностранцам, с которыми ему приходилось встречаться. В беседе с послом США в Мадриде К. Хейсом 29 июля 1943 г. Франко убеждал своего собеседника в том, что, «когда Германия напала на Польшу, все его симпатии, как и всех испанцев, были исключительно на стороне католической Польши, и в ее защиту он сделал решительное представление Италии и Ватикану»¹⁴.

Но «симпатии к Польше» были не единственным предлогом, использованным Франко для того, чтобы остаться в стороне и избежать вступления в войну. Предметом его внешнеполитических спекуляций стал советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г.¹⁵

Посол США в Париже Буллит информировал государственного секретаря Хэлла 25 августа 1939 г.: «Испанцы испытывают большое облегчение, поскольку заключение Германией пакта с Советским Союзом освобождает Испанию от всякого рода обязательств занять враждебную позицию в отношении Франции»¹⁶.

Ненависть Франко к СССР, многократно отраженная в его многочисленных выступлениях того периода, была широко известна, поэтому в Берлине и Риме всерьез приняли его негодование против пакта и ссылки на него как на одну из причин, оправдывавших позицию нейтралитета. Во всяком случае, Муссолини счел необходимым объяснить Гитлеру, что испанцы с их ненавистью к большевизму, «с их пристрастной и фантастической логикой» не понимают «тактики, продиктованной политической необ-

ходимостью»¹⁷. Выдвинутая Франко в августе—сентябре 1939 года версия о том, что нейтралитет Испании в значительной мере был продиктован ненавистью к большевизму, была подхвачена и детализирована в послевоенной испанской историографии, приобретая в годы «холодной войны» силу официальной доктрины¹⁸. Всерьез о нейтралитете Испании и о воздержании Франко «по доброй воле» от вступления в войну писал бывший политический директор испанского министерства иностранных дел Хосе Дусинаге в книге «Испания была права»¹⁹, изданной в период, когда Испания добивалась принятия в ООН. Эту версию повторил один из биографов Франко Клод Мартин²⁰. Но уже многие современные трезво отдавали себе отчет в причинах, побудивших Испанию заявить о «нейтралитете», и среди них — германский посол в Мадриде Шторер.

На запрос Берлина о мотивах уклонения Франко от вступления в войну Шторер доносил, что «каудильо стремится избежать преждевременного вступления в войну и, следовательно, такого длительного в ней участия, которое было бы не по силам Испании, а при некоторых условиях послужило бы источником опасности для режима»²¹.

«Дело моей жизни — война, я в этом уверен»²², — эти слова Франко, неоднократно им повторенные, сомнения не вызывают. И когда перед генералом Франко после поражения Республики встала задача «внутренней реконструкции страны», он попытался разрешить эту задачу в традиционном духе военных диктаторов прошлого — путем репрессий. Со временем террор победителей не ослабевал. Масштабы репрессий были таковы, что, казалось, франкисты намеревались преодолеть пресловутый «кризис нации» и восстановить «единство нации» путем физического уничтожения или по крайней мере строгой тюремной изоляции не только своих активных противников, но и всех неподдающихся «единению во франкизме» элементов населения. Против них была направлена совершенная система государственного террора. В полной мере был использован опыт фашистской Германии в ее борьбе против демократических, и в первую очередь рабочих, организаций. Официальные данные о заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях, опубликованные в раз-

ное время в официальных испанских изданиях, вне Испании вызывали сомнения даже в кругах, сочувствовавших франкизму. Отсутствие объективной официальной информации порождало домыслы, слухи, «собственные системы подсчета» и т. д. Чиано писал о «200 тысячах красных» в тюрьмах Испании в июле 1939 года²³. По сведениям Ватикана, в испанских тюрьмах осенью 1939 года находилось около полумиллиона человек. Газета «Чикаго дейли ньюс» привела слова социалиста Альвареса дель Вайо о том, что «Франко держит в тюрьмах миллион республиканцев»²⁴. Корреспондент «Ньюс кроникл» А. Филлипс, возвратившийся из Испании в начале 1940 года, писал: «Можно с уверенностью утверждать, что в тюрьмах Испании находится от 1 до 2 млн. человек»²⁵. В том, что к началу 1941 года в тюрьмах и концентрационных лагерях Испании продолжало оставаться 1—2 млн. «красных», был убежден и германский посол Шторер²⁶.

Согласно февральскому декрету 1939 года, судебному преследованию подлежали все лица, которые прямо или косвенно принимали участие в демократическом движении начиная с 1 октября 1934 г.²⁷

Аресты производились без санкции судебно-следственных властей, ордера оформлялись задним числом. «Трибуналы выбиваются из сил, чтобы угнаться за темпами арестов», — отмечал мадридский корреспондент газеты «Таймс»²⁸.

Трибуналы «политической ответственности» состояли из двух представителей армии, двух фалангистов и двух судей. Для того чтобы трибунал вынес приговор, для подсудимого достаточно было одной лишь принадлежности к партиям или профсоюзам «красной, сепаратистской, масонской или либеральной тенденции»²⁹, то есть к любой партии или организации, легально существовавшей на территории республиканской Испании. Но воспоминания бывших узников франкистских тюрем свидетельствуют о том, что в первый период франкистской диктатуры тюрьмы были переполнены не только членами партий и профсоюзов республиканской зоны, не только лицами, занимавшими какой-либо пост, пусть самый незначительный, в каком-либо учреждении республиканской зоны, но и просто лицами, лояльно относящимися к республиканским властям. За редким исключением, почти все бойцы бывшей республиканской армии прошли концентрационные лагеря³⁰.

Масоны были лишены права иметь защитника, остальным «подсудимым» трибунал назначал адвоката, функции которого обычно сводились к тому, чтобы на обращение председателя трибунала: «Есть ли у защиты вопросы?», бросить фразу: «Защита вопросов не имеет».

Существовало четыре градации наказания: 6 лет, 12 лет и один день, 20 лет и один день, смертная казнь. В отдельных случаях смертная казнь заменялась пожизненным заключением. Подобное смягчение приговора получил Хулиан Бестейро, первоначально приговоренный к смертной казни. Правый социалист Бестейро на протяжении многих лет упорно боролся против единства социалистической и коммунистической партий, был противником Народного фронта, а в марте 1939 года вошел в антиправительственную хунту капитулянтов, которая сдала Мадрид франкистам. За несколько дней до падения Мадрида Бестейро закончил последнюю редакцию документа, где, по словам его биографа А. Саборита, были отражены его наиболее интимные мысли. «Я в большей степени антибольшевик, чем антифашист», — признавал он. Лишь незадолго до смерти к Бестейро пришло запоздалое прозрение: на заседании военного трибунала он сказал, что Франко сделал больше социалистов, чем он, Бестейро, за 30 лет своей пропагандистской деятельности³¹.

Кроме «законно» казненных, то есть по приговору трибунала, было немало казненных и без суда: так, в тюрьме «Модело», в Барселоне, с 1939 по 1942 год содержалось 80 тыс. политзаключенных, из них «законно» были казнены 7800 и без суда — 3500³². Другими словами, в эти годы в тюрьме «Модело» был казнен каждый седьмой заключенный. Это соотношение отражало положение и в других тюрьмах.

В марте—апреле 1940 года произошли некоторые изменения. Содержание сотен тысяч политзаключенных обходилось очень дорого, и к первой годовщине победы франкистов была объявлена частичная амнистия. Это была весьма своеобразная «амнистия», «амнистия» фашистского типа — десятки и сотни тысяч политзаключенных были условно освобождены из тюрем и концлагерей. Отныне они должны были работать и кормиться за свой счет, но под бдительным надзором политической полиции. Позднее возник и официальный термин для этой категории лиц — «освобожденный поднадзорный»³³. Тысячи

военнопленных, содержащихся в концлагерях, были освобождены для того, чтобы быть тотчас же призванными в армию. Но их использовали, как правило, не в строевых частях, а в рабочих батальонах в Испанской Африке на строительстве дорог и укреплений. Закон от 1 марта 1940 г. лишь подтвердил и детализировал ранее опубликованные декреты: принадлежность к любым тайным организациям, и прежде всего к коммунистическим и ма-сонским, по-прежнему каралась как тяжкое преступление.

17 июля 1939 г. мадридский корреспондент газеты «Комерсио де Лима» писал: «Генерал Франко начал пла-тить. Но не только деньгами и сырьем — политичес-ки...»³⁴. Этот корреспондент не был одинок в своем пред-положении, что демонстративное покровительство дикта-тора фаланге, обеспечение ей монопольного положения в политической жизни страны было вынужденным шагом, вызванным исключительно надеждой на дальнейшее укрепление союза с державами «оси».

Это предположение основывалось на том, что боль-шинство генералов из ближайшего окружения Франко отдавали свое предпочтение монархистам, что монархис-ты и рекете имели очень сильные позиции и были явно враждебно настроены по отношению к фалангистам, ко-торых они совершенно необоснованно подозревали в на-мерении установить «республику социальной и антикапи-талистической тенденции, с правом на труд и с обязан-ностью для всех трудиться»³⁵.

Хотя формально и монархисты, и традиционалисты (рекете) по указанию Франко обязаны были рассмат-ривать себя как один из компонентов Национального дви-жения, они не разделяли идеалов и взглядов фаланги. «Проведенное Франко объединение национальных партий не дало желаемых результатов, так как здесь столкну-лись огонь и вода; получилось объединение, в целом представляющее компромисс бесспорно плохого свойст-ва», — отмечал генерал Аранда. Генерал, смеясь, рас-сказывал полковнику германского генштаба Крамеру, «как одни ходят с поднятым воротником пиджака, дабы спрятать форменную рубашку другой партии, а другие, наоборот, выставляют напоказ рубашку, но зато носят под мышкой красную кепку, чтобы ее не заметили»³⁶.

Мадридский корреспондент берлинской газеты «На-циональ-цайтунг» обращал внимание на то, что «монар-

хо-теократическая программа рекете находится в резком противоречии с идеалами фашистов». Корреспондента этой газеты настаивало откровенно враждебное отношение традиционалистов к иностранцам. «Долой иностранцев, которым здесь нечего делать, и да здравствуют испанцы, которые нам нужны» — этот лозунг, по мнению корреспондента, находил много сочувствующих³⁷.

«Монархисты настаивают на реставрации монархии. Их поддерживают почти все генералы и основная часть армии», — отмечала газета «Комерсио де Лима»³⁸.

Трудно сказать, у кого больше было сторонников в армии: у традиционалистов, поддерживавших карлистского претендента на престол и мечтавших о восстановлении авторитарной монархии начала XIX века, или у сторонников находящихся в эмиграции потомков Альфонса XIII, провозглашавших себя адептами «управляемой демократии времен Кановаса и Сагоста» или даже «многоступенчатой парламентской демократии» наподобие британской³⁹.

Франко не был заинтересован в близкой победе монархистов, независимо от того, разделял он или не разделял их идеалы, так как конечной целью монархического движения была реставрация монархии и восстановление на испанском престоле претендента на трон, что не могло не нанести ущерб честолюбивым планам диктатора. Отдавая должное поддержке монархистов и принимая во внимание их влияние в армии, диктатор вместе с тем пытался уравновесить их участие в системе государственного управления, соблюдая «баланс сил» между монархистами различных тенденций и фалангистами.

Когда через четыре месяца после окончания гражданской войны был сформирован новый правительственный кабинет, мадридский корреспондент «Таймс» назвал его «политическим браком гражданских и военных элементов»⁴⁰. Но в этом кабинете были «сбалансированы» не только военные и гражданские элементы, но и фалангисты и нефалангисты, лица прогерманской и пробританской ориентации. Не случайно министерство обороны было разделено на три: монархист генерал Валера, человек пробританской ориентации, возглавил военное министерство, Ягуэ, фалангист, придерживавшийся прогерманской ориентации, — министерство военно-воздушных сил, а пробритански настроенный адмирал Морено — министерство морского флота. Полковник Бейгбедер, возглавив-

ший министерство иностранных дел, был таким же монархистом и человеком пробританской ориентации, как и его предшественник граф Хордана. С другой стороны, был ликвидирован пост вице-президента кабинета, который в прошлом занимал Хордана. Это позволило С. Суньеру, единственному, кто перешел из старого кабинета в новый, в котором он возглавил министерство внутренних дел, сосредоточить в своих руках большую власть, чем прежде. Умеренно прогермански настроенный генерал Муньос Грандес стал генеральным секретарем фаланги⁴¹.

«Испанский кабинет... обычно состоял из пяти министров-фалангистов и шести министров иных тенденций: двух традиционалистов, двух либеральных монархистов и двух независимых, и этот баланс генерал Франко хотел сохранить», — отмечал посол США в Испании Хейс⁴².

Этот «баланс сил» соблюдался не только при формировании правительственного кабинета. «Поскольку в городах страны «гражданский» губернатор был, как правило, фалангистом, «военный» губернатор оказывался профессиональным армейским офицером, и большинство из них были монархистами»⁴³.

Если министр, например, был фалангистом, его заместитель, как правило, был традиционалистом или монархистом-либералом. Фалангисты редко занимали крупные дипломатические посты за границей. Герцог Альба, влиятельнейший из испанских грандов и один из лидеров монархистов, посол Испании в Лондоне, на протяжении весьма длительного времени был типичнейшим явлением среди испанских дипломатов высшего ранга.

В то же время министерства внутренних дел, труда, образования и юстиции чаще всего возглавляли фалангисты⁴⁴. Но фаланга нужна была диктатору не только как необходимый компонент в проводимой им внутренней политике «баланса сил».

Франко и его окружение снова и снова убеждались, что одно монархическое движение в силу своей архаичности не в состоянии было заполнить тот вакуум, который образовался в результате запрещения всех политических партий прошлого. Проводя по-прежнему политику репрессий и физического уничтожения или во всяком случае строгой изоляции всех недовольных, франкисты возлагали надежды на фашистское движение с его системой централизованного подчинения массовых организаций, с его безудержной демагогией, способной, как свидетельство-

вал опыт Германии, развратить неискушенные в политике умы и сердца, прежде всего молодежи. А тогда и родилась формула, единственно возможная для Испании, по мнению Суньера: «Один вождь, одна партия и массовые организации, руководимые убежденным меньшинством (minoría creyente)»⁴⁵.

Один вождь и одна партия были. Дело было за созданием системы массовых организаций. Начало этому было положено правительственным декретом от 9 августа 1939 г. об учреждении национальных «вертикальных» синдикатов. Декрет разъяснял, что «вертикальный» синдикат является корпорацией, основанной на публичном праве и создаваемой путем объединения в централизованную организацию тех элементов, деятельность которых направлена на выполнение различных функций в экономических процессах одной и той же определенной отрасли, будь то сфера производства или обслуживания. Корпорация управлялась своей иерархией под наблюдением государственных органов. Должности различных степеней в синдикате обязательно замещались активистами Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС. Реализация декрета от 9 августа 1939 г. растянулась на многие месяцы. Один из первых национальных синдикатов, металлический синдикат, был создан в феврале 1940 года, кораблестроительный синдикат — 27 июля 1940 г. В августе был опубликован декрет о создании синдиката текстильной промышленности, начал свою деятельность синдикат химической промышленности. Всего к середине сентября 1940 года было создано 26 национальных синдикатов⁴⁶. Штатные пропагандисты фаланги, комментируя декрет, пытались убедить своих читателей и слушателей в том, что замена понятий «рабочий» и «работодатель» общим понятием «производитель» приведет к отмиранию классово-вой борьбы. Утрата политической и социальной индивидуальности рассматривалась теоретиками фаланги как высшее достижение нового режима. «Вертикальные синдикаты образуют иерархическую организацию, истинную милицию экономики... Национальные синдикаты служат залогом того, что националистический режим объединит производительные элементы в одно целое для того, чтобы совместными усилиями способствовать исчезновению различий, которые между ними проявляются»⁴⁷, — комментировала декрет газета «Арриба Эспанья» (Памплона) 9 августа 1939 г.

Демагогический арсенал фашистских диктаторов XX века пополнялся новыми приемами, и среди них не последнюю роль играли попытки внушить массам иллюзии отсутствия классовых антагонизмов в «новом» обществе и даже ложные идеи о ликвидации классов вообще.

Пожалуй, никто из фашистских диктаторов не нуждался в широком распространении таких иллюзий, как нуждался в этом генерал Франко, утвердивший свою власть на развалинах Республики после трех лет ожесточенной гражданской войны. «Должны исчезнуть устаревшие концепции пролетарских масс, которые внушила пролетариату демократия, поскольку в Испании нет пролетариата...», — заявил Франко в одной из речей в январе 1942 года. «Мы осуществляем наше движение для Испании и для испанцев без различия классов»⁴⁸, — убеждал он слушателей 2 июня 1942 г.

Штатные пропагандисты фаланги были более многословны, но сущность их утверждений все та же — в Испании усилиями франкистов создается новое общество, свободное от недостатков и пороков прошлых эпох. «Национальная революция, как мы ее понимаем, — поучал позднее Раймундо Фернандес Куеста, — состоит не только в создании некоторых институтов, в поднятии престижа государства, в реконструкции родины, в поднятии жизненного уровня испанцев... Национальная революция, кроме того, означает преобразование общества, создание такого климата равенства, при котором каждый испанец чувствовал бы себя творцом и главным действующим лицом великого национального предприятия»⁴⁹.

По мнению Дионисио Ридруехо, в то время члена Национального совета, но к 1942 году окончательно порвавшего с фалангой, все это было не больше чем пышные декларации, прикрывавшие все ту же всевластную диктатуру военных, какой она была в период гражданской войны. «Партия (т. е. фаланга. — С. П.), — писал он, — толпа статистов; синдикаты — одна фикция; армия — всевластна; церковь подчинила свою культурную политику критериям смирения... Сами репрессии, ставшие теперь обычными, не популярны и грозят похоронить в бездонной пропасти мечты фалангистов о влиянии у рабочих»⁵⁰.

К тому же, пока плоды франкистского просвещения не созрели, методы принуждения явно преобладали над методами убеждения. Судя по всему, франкистские «просветители» надеялись убедить и воспитать лишь тех, кто

не был «развращен» идеями «прогнившей демократии» (этот термин очень часто встречается в речах Франко), — молодежь и новое поколение рабочего класса, которое пришло на фабрики и заводы взамен сотен тысяч кадровых рабочих, погибших на фронтах войны, расстрелянных «победителями», изолированных от общества в многочисленных тюрьмах и концлагерях, ушедших в эмиграцию. Основную роль в «умиротворении» побежденных должны были сыграть репрессии. Мадридский корреспондент «Таймс» отмечал в январе 1940 года: «Мысль о примирении настолько далека от сознания и сердца испанцев, что даже не предпринималось никаких попыток в этом направлении. Победившая половина хочет наступить ногой на горло побежденной, а побежденная по-прежнему кипит возмущением»⁵¹.

Корреспондент «Ньюс кроникл» писал «о неизбежности существования весьма значительного, хотя и скрытого, течения против Франко». В своей статье он привел слова из новогодней речи Франко, где диктатор признал, что количество заключенных в тюрьмах свидетельствует о том, что репрессии затронули значительную часть населения⁵².

Вот что скрывалось под термином «отсутствие политической стабильности», который так часто встречается у Шторера в его донесениях в Берлин.

К этому добавлялось крайне тяжелое состояние экономики.

«Подвижной состав железных дорог уменьшен наполовину, автотранспорт сокращен еще больше... почти все поголовье мулов в результате войны выбыло из строя. Животноводство истощено, урожай в истекшем году был очень низким», — констатировал мадридский корреспондент «Таймс»⁵³. Позднейшие исследования внесли некоторые коррективы: в результате войны в 192 городах и селах было разрушено 60% зданий, 40% подвижного состава железных дорог, множество мостов и дорожных сооружений⁵⁴.

Если за период с 1931 по 1936 год урожай пшеницы составлял в среднем 4364 тыс. т, ржи — 551 тыс. т, ячменя — 2394 тыс. т в год, в 1939 году было собрано 3042 тыс. т пшеницы, 437 тыс. т ржи, 1400 тыс. т ячменя,

то в 1940 году и того меньше — 2500 тыс. т пшеницы, 350 тыс. т ржи, 1390 тыс. т ячменя⁵⁵. А это значит, что потребности страны покрывались всего лишь на 1/3. Страна была наводнена банкнотами, отпечатанными в Германии и Италии⁵⁶. Надвигалась инфляция.

С целью предотвращения дальнейшего взвинчивания цен генеральный комиссар по снабжению и транспорту еще 24 апреля 1939 г. издал распоряжение о запрещении поднимать цены больше чем на 25% по сравнению с существовавшими на 18 июля 1936 г. За нарушение распоряжения к виновным могли быть применены строгие санкции — от денежных штрафов до конфискации. Это распоряжение в известной мере осталось на бумаге, о чем свидетельствуют даже официальные сведения о ценах на продукты питания. Так, если в 1935 году арроба мяса (арроба — 11 кг) стоила 31,43 песеты, то в 1939 году цена повысилась до 47,10 песеты; за те же годы соответственно изменились цены на зерно — 62,93 и 70,22 песеты, на масло (в кг) — 6,52 и 9,25 песеты, на оливковое масло — 171,32 и 265,61 песеты⁵⁷.

В действительности уровень цен, особенно розничных, был намного выше. Кубинская газета «Нотисиас де ой» писала о том, что продукты питания практически можно приобрести лишь на «черном рынке» и поистине по астрономическим ценам: 1 кг белого хлеба летом 1940 года стоил 8—10 песет, 1 кг фасоли — 6—8 песет, 1 кг ветчины — 24 песеты, в то время как зарплата рабочего средней квалификации равнялась 10—12 песетам в день⁵⁸.

Социальные последствия тяжелого состояния экономики — голод, безработица, отсутствие жилищ — подогревали настроения недовольства новой властью, усиливали политическую неустойчивость режима. Корреспондент берлинской газеты «Националь-цайтунг» усматривал прямую зависимость между ростом недовольства режимом Франко и страданиями от голода. «Меньше Франко, больше белого хлеба! (Менос Франко, мас пан бланко!)»⁵⁹, — эта поговорка, по его словам, имела большое распространение в Испании в те дни.

Аргентинская газета «Пренса», ссылаясь на факты, приводимые в разное время испанскими газетами «Диарио фалангиста» и «Арриба Эспанья», пришла к выводу о критическом состоянии испанской экономики: «Многие районы экономически превращены в руины, и последствия этого начинают приобретать катастрофический харак-

тер. Мелкие торговцы, ремесленники, представители средних классов страдают от кошмарных последствий войны и воспомоществования государства, осуществляемого до сих пор недостаточно. Кроме того, действия частного капитала являют собой пример преступного эгоизма, не совместимого с теперешними временами»⁶⁰.

Последний упрек был весьма обоснован. За 1939—1940 годы резко возрос государственный долг Испании. Если с 1936 по 1939 год государственный долг увеличился всего на 1815,1 млн. песет (с 22 102,6 млн. до 23 917,7 млн. песет), то за один только 1939 год он увеличился на 2950 млн. песет (с 23 917,7 млн. до 26 667,7 млн. песет). В 1940 году государственный долг вырос еще на 2351,3 млн. песет и составил 29 019,4 млн. песет⁶¹.

За это же время весьма значительно возросли капиталы испанских частных банков.

Рост вкладов в банки Испании

(в млн. песет)

	1936 г.	1940—1941 гг.
Испано-Американский банк	1310	3055
Испанский кредитный банк	1087	2594
Банк Бискайи	626	1092
Банк Бильбао	723	1081
Центральный банк	387	770
Банк Урнихо	180	327

Счет в Международном банке промышленности и торговли с 1935 по 1940 год вырос не менее чем на 206,6 млн. песет⁶². Как видно, судьбы государственных и частных финансов были весьма различны.

В тот период Испании практически было нечем оплачивать импорт даже тех видов оборудования и сырья, которые могли бы дать невоюющие страны, к тому же еще не были выплачены военные долги.

«Истощение золотых запасов лишило государство его капиталов, и в то же время разразившаяся в Европе война суживает возможность для получения кредитов, — отмечала лондонская газета «Таймс». — Испания не может использовать расширенный войной рынок для экспорта продовольствия и минеральных руд до тех пор, пока снова не будет налажено производство»⁶³.

Испании ничего не оставалось делать, как попытаться «заменить» традиционные поставки промышленных това-

ров иностранного происхождения собственным производством, то есть встать на путь создания самообеспечивающейся экономики, или системы автаркии. Эту экономическую политику охотно поддержали Германия и Италия, надеясь тем самым устранить соперников на испанском рынке: автаркия, как ее понимали правительственные эксперты, не только не отрицала, а, наоборот, предполагала тесные экономические связи с Германией и Италией. Выходившая в Памплоне газета «Арриба Эспанья» 29 июля 1939 г. опубликовала статью, в которой нашла свое отражение весьма распространенная в официальных кругах точка зрения на «очередность» задач в области экономики. Призывая к созданию твердых основ для введения системы «замкнутой» экономики, газета настаивала на немедленном разрешении таких задач, как оплата военных долгов и нормализация расходов: «Без разрешения этих проблем было бы пустой иллюзией говорить об автаркии как о действенном режиме»⁶⁴.

Только принимая во внимание ту роль, которую по замыслам правительственных экспертов должны были сыграть тесные экономические связи Испании с Германией и Италией при создании системы автаркии, можно понять столь настойчивые призывы начать восстановление экономики с урегулирования вопроса о военных долгах. Франкистам необходимо было продемонстрировать Германии и Италии «честность» в денежных расчетах.

20 мая 1940 г. германское посольство в Мадриде сообщило в Берлин о состоявшихся итало-испанских финансовых переговорах. Поскольку Испания была не в состоянии уплатить к 1 января 1941 г. военный долг в размере 5 млрд. лир, стороны договорились о внесении долга частями с 30 июня 1942 г. по 30 июня 1967 г.⁶⁵

Согласно официальному курсу на конец декабря 1940 — начало января 1941 года, 181 лира равнялась 100 песетам⁶⁶. Расчеты договорились производить по системе клиринга, а это предполагало тесные торговые отношения при постоянном и возрастающем превышении испанского экспорта над итальянским импортом. Большая роль в осуществлении совместных внешнеторговых операций отводилась итало-испанскому синдикату, созданному в Риме еще в апреле 1940 года. Синдикат был создан для «выполнения заказов в Испании и для развития экспорта в Испанию»⁶⁷. Деятельность его протекала в тесном контакте с «Национальным кредитным инсти-

тутом для работ за границей». Руководил синдикатом адмирал Чиано (дядя итальянского министра иностранных дел).

Торговые отношения с Германией в 1939 году развивались в соответствии с договоренностью, зафиксированной в совместном протоколе от 5 июля 1939 г. Этот протокол был подписан после переговоров, которые проходили с 12 июня по 5 июля. Хотя Испания в 1939 году занимала всего 1,2% в германском экспорте и 2,2% — в импорте⁶⁸, статьи испанского экспорта представляли большой интерес для военной промышленности Германии. Кроме стратегических материалов Испания, согласно официальным данным, вывозила в Германию овощные и фруктовые консервы, растительные жиры, фрукты, вино, пириты. Экспорт Испании в Германию постоянно превышал импорт — только так можно было рассчитывать расплатиться с военными долгами.

22 декабря 1939 г. был подписан очередной секретный испано-германский протокол об экономическом сотрудничестве. На совместном совещании испанскую сторону представляли Бейгбедер и правительственный эксперт по экономическим вопросам Каса Рохас. Германскую делегацию составили посол Шторер и государственный советник доктор Гельмут Зольтат. Протокол подтверждал все предыдущие испано-германские соглашения, в том числе и договор о дружбе, ратифицированный 31 марта 1939 г., ст. 9 которого фиксировала желание договаривающихся сторон по возможности расширять экономические связи между своими странами и подтверждала намерение Германии и Испании экономически дополнять друг друга и идти друг другу навстречу во всех случаях⁶⁹.

В течение февраля — марта 1940 года серией соглашений были урегулированы спорные вопросы, связанные с деятельностью концерна Ровак — Софиндус. Начало деятельности этого концерна восходит к временам гражданской войны. В конце июля 1936 года, всего лишь через несколько дней после начала мятежа, генералом Франко была основана Испано-Марокканская транспортная компания в Тетуане, или фирма Хисма. Учредителем этой фирмы были доверенные лица Франко — адмирал Карранца и Иоганн Бернгард, руководитель тетуанской группы заграничной организации нацистской партии. Иоганн Бернгард, единственный руководитель компании со всеми полномочиями, привлек многих немцев, членов нацист-

ской партии из Тетуана, Сеуты, Севильи, в качестве сотрудников фирмы Хисма. Фирма содействовала отправке транспортов, идущих с германскими материалами для армии мятежников. В обмен на германскую «помощь» Хисма приобретала необходимое Германии испанское сырье и переправляла его в Германию. Погашение стоимости поставок этого сырья происходило путем перерасчета суммы германских требований, возникших в результате германской «помощи» оружием. В Германию прибывали груженые испанским сырьем корабли, но для проведения необходимых расчетов там не было соответствующей инстанции. 2 октября 1936 г. Герингом была основана торговая компания с ограниченной ответственностью, так называемая Ровак — «германский полюс в отношении испанского полюса Хисма». В задачу Хисма — Ровак входило восстановление товарообмена между Германией и «национальной» Испанией, поставка возможно большего количества жизненно важного сырья из Испании и создание новой германской сырьевой базы в Испании путем приобретения прав на рудники и копи. Уже к середине 1937 года товарооборот между Германией и «национальной» Испанией, направлявшийся и финансирувавшийся Хисма — Ровак, достиг уровня товарооборота во всей Испании, включая колонии, в предыдущие довоенные годы. Но теперь товарооборот был несравненно выгоднее для Германии, так как около 80% вывоза из Испании состояло из жизненно важного сырья (железная руда, серный колчедан, оливковое масло, шерсть, кожи) против 35% в минувшие довоенные годы. За три с половиной года товарооборот между Германией и франкистской Испанией составил сумму свыше 650 млн. рейхсмарок. В феврале 1937 года Геринг дал указание, по соглашению с министрами сельского хозяйства и продовольствия, финансов, иностранных дел и президентом рейхсбанка Шахтом, произвести через организацию Хисма — Ровак приобретение прав на копи и рудники за счет кредитов, предоставленных испанскому правительству в ходе гражданской войны. В распоряжение Хисма — Ровак было предоставлено большое число немецких геологов и горных инженеров, которые совершали экспедиции по различным областям мятежной зоны Испании, представляющим интерес с точки зрения горного дела. По рекомендации немецких геологов и горных инженеров было приобретено в течение 1937—1938 годов свыше 200 прав

на копи и рудники, были сделаны заявки об отводе месторождений.

Приобретение прав на рудники происходило при посредничестве подставных лиц. Это было сделано для того, чтобы «не обратить преждевременного внимания испанского правительства на германскую деятельность». К тому же в 1938 году испанское правительство издало закон, по которому все сделки, касающиеся прав на рудники, произведенные с начала гражданской войны, были объявлены недействительными. Кроме того, было декретировано, что в испанских горнопромышленных компаниях участие иностранцев не должно превышать 40%.

В ноябре 1938 года была создана испанская подставная организация Софиндус⁷⁰, которая произвела проверку всех 200 объектов, и все, что было проверено и признано рентабельным, было объединено в шесть вновь образованных больших горнопромышленных обществ концерна Ровак — Софиндус. Все хозяйственные вопросы, касавшиеся заготовки и выработки сырья, были исключены из круга деятельности фирмы Хисма. Она осталась расчетным органом для германо-испанского товарооборота.

В декабре 1938 года после долгих переговоров, применив сильное давление, Германии удалось добиться от испанского правительства признания права на рудники за концерном Ровак — Софиндус. В течение 1939 года по директивным указаниям из Берлина во всех фирмах концерна были сделаны необходимые переключения от потребностей гражданской войны к хозяйственным нуждам мирного времени.

С началом второй мировой войны рейхсминистр хозяйства обязал «горнопромышленные компании напрячь все свои силы, чтобы скорейшим образом достигнуть возможно большего увеличения продукции вольфрама в интересах обеспечения германской военной промышленности»⁷¹.

В результате деятельности концерна Ровак — Софиндус существенно укреплялись позиции германского капитала в Испании, возрос товарообмен между Германией и Испанией, но в 1939 году по своему объему внешнеторговые операции Испании с Англией и США не уступали внешнеторговым операциям с Германией и Италией, а временами их даже превосходили. Динамика развития внешней торговли Испании в критический 1939 год отчетливо видна из следующей таблицы:

Внешняя торговля Испании

(апрель — декабрь 1939 г.)⁷²

Страны	Ввоз		Вывоз	
	в млн. рейхсмарок	в %	в млн. рейхсмарок	в %
Всего	236,7	100	194,1	100
в том числе:				
Германия	35,8	15,1	48,0	24,8
Италия	9,6	4,0	12,1	16,2
Франция	5,0	2,1	0,6	0,4
Англия	14,3	6,0	49,4	25,7
США	38,9	16,5	19,7	10,1

18 марта 1940 г. были завершены англо-испанские переговоры, продолжавшиеся 4 месяца. Испания получила кредит в 2 млн. ф. ст. Расчеты по займу должны были начаться с января 1942 года. Сумму займа, то есть 2 млн. ф. ст. и 4% в год, Испания должна была выплатить в течение десяти лет.

Испании предоставлялась возможность в пределах полученного кредита покупать товары в Англии, ее колониях и других странах стерлингового блока⁷³.

Весьма энергичные усилия прилагало испанское правительство и для того, чтобы убедить официальные круги США дать согласие на предоставление Испании кредита для покупки американских товаров. Еще 18 мая 1939 г. посол Испании в США Х. Франсиско де Карденас посетил заместителя государственного секретаря С. Уэллса. Карденас явился для того, чтобы выразить протест против «благожелательного отношения», как он заявил, Рузвельта к картине Пикассо «Гёрника». Но это был лишь формальный повод для визита. На деле оказалось, что Карденас больше был заинтересован в том, чтобы добиться от США согласия на предоставление Испании кредита для покупки американского хлопка. Карденас был весьма красноречив: он «соблазнял» американского представителя перспективой укрепления тех сил в Испании, которые выступают против союза со странами «оси», в том случае, если США согласятся предоставить желанный кредит, или США навсегда могут потерять испанский рынок⁷⁴.

По утверждению газеты «Пренса», посол США в Мадриде Веддел на пресс-конференции в июне 1939 года заявил, что он считает обязанностью способствовать укреплению экономического союза своей страны и Испании⁷⁵. 7 августа 1939 г., через несколько дней после встречи Веддела с Франко и Хорданой, Экспортно-импортный банк предоставил Испании кредит в 13,7 млн. долл. для покупки 250 тыс. тюков хлопка⁷⁶.

Вторая мировая война внесла некоторые изменения в испано-американские экономические отношения: отныне американская сторона соглашалась удовлетворить некоторые просьбы Испании, но при обязательном условии сохранения нейтралитета. В Мадриде охотно соглашались на это условие, поскольку там отдавали себе отчет в том, что Испания с ее пошатнувшейся экономикой и неустойчивым внутривластным положением и не могла во-евать.

7 сентября 1940 г. Веддел сообщил государственному секретарю США Хэллу о состоявшейся на днях весьма примечательной беседе, во время которой «ответственный чиновник испанского министерства промышленности и торговли сообщил ему о том, что Испания стремительно идет навстречу кризису, поскольку ее запасы зерна, бензина, хлопка и иных видов продовольствия и сырья на исходе... Испании нужен кредит в 100 млн. долларов». Посол обратил внимание своего собеседника, что несколько месяцев назад во время беседы с каудильо он, Веддел, сообщил о возможности поставок из США некоторых излишков предметов потребления при соблюдении определенных условий. На вопрос Франко, каковы эти условия, посол ответил, что «главное условие — продолжение нейтралитета Испании в настоящей войне»⁷⁷. 30 сентября 1940 г. был продолжен обмен мнениями. На этот раз в переговорах приняли участие посол США, министр иностранных дел и министр промышленности и торговли. После уверений, что Испания и впредь будет оставаться в стороне от военного конфликта, министр промышленности и торговли сообщил послу, что Испании нужно до нового урожая в июне следующего года 800 тыс. т зерна. В связи с этим посол «настоятельно советовал, чтобы госдепартамент немедленно рассмотрел возможность поставки 600 тыс. т пшеницы и 200 тыс. т кукурузы»⁷⁸.

Американский посол убеждал свое правительство согласиться на поставки продовольствия в Испанию для то-

го, чтобы Испания осталась в стороне от военного конфликта.

В то же время и с такой же просьбой обращался к своему правительству германский посол, но он преследовал при этом совсем иную цель. У Испании в то время практически отсутствовали средства для оплаты импорта, ее внешнеторговые операции могли осуществляться и осуществлялись либо при условии получения займов у своих же торговых партнеров (так строились внешнеторговые отношения с США и Англией), либо на основании клиринговых расчетов⁷⁹.

В расчетах с Германией и Италией экспорт намного превышал импорт — разница пока шла в счет уплаты военных долгов. Возможно, именно по этой причине население отрицательно относилось к поставкам в Германию. К тому же существовало твердое убеждение, что Испания поставляет в Германию остро дефицитные продукты питания.

Зимой 1940/41 года положение с продовольствием стало поистине угрожающим. Назревали голодные бунты. «Внутреннее положение в Испании стало еще более критическим за последние недели», — доносил в Берлин Шторер 14 ноября 1940 г. Согласно последним сведениям министра сельского хозяйства урожай зерновых за 1940 год составил всего 2300 тыс. т.

Если учесть, что 500 тыс. т составляют семенной фонд, а 550 тыс. т крестьяне оставляют себе для своих собственных нужд, то на долю населения городов приходится всего лишь 1250 тыс. т зерна. Между тем стране необходимо, даже при условии строгого рационирования потребления, не меньше 2500 тыс. т.

Дефицит в 1250 тыс. т практически покрыть нечем. Ожидаемый из США импорт зерна составит в лучшем случае, при условии разрешения необычайно трудной задачи транспортировки, 300—400 тыс. т. Но не сочувствие к голодающему испанскому народу побуждало германского дипломата уделять в своих донесениях так много внимания продовольственному вопросу, а опасения, что «все возрастающее число людей, ранее благожелательно относящихся к режиму, присоединяются к красным элементам»⁸⁰.

«Нарастание политической смуты несомненно, это выражается не только в возрастании резкой критики режима, но также и в энергичной оппозиции вступлению в вой-

ну. Единственное исключение составляют некоторые военные и фалангистские круги»⁸¹.

В телеграмме от 29 ноября Шторер попросил оказать содействие доставке из Лиссабона шведского зерна, закупленного испанским правительством, что дало бы возможность Суньеру организовать прогерманскую демонстрацию⁸². 3 декабря Шторер вновь просил как можно быстрее доставить партию зерна из Лиссабона, а также через франко-испанскую границу, чтобы опередить поставки из США. По мнению Шторера, необходимо было продемонстрировать добрую волю Германии в самые ближайшие дни еще и потому, что в стране «усиливалась агитация красных и всех недовольных режимом среди голодающего населения»⁸³.

Несмотря на все меры предосторожности, принимаемые правительственными кругами, время от времени в стране начинали циркулировать слухи о вывозе продуктов питания в Германию. Чаще всего источником сведений такого рода служила британская пресса.

13 декабря 1940 г. в газете «Дейли миррор» была опубликована статья под примечательным названием «Немцы грабят Испанию». «Тысячи немецких солдат, — писала газета, — посещают солнечные испанские берега, посещают корриду и покидают страну на кораблях, нагруженных продуктами питания, в которых Испания сама так остро нуждается. Сан-Себастьян постоянно переполнен отрядами немцев, и испанец задает вопрос, только ли отпуск проводят там солдаты или это официальный грабительский рейс. Так же как и многие французы, он не понимает, почему он должен есть только один раз в день, в то время как немцы едят столько, сколько хотят. Несмотря на полученные инструкции, он с каждым днем становится все менее любезным по отношению к товарищам по союзу»⁸⁴.

22 января 1941 г. германский посол в интервью газете «Вангардия эспаньола», разумеется, решительно опроверг сообщения британского радио о вывозе продовольствия в Германию. «Германия не импортирует продовольствие из Испании»⁸⁵, — заявил посол.

Месяц спустя, 28 февраля 1941 г., все ведущие испанские газеты по указанию руководящих органов пропаганды поместили статьи, опровергающие слухи о вывозе продовольствия из Испании в Германию, обвинив в распространении этих слухов англичан. Вину за тяжелое

продовольственное положение мадридские газеты единодушно возложили, разумеется, на красных. «В настоящее время Испания не вывозит никаких жизненно важных продуктов. Трудности снабжения порождены исключительно бесхозяйственностью красных и современной войной»⁸⁶, — заявила газета «АБС». По утверждению газеты «Алькасар», «кампания клеветы, которая проводится для подрыва авторитета правительства, направляется коммунистами»⁸⁷.

4 апреля 1941 г. испанской прессе пришлось опровергнуть слухи, распространяемые британским радио, о вывозе из Испании в Германию через границу в районе Ируна 70 тыс. кг фасоли. Было объявлено, что это — транзит из Португалии⁸⁸.

Испанские официальные круги столь ревностно пресекали все попытки бросить тень на испано-германскую торговлю не только из-за необходимости выполнения союзнических обязательств, но и в надежде на укрепление экономического сотрудничества, чтобы добиться в будущем поставок германского промышленного оборудования. Оно было крайне необходимо, особенно на первых порах, для осуществления программы индустриализации — этой основы системы автаркии.

Война, деформировавшая все привычные экономические связи, еще больше укрепила правительственные круги Испании в их намерении форсировать создание системы самообеспечивающейся экономики. В свою очередь, это требовало создания практически не существовавших ранее предприятий и отраслей, которые должны были придать экономике страны более разносторонний характер.

Комментируя введение в 1939 году более высоких, чем когда-либо, тарифов на некоторые товары, видный испанский экономист Рамон Тамамес заметил: «Начиная с 1939 года внутренний рынок Испании оставался практически закрытым для промышленной продукции, которая или уже производилась нашей промышленностью, или вскоре должна была производиться»⁸⁹. Следует только иметь в виду, что в этот период правительственные органы форсировали в первую очередь создание именно тех отраслей промышленности, чья продукция практически отсутствовала в том списке товаров, которые другие страны соглашались продать Испании. Автаркия была вынужденным шагом, обусловленным войной и политикой эко-

номической блокады, которую временами весьма жестко применяли по отношению к Испании некоторые страны, и в первую очередь Англия.

Именно в это время в стране «возникло большое количество мелких предприятий, оснащенных самой примитивной техникой, бравшихся за производство любого товара, которого не хватало на рынке»⁹⁰. Министерство промышленности и торговли поощряло деятельность предприятий такого рода. Помимо экономических соображений правительство также надеялось смягчить остроту недовольства в среде мелкой городской буржуазии, которая рассматривалась «социальными экспертами» как потенциальный оплот новой власти. Но в решении основных проблем, связанных с политикой автаркии, франкисты ориентировались на крупную буржуазию.

В интересах монополистического капитала в эти годы усилилось прямое вмешательство государства в экономику. 24 октября 1939 г. был издан закон о покровительстве и защите национальной промышленности. Предприятиями, представляющими «национальный интерес», в первую очередь объявлялись все, что имело отношение к военной индустрии, в том числе и те отрасли горнорудной промышленности, которые поставляли для нее сырье. Особым покровительством государства пользовались предприятия, способные производить продукцию, которая ранее импортировалась⁹¹.

Месяц спустя был издан закон об ориентации и защите национальной промышленности. Закон этот касался принципов и границ вмешательства государства в промышленность. Министерство промышленности и торговли получило право абсолютного контроля над распределением сырья, топлива и электроэнергии; оно устанавливало стандарты и фиксировало цены, давало разрешение на открытие новых и модернизацию старых предприятий. Министерство определяло размеры предприятий и устанавливало этапы индустриализации. В течение первых лет результаты воздействия этих законов на развитие металлургической промышленности (а на нее прежде всего распространялись покровительственные меры) были ничтожны. Регресс металлургической промышленности продолжался. В январе — феврале 1941 года выплавка железа и стали резко упала по сравнению с этими же месяцами 1940 года: с 87 596 т железа и 253 378 т стали до 71 587 т железа и 104 896 т стали⁹². В Бискайе, этом ос-

новном центре металлургической промышленности, в первом квартале 1940 года выплавлялось 95 593 т железа и 120 743 т стали, а в первой четверти 1941 года — всего лишь 73 308 т железа и 97 593 т стали⁹⁴. Но и более отдаленные результаты воздействия этих законов на развитие национальной промышленности в то время не оправдали надежд: «В конечном счете, — признает Р. Тамамес, — вмешательство государства в развитие промышленности не привело к преодолению двух феноменальных черт нашей старой промышленной структуры: с одной стороны, чрезмерной фрагментарности промышленности и, с другой стороны, концентрации экономической мощи в руках монополистических групп»⁹⁵. К этому можно лишь добавить, что законы 1939 года и не предусматривали мер, ограничивавших концентрацию экономической мощи в руках немногих монополистических групп.

Но наиболее угрожающее положение сложилось в сельском хозяйстве. Население страны систематически голодало. Экспортные отрасли сельского хозяйства находились в упадке, и это лишало надежды на использование внешнего рынка и получение столь необходимых для восстановления экономики средств. Помимо разрухи, порожденной войной, причина упадка сельского хозяйства страны коренилась в аграрной политике франкизма. Социальная цель этой политики состояла в ликвидации последствий аграрной реформы Республики, что означало изъятие у крестьян земель и возвращение их прежним владельцам. С этой целью еще в ходе гражданской войны франкистами была создана Генеральная дирекция экономической реформы земли. 18 октября 1939 г. Генеральная дирекция была ликвидирована, а ее функции переданы вновь созданному в Бургосе Национальному институту колонизации, который и должен был завершить контрреформу. Процесс контрреформы растянулся на многие годы, и, хотя крестьяне оказывали ей сопротивление, франкистам удалось в основном восстановить прежнюю систему распределения земельной собственности и вернуть большей части помещиков их латифундии. Таким образом, десятки тысяч крестьянских семей лишились земли, которую они уже привыкли считать своей. Что же касается крестьян-собственников, то у них весьма серьезное недовольство вызывала система строгого государственного регулирования сбыта многих видов сельскохозяйственных продуктов и реквизиций по низким ценам. Социальные

цели аграрной политики франкизма в этот период находились в вопиющем противоречии с задачами подъема сельскохозяйственного производства, так как убивали всякую заинтересованность в результатах своего труда у значительной части испанского крестьянства.

Такова была внутренняя обстановка в Испании. Крайне неустойчивое внутривнутриполитическое положение, чреватое для франкистского режима серьезными опасностями при малейшем нарушении весьма шаткого баланса сил, и явилось главной причиной отказа Испании от активного участия в войне.

В начале апреля 1940 года Суньер доверительно сообщил Штореру о том, что, «по его убеждению, с вступлением Италии в войну Испания также решится на этот шаг»⁹⁶. Министр иностранных дел Бейгбедер придерживался того же мнения. «Если Италия вступит в войну, Испания автоматически последует за ней»⁹⁷, — с уверенностью заявил он Штореру 16 апреля 1940 г. Однако месяц спустя настроение в Мадриде изменилось. Тот же Бейгбедер заявил Штореру 20 мая, что в настоящих условиях предполагаемое вступление Италии в войну не означает неизбежно вовлечение Испании в конфликт. Министр разъяснил, что после недавней победы Германии Франция и Англия проявляют меньший интерес к Испании как к потенциальному противнику, коим неизбежно она могла бы стать в случае всякого рода вторжений в Танжере, в зоне Марокко, в Гибралтаре или на Балеарских островах и т. д. Если же против ожидания война продлится долго, она приведет в конечном счете к вмешательству Америки; в этом случае следует ожидать революцию в Португалии, поддержанную Англией, и нападение на Португалию, что с помощью Америки приведет к завоеванию народов и земель, а затем, добавил Бейгбедер, «будем оккупированы и мы... В таком случае это будет означать катастрофу для Испании»⁹⁸. Крайне националистические лозунги фаланги, проповедь особой «миссии» Испании, многочисленные воинственные заявления Франко о тех или иных «исторических» территориальных притязаниях, казалось, сулили активную внешнюю политику и, несомненно, противоречили политике нейтралитета. Причину этого следует искать в постоянном страхе

правящих кругов Испании перед вовлечением в продолжительную и тяжелую войну. Но всякий раз, когда казалось, что «большая война» не угрожает Испании, когда воскресала надежда удовлетворить территориальные притязания без необходимости дорого заплатить за них, Франко заявлял о своей готовности отказаться от статуса «нейтралитета», но так, чтобы этот шаг не был истолкован как открытое и официальное вступление в войну.

12 июня 1940 г., когда до падения Парижа остались считанные часы, Франко и Бейгбедер скрепили своими подписями декрет, в котором Испания объявлялась «невоюющей стороной». Поскольку «Италия вступила в войну против Франции и Англии, над Средиземноморьем нависла угроза», — разъясняло испанское правительство. Отсюда и замена статуса «нейтралитета» статусом «невоюющей стороны»⁹⁹.

«Международное право и практика издавна знают статус «воюющей стороны» и «нейтралитета»... Но «невоюющая сторона» — это было нечто новое»¹⁰⁰, — с удивлением заметил К. Хейс.

Но этот «третий» путь, избранный Испанией в накаленной международной обстановке лета 1940 года, не означал разрыва с прежним курсом: по собственному признанию Франко, статус «невоюющей стороны» означал форму симпатии к странам «оси».

«Реакция Испании на известие о крушении Франции была непосредственной и ликующей», — сообщил 17 июня 1940 г. Хэллу посол США в Испании А. Веддел, высказав в который раз предположение, что «в этих условиях Испания вступит в войну»¹⁰¹. Испания действительно воспользовалась поражением Франции для достижения определенных целей, но в войну все же официально не вступила, считая, что рамки созданного ею статуса «невоюющей стороны» позволяют многое: 14 июня испанские войска оккупировали Танжер. Законодательное собрание Танжера и контрольный комитет, состоявший из консулов восьми стран (Англии, Франции, Испании, Италии, Бельгии, Португалии, Голландии и США), были распущены генералом Юсте. Тем самым статут зоны Танжера отменялся¹⁰². В ноябре Танжер был присоединен к зоне Испанского Марокко.

19 июня 1940 г. испанское правительство направило меморандум в Берлин. В меморандуме шла речь о новом статусе Испании — статусе «невоюющей стороны» — и о

готовности Испании в будущем вступить в войну, «если в этом будет необходимость». В качестве предварительной платы за будущее участие в войне правительство Франко требовало гарантировать передачу Испании Гибралтара, Французского Марокко, части Алжира, включая департамент Оран, и расширения испанских колоний.

Еще до получения официального ответа из Берлина на меморандум испанского правительства в Мадриде стало известно, что «испанский демарш относительно Французского Марокко был очень хорошо принят в Берлине»¹⁰³. Сведения, по-видимому, исходили от начальника испанского генерального штаба генерала Вигона, который в эти дни вел в Берлине переговоры о германских военных поставках взамен испанского стратегического сырья. Было у него и еще одно поручение Франко — 19 июня он вручил Риббентропу высший испанский орден¹⁰⁴. Эти сведения вскоре оправдались.

25 июня 1940 г. статс-секретарь Вейцзекер передал испанскому послу в Берлине Антонио Махас-и-Персу официальный ответ на меморандум испанского правительства от 19 июня: «Германское правительство имеет в виду испанские требования в отношении Северной Африки. Правительство рейха особенно горячо приветствует заявление Испании о том, что после соответствующей подготовки общественного мнения Испания, если понадобится, охотно вступит в войну»¹⁰⁵.

В Берлине хотели знать, что скрывается за фразой «соответствующая подготовка общественного мнения». Последовал запрос в Мадрид. Отвечая Риббентропу 2 июля 1940 г., Шторер отметил в своем «политическом донесении», что Серрано Суньер, этот «бесспорно самый влиятельный и самый значительный среди испанских политических деятелей», возлагает надежды на победу Германии и ненавидит Англию. «Однако он в то же время, несомненно, тот человек, у которого больше всего в Испании врагов, особенно среди военных и в тех кругах фаланги, которые были против создания «единой партии»... Генерал Муньос Грандес, шеф фаланги и министр без портфеля, несколько месяцев назад пал жертвой возрастающего влияния на Франко Серрано Суньера»¹⁰⁶. Шторер обращал внимание Берлина на оппозицию Суньеру со стороны «фалангистского» генерала Ягуэ и Кейпо де Льяно¹⁰⁷. Существовали, по сведениям Шторера, среди «победителей» и очень серьезные разногласия по вопросу

о форме государственной власти: «Монархисты видят спасение Испании в возвращении инфанта Хуана (третьего сына бывшего короля Альфонса XIII), в то же время фалангисты — «ветераны» и военные видят гарантию будущего Испании только в военной диктатуре».

Отсутствие единодушия в среде тех, кто, согласно заявлениям официальной испанской пропаганды, поддерживал Франко при явно враждебном или, по крайней мере, отчужденном отношении недавних «побежденных», создавало в Берлине впечатление об Испании как о стране с крайне неустойчивым внутривнутриполитическим положением. «Используя энтузиазм, вызванный нами в Испании, — говорил позднее Гитлер, — и удар, который мы нанесли Англии, нам следовало напасть на Гибралтар летом 1940 года, сразу же вслед за поражением Франции. В то время, однако, неудобство заключалось в том, что было бы трудно предотвратить вступление в войну Испании на нашей стороне... Честно говоря, иметь на шее Италию — уже достаточный груз, и, каковы бы ни были качества испанского солдата, Испания, учитывая ее нищету и неподготовленность, оказалась бы, скорее, тяжким бременем, чем приобретением»¹⁰⁸.

Однако к августу 1940 года стало очевидно, что воздушная война против Англии не дала ожидаемых результатов.

В период разработки нового военно-стратегического плана германского командования, предусматривавшего изгнание англичан из бассейна Средиземного моря, Испания вновь привлекает внимание Берлина.

На запрос Риббентропа об условиях вступления Испании в войну Шторер в меморандуме от 8 августа 1940 г. ставил Берлин в известность, что испанское правительство требует передачи Гибралтара, Французского Марокко, части Алжира, включая Оран, дальнейшего расширения владений в Рио де Оро и Гвинейском заливе. Кроме того, Франко рассчитывал на надлежащую военную и экономическую помощь со стороны Германии и Италии.

По мнению Шторера, участие Испании в названной операции чревато для нее весьма серьезными последствиями: «Ослабленная в результате гражданской войны, Испания экономически не способна успешно участвовать в войне, которая продлилась бы дольше, чем несколько месяцев... Дальнейшее усиление тяжелого экономического положения, возможный голод, а также политический и

военный регресс могут привести к внутренним бунтам»¹⁰⁹. Положение в Испании было достаточно хорошо известно командованию германской армии. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер записал в своем дневнике 27 августа 1940 г.: «Намереваются «запрячь» Испанию, не думая об экономических последствиях этого шага... Первоначально Франко намеревался выступить на нашей стороне лишь в том случае, если Англия будет разбита, так как он боялся могущества Англии (морские порты, продовольственное положение и т. п.). Теперь фюрер будет его обрабатывать, чтобы склонить к немедленному выступлению на нашей стороне... Внутреннее положение Испании очень тяжелое. Плохо с продовольствием. Не хватает угля. Генералитет и духовенство против Франко... Сейчас трудно предвидеть последствия союза с Испанией — с этим народом, на который нельзя рассчитывать и от которого можно ожидать всякого. Мы получаем союзника, который нам обойдется весьма недешево»¹¹⁰. Эту очень не утешительную картину дополнило донесение адмирала Канариса о состоянии испанской армии, составленное для высшего германского командования. В рассматриваемый период испанская армия насчитывала 340 тыс. человек, в случае войны возможно было увеличение численного состава армии до 500 тыс. Военная служба в Испании обязательна. В испанской армии — 27 дивизий, в том числе девять горных, одна моторизованная и одна кавалерийская дивизии. К этому следует добавить войска халифата (под властью халифа, но в распоряжении Испании) — всего 20 тыс. марокканцев: 20 дивизий размещены на полуострове, 5 — в Марокко и по одной дивизии на Балеарских и Канарских островах. Пехотные дивизии в настоящее время состоят из 9 тыс. человек, в период войны — из 12 тыс., дивизии размещены в 10 военных округах¹¹¹. Положение с офицерским корпусом тяжелое: 50% убито в период гражданской войны. Высшие чины офицерского корпуса — престарелого возраста. Мало кадровых офицеров, взводами командуют практически офицеры запаса. Для создания полностью укомплектованного офицерского корпуса Испании потребуется, по мнению начальника испанского генерального штаба генерала Мартинеса Кампоса, восемь лет¹¹².

Солдаты, по мнению Канариса, в основном волевые, послушные, стойкие и смелые, но слишком сильный ин-

дивидуализм часто приводит к отсутствию дисциплины. У офицеров те же самые боевые и моральные качества, что и у солдат. Но командование, как правило, инертное и доктринерское, уроки колониальных войн часто переносятся им на европейские условия в искаженном виде ¹¹³.

Отдавая себе отчет в неподготовленности Испании к войне, германское командование пришло к выводу о необходимости осуществить захват Гибралтара силами германской армии. По новому военно-стратегическому плану одна из групп армии должна была пройти через Испанию, захватить Гибралтар и двинуться через Марокко к Тунису (план «Феликс»). Но Франко неожиданно для Берлина вновь занял позицию выжидания и проволочек, как только понял, что надежды на молниеносное завершение войны оказались несбыточными. Любые планы захвата Гибралтара силами германской армии вызывали постоянный протест испанского правительства, с чем Германии приходилось считаться.

Даже в письме к Муссолини, которого Франко, по мнению Черчилля, не боялся и любил, в отличие от Гитлера, которого он не любил и боялся, Франко весьма туманно и неопределенно писал о перспективах вступления Испании в войну. Он уверял Муссолини, что с самого начала настоящего конфликта он прилагал большие усилия, готовясь вступить в мировую войну в благоприятных условиях и в соответствии с имеющимися у Испании возможностями, но в то время осуществлению любой операции мешали недостатки в снабжении жизненно важных продуктов и нарушение коммуникаций с Германией и Италией. «Быстрая и опустошительная победа во Фландрии изменила обстановку; поражение Франции освободило наши границы и ослабило то огромное напряжение, в котором мы с нашими марокканцами находились со времени гражданской войны... Таким образом, после вступления в войну Вашей страны мы должны занять более определенную позицию, мы должны быть бдительны, перейдя к статусу невоюющей стороны, что в области международных отношений не может не вызывать больших откликов» ¹¹⁴.

В своем ответе 25 августа 1940 г. Муссолини писал, что письмо Франко не было для него неожиданностью: «С начала возникновения войны я постоянно придерживался мнения, что Ваша Испания, Испания фалангистской революции, не сможет оставаться нейтральной до

конца войны и в подходящий момент, в конце концов, сменит статус невоюющей стороны на вмешательство». Признавая, что после трех лет гражданской войны Испания нуждается в длительном восстановительном периоде, Муссолини убеждал Франко, «как только позволит внутренняя ситуация, вступить в войну». Он поддерживал территориальные притязания Испании в Африке, назвав их, в соответствии с фашистской фразеологией, «жизненно важными для испанского народа». Судя по тону письма, Муссолини понял, что Франко хотел сказать между строк, а потому и сообщил ему, что он, Муссолини, рассматривает вступление Испании в войну как «весьма отдаленную перспективу»¹¹⁵.

А в это время испанские дипломаты и те официальные лица, которым приходилось часто встречаться с германскими чиновниками, буквально наводнившими в те дни страну, довольно успешно создавали впечатление, что Испания готова вступить в войну. Шторер писал Риббентропу в своем донесении 20 августа 1940 г.: «У меня сложилось определенное впечатление, что министр иностранных дел рассматривает вопрос об участии Испании в войне как практически решенную задачу... Подготовка общественного мнения находится в руках министра внутренних дел. Англия подвергается энергичной атаке в испанской прессе»¹¹⁶. Генерал Вигон во время переговоров с адмиралом Канарисом убеждал своего собеседника, что «Испания осознала необходимость вступления в войну», причем участие в войне Испании «не должно ограничиться Гибралтарской операцией»¹¹⁷.

В интересах поддержки этой политики пустопорожних обещаний в сентябре 1940 года Франко разрешил Суньеру, имевшему репутацию германофила, принять приглашение посетить Германию¹¹⁸.

16 сентября 1940 г. Суньер встретился с Риббентропом. Во время трехчасовой беседы он не сказал ничего нового для Риббентропа, подтвердив лишь те сведения, которые министр рейха мог почерпнуть из донесений своего мадридского посла. «После гражданской войны Испания испытывает огромные экономические трудности. Эти трудности практически выражаются в недостатке зерна, бензина и военных материалов... Общественное мнение, которое до недавнего времени было совершенно не подготовлено к вступлению Испании в войну, теперь относится к такому факту весьма положительно, это касается

и армии, но особенно молодежной организации фаланги, которая выступает за участие Испании в войне».

По мнению Суньера, «только небольшая часть испанского общества занимает негативную позицию (по отношению к вступлению в войну), но такое меньшинство есть в любой стране». Среди этого меньшинства оказался и... Франко. На прямой вопрос Риббентропа, когда же Испания сможет вступить в войну, Суньер ответил, что «Испания будет готова вступить в войну, когда будут установлены десять дальнобойных орудий у Гибралтара»¹¹⁹. В заключение он напомнил об испанских территориальных притязаниях.

Риббентроп не поддержал притязаний Испании, назвав их совершенно нереальными. Суньер был еще более раздосадован, когда Риббентроп поставил вопрос о предоставлении Германии базы на Канарских островах и довел до сведения мадридского визитера скрытую угрозу Гитлера оккупировать Иберийский полуостров, если это потребуют интересы Германии.

На другой день испанского министра внутренних дел принял Гитлер. Он сообщил Суньеру, что «сегодня Германия вступила в решающие сражения с Англией» и что «британская высадка на континент может быть охарактеризована как абсолютная химера».

В ответ на уговоры Гитлера решить положительно вопрос о вступлении в войну Суньер заявил, что он хотел бы внести ясность в вопрос об условиях вступления Испании в войну на стороне Германии: «Как только в Испанию будут доставлены продукты питания и военные материалы, она сможет немедленно вступить в войну». Он сообщил, что в Испании серьезно относятся к возможности высадки англичан на Кантабрийском берегу и в этой связи ссылаются на то, что «коммунистические элементы в астурийском населении могут очень осложнить ситуацию в случае такой высадки». Суньер охарактеризовал Марокко как «испанское жизненное пространство (он употребил термин «Lebensraum») и естественный объект испанской экспансии».

Что касается германских военных поставок, то Суньер заявил, что пожелания Испании были подробно обсуждены во время переговоров с адмиралом Канарисом и что прежде всего Испания хотела бы получить 380-миллиметровые орудия, необходимые для штурма Гибралтара.

На это Гитлер ответил, что доставка таких орудий

для Гибралтара едва ли возможна: транспортировка их необычайно трудна, а для установки их потребуется три-четыре месяца.

Гитлер остался недоволен беседой с Суньером: вопрос о вступлении Испании в войну так и не был решен¹²⁰. К тому же Суньер тяжело оскорбил Гитлера. Ф. Гальдер записал в своем дневнике 15 октября 1940 г.: «Фюрер поднял вопрос об уплате Испанией долгов, которые она сделала в период гражданской войны (1936—1939 гг.). Суньер ответил, что «испанцам непонятно подобное смешение идеализма и материализма», что фюрер ведет себя как «мелкий еврейский торгаш»¹²¹. Избежать вопроса о выплате долгов Суньеру тем не менее не удалось.

Во время визита Суньера в Берлин испанской делегации пришлось ознакомиться с иском по германским военным поставкам в период гражданской войны: испанский военный долг составил 378 млн. рейхсмарок. Сверх того частные германские поставки в период гражданской войны составили 15 млн. рейхсмарок. В переговорах с испанской делегацией был урегулирован общий график расчета. При расчете были учтены и те 45 млн. рейхсмарок, которые, по уверению Германии, составили ущерб, понесенный германским капиталом в результате гражданской войны. Была достигнута общая договоренность о постепенной выплате долгов за счет интенсивного испанского ввоза. Испания обязана была поставить Германии апельсины на сумму 50—60 млн. рейхсмарок и сырье. Одновременно была достигнута договоренность о поставках в Испанию военных материалов, и прежде всего авиационного снаряжения, на сумму 30 млн. рейхсмарок в обмен на испанское сырье¹²². Свой долг Испания могла рассчитывать погасить лишь через много лет.

Визит Суньера не оправдал надежд. Но это не смутило Франко. Политика пустопорожних обещаний продолжалась. В письме к Гитлеру от 22 сентября 1940 г. Франко выразил согласие с тем, что «оккупация Гибралтара должна стать первым актом совместного наступления»¹²³. Однако вопрос о конкретных сроках вступления Испании в войну он обошел и на этот раз.

Несколько дней спустя, 28 сентября, в беседе с Чиано Гитлер пожаловался на непомерные требования Испании, выдвинутые к тому же в довольно наглом тоне. Эти требования сводились к следующему: Германия должна поставить в будущем году 400—700 тыс. т зерна; поставить

все продовольствие, недостающее снаряжение для армии; доставить не только артиллерию и самолеты, но и специальные вагоны и войска для захвата Гибралтара; передать Испании все Марокко и, кроме того, Оран и помочь ей в пересмотре границ на западе от Рио де Оро. В обмен Испания обещает Германии свою дружбу.

Уклончивость испанцев и их нежелание отказаться от нейтралитета его возмущала: «Италия и Германия так много сделали для Испании в 1936 году»¹²⁴. В ответ Чиано сообщил, что Муссолини полностью разделяет мнение о трудностях вовлечения Испании в войну. Несколько дней спустя, 4 октября 1940 г., во время встречи с Муссолини на Бреннерском перевале, Гитлер жаловался на непомерные требования испанского правительства. Именно к этому времени относятся филиппики Гитлера в адрес «иезуита Суньера и неблагодарного труса Франко», которые славословят Германию, но «помочь ничем не хотят»¹²⁵.

Руководители фашистской Испании трезво отдавали себе отчет в том, что вовлечение Испании в войну неизбежно обернется катастрофой для режима. Однако выдвижение непомерных требований с заведомой целью спровоцировать отрицательный ответ на них представлялось испанскому правительству более удобным выходом, чем признание политической неустойчивости режима.

В то же время франкисты боялись дать отрицательный ответ на настойчивые призывы Берлина вступить в войну: их диктатура всем своим существованием была обязана Германии и Италии, страны «оси» в то время были единственной внешнеполитической опорой режима Франко. Кроме того, франкистская Испания была опутана долговыми обязательствами перед фашистскими державами.

Примечательно, что в это же самое время, 30 сентября 1940 г., в беседе с Ведделом испанский министр иностранных дел «от имени своего правительства официально заверил, что Испания останется в стороне от европейского конфликта, если только она не будет подвергнута нападению»¹²⁶. Это был пример обычной «двойной» игры испанской дипломатии. Министр не был искренен в беседе с послом: касаясь посещения Суньером Берлина, он заверил Веддела, что это был всего лишь визит вежливости, то есть повторил лишь то, о чем говорила в те дни испанская официальная пресса.

Поскольку визит Суньера не дал ожидаемых Берлином результатов, Гитлер решил лично встретиться с Франко.

Согласно достигнутой договоренности, встреча должна была состояться 23 октября в 14 часов на станции Эндай. Франко прибыл в Эндай с опозданием на час. Он умышленно задержал поезд. «Это самая важная встреча в моей жизни, — сказал он одному из сопровождавших его армейских офицеров. — Я должен прибегать ко всякого рода ухищрениям, и это одно из них. Если я заставлю Гитлера ждать, он будет психологически подготовлен с самого начала»¹²⁷. Гитлер и Риббентроп, теряя терпение, ходили по платформе.

После церемонии взаимных объятий были исполнены национальные гимны. Затем Франко произнес речь, в которой выразил свое глубокое удовлетворение в связи с личным знакомством с Гитлером, которого он превозносил до небес. «В настоящей войне, — заявил он, — Испания рада будет бороться на стороне Германии. Для войны необходимы приготовления в экономической, военной и политической сферах. В пределах ее скромных возможностей Испания начала эти приготовления». Франко долго говорил о «временных» трудностях, переживаемых Испанией. «Но несмотря на них, — заверил он, — Испания ввиду ее тесной духовной связи с державами «оси» занимает ту же самую позицию в отношении войны, что и Италия прошлой осенью».

Гитлер ответил, что он тоже рад видеть каудильо лично в первый раз в своей жизни после того, как он так часто был рядом с ним мысленно во время гражданской войны. Затем Гитлер изложил военную ситуацию. Англия, по его словам, терпит поражение, но она еще не готова смириться. Следующая стадия — взятие Гибралтара. Далее последовало изложение плана гибралтарской операции: двадцать дивизий, в том числе танковые, пересекут Испанию в направлении Гибралтара, чем помешают Англии завладеть Средиземным морем и Северной Африкой. В связи с этим Гитлер предложил Франко заключить соглашение, которое предусматривало бы объявление Испанией войны Англии в январе 1941 года. Гибралтар, заявил Гитлер, должен пасть 10 января¹²⁸.

Когда Гитлер закончил свою речь, вспоминает переводчик Гитлера Пауль Шмидт¹²⁹, Франко некоторое вре-

мя молчал. Затем он сказал, что Испания остро нуждается в продовольствии. «Союзники» дали согласие на импорт некоторого количества продовольствия, но лишь при определенных условиях. Сможет ли Германия предоставить продовольствие и нефть, в которой Испания нуждается? Изложенный план взятия Гибралтара затрагивает чувство испанского национального достоинства. Поэтому крепость должна быть взята самими испанцами. Но для этого испанская армия должна быть обеспечена современным вооружением, тяжелой артиллерией и транспортом. Поражение Англии — еще не предрешенный результат. Если только Англия будет завоевана, британское правительство и флот продолжат войну из Канады, и Америка выступит на их стороне. «Гитлер становится все более и более беспокойным», — вспоминает Пауль Шмидт. Он вновь напомнил Франко о помощи, которую он оказал ему во время гражданской войны. Наконец, Франко заявил, что он готов заключить соглашение, предусматривающее поставку Германией необходимого для Испании продовольствия и вооружения и предоставляющее Испании право принять решение о вступлении в войну, когда наступит подходящий момент. Затем наступил перерыв. После завтрака в вагоне Гитлера переговоры продолжились¹³⁰. Гитлер стал все более настойчивым, если не сказать грубым. Франко, в свою очередь, невозмутимо и настойчиво повторял свою просьбу о поставке миллиона тонн пшеницы, без чего он не может гарантировать, что история не повторится вновь, в связи с чем он сослался на восстание против Наполеона. Не вся Испания на стороне «оси», говорил Франко, далеко нет. Кроме того, зимой в Испании горы покрыты снегом и льдом, что создаст затруднения для передвижения танков.

А в это время Риббентроп с Суньером подготавливали текст соглашения. Предполагалось, что в Эндае должны были быть подписаны два секретных протокола: основной — германо-испано-итальянский и дополнительный — германо-испанский. Текст первого секретного протокола фиксировал согласие Испании присоединиться к трехстороннему пакту, заключенному 27 сентября 1940 г. между Италией, Германией и Японией. Испания объявляла, что она вступит в войну на стороне держав «оси» против Англии в свое время — тогда, когда будут закончены необходимые военные приготовления в соответст-

вии с решением трех держав. Германия объявляла о своей готовности оказать помощь Испании и поставить продовольствие, сырье, военное снаряжение. Испании были обещаны территории в Африке после поражения Англии и с учетом притязаний Германии и Италии.

В дополнительном протоколе речь шла об испанском долге Германии за гражданскую войну и урегулировании торговых отношений обеих стран¹³².

Но Франко уехал и не было никакой возможности немедленно подписать эти документы. Уклонился от подписи и Суньер, который накануне встречи в Эндае стал министром иностранных дел¹³³.

После девятичасовых переговоров Гитлер сказал, что он предпочел бы, чтобы ему вырвали три или четыре зуба, чем снова пройти через все это. «Всю дорогу Риббентроп проклинал Суньера и Франко, которые всем обязаны Германии и теперь ничего не хотят сделать для нее»¹³⁴, — вспоминал П. Шмидт.

28 октября во время переговоров с Муссолини во Флоренции Гитлер назвал требования испанцев «абсолютно несоизмеримыми с их силами»¹³⁵.

Ф. Гальдер записал в своем дневнике 1 ноября 1940 г.: «Переговоры с Франко окончились неудовлетворительно... Германия требует опорных пунктов на Канарских и Азорских островах... Эти требования, очевидно, оказали на Испанию, которая хочет достичь своих целей, не жертвуя при этом ничем, сильное отрезвляющее действие. Стремление Испании к активным действиям весьма слабое. Хотя испанцы и очень воодушевлены перспективой возвращения Гибралтара, однако их материальные возможности невелики. Испания все еще продолжает вести оживленный товарообмен с Англией (руда за горючее). Чтобы привлечь к себе Испанию, мы должны взять на себя полностью ее снабжение... В виде территориальных вознаграждений за участие в войне Испания получит Гибралтар, который мы захватим и передадим Испании, и часть Французского Марокко «в том случае, если можно будет компенсировать Францию в другом месте». Однако добиться от Франко уже теперь согласия на немедленное вступление в войну не удалось»¹³⁶.

Руководителей рейха возмущала и та изворотливость, с которой Франко и Суньер уклонились от подписи под секретным протоколом. 6 ноября Риббентроп сообщил Штореру, что он отправил со специальным курьером три

экземпляра текста секретного протокола, подписанные им, Риббентропом, и Чиано. По расчету Риббентропа, курьер должен был прибыть в Мадрид 9 ноября. Штореру вменялось в обязанность добиться подписи Суньера¹³⁷. 11 ноября Шторер сообщил, что Суньер подписал третью копию и что германская и итальянская копии возвращены со специальным курьером. 29 ноября посол США Веддел во время беседы с Франко спросил его, подписала ли Испания пакт трех держав, тот ответил «нет»¹³⁸.

Ни Испания, ни Германия так и не выполнили взятых на себя обязательств, о которых шла речь в секретном протоколе. Однако этот случай с подписью протокола весьма характерен для Франко и его дипломатии. Он свидетельствует о том, что каудильо порой был вероломен не только в отношениях со своими противниками, но также и с теми, кого он публично именовал ближайшими своими друзьями и благодетелями. Франко проявил упорство и изворотливость, отказываясь вступить в войну, потому что это был для него вопрос жизни: участие в войне могло привести к краху его режима, в крайней неустойчивости которого он отдавал себе отчет¹³⁹.

Но руководители рейха не потеряли надежды сломить его упорство и заставить его принять участие в операции «Изабелла — Феликс».

В ноябре Суньер вновь получил приглашение посетить Берлин. По словам Суньера, Франко выразил недоумение в связи с этим приглашением и напущивал его словами: «Испания не может и не будет участвовать в войне»¹⁴⁰.

Гитлер принял Суньера в Берхтесгадене 18 ноября и объявил о своем решении атаковать Гибралтар. По его словам, в настоящее время уточняются последние детали операции. В конце четырехчасовой беседы Суньер, по указанию Франко, повторил, что испанцы могут ответить восстанием на иностранное вторжение как во времена Наполеона, но что Испания продолжает готовиться к вступлению в войну¹⁴¹. «Переговоры с Испанией (Суньер) ничего не дали»¹⁴², — записал в дневнике 18 ноября Гальдер.

Гитлер остался недоволен беседой. Франко был против визита Суньера, и тем не менее пресса Германии и Испании тех дней захлебывалась от восторга по поводу «братской дружбы» между двумя странами.

В день визита Суньера, 18 ноября, Гальдер записал в своем дневнике: «Объявлены сроки проведения испанской операции...». 2 декабря он отметил: Франко не хочет придерживаться никаких сроков. 3 декабря в своих записях он вновь возвращается к условиям осуществления операции «Феликс»: «Франко ведет себя капризнее, чем когда-либо. Он заявил, что не может быть установлен точный срок для вступления (Испании) в войну. Нельзя предвидеть, сколько времени займет подготовка». «Он просит о присылке специалистов, в том числе и для организации экономики»¹⁴³.

4 декабря Гитлер направил в Мадрид адмирала Канариса для обсуждения практических деталей акции против Гибралтара¹⁴⁴. Франко принял Канариса 7 декабря. Присутствовал и генерал Вигон. Канарис передал приветствие Гитлера и сообщил, что Германия предполагает начать операцию «Гибралтар» в самое ближайшее время и что германские войска вступят на территорию Испании 10 января. На это Франко ответил, что еще не закончены приготовления, Испания испытывает острую нужду в продовольствии, и особенно в хлебе, не хватает транспорта и что по этим причинам Испания не может вступить в войну в ближайшем будущем¹⁴⁵. Когда Канарис сообщил Гитлеру о реакции Франко, тот готов был отменить операцию «Феликс», но 27 декабря высшее командование флота сообщило ему, что действия Англии в Греции, Албании, Ливии и Восточной Африке повысили авторитет Англии. Ввиду этого командование флота придерживалось точки зрения, что Гибралтар должен быть взят как можно быстрее: это облегчит Италии действия в Греции и Киренаике, создаст возможность Германии проникнуть в Африку через Испанское Марокко. Гитлер ответил, что он согласен, но все дело в позиции Франко, который отказывается от сотрудничества¹⁴⁶.

В письме к Муссолини от 31 декабря 1940 г. Гитлер писал, что Германией закончены все приготовления к тому, чтобы пересечь испанскую границу 10 января и атаковать Гибралтар в начале февраля. Однако Франко отказался пропустить через территорию немецкие войска. Гитлер выразил надежду, что Франко поймет в конце концов «катастрофические последствия своего поведения»¹⁴⁷.

Но именно поражение Италии в Греции еще более укрепило нежелание Испании ввязываться в войну.

В послании к генералу Исмею от 6 января 1941 г. Черчилль, ссылаясь на слова капитана Хиллгарда, английского морского атташе в Мадриде, писал: «Становится все менее вероятным, чтобы испанское правительство разрешило войскам Гитлера пройти через территорию Испании или вступило в войну против нас»¹⁴⁸.

Во второй половине января 1941 года Германия усиливает нажим на Испанию. Настало время прямых угроз. 21 января Риббентроп поставил Шторера в известность о том, что «фюрер и правительство рейха глубоко обеспокоены уклончивой и колеблющейся позицией Испании. Эта позиция совершенно необъяснима, принимая во внимание нашу помощь Франко в гражданской войне...

Если каудильо не примет решение немедленно вступить в войну на фронте держав «оси», правительство рейха не может не предвидеть конец националистической Испании»¹⁴⁹.

Шторер получил указание практически принудить Франко немедленно вступить в войну. В телеграмме от 24 января Риббентроп уполномочил Шторера передать Франко «от имени правительства рейха», что «только немедленное вступление Испании в войну имеет стратегическую ценность для держав «оси»... Если генерал Франко тем не менее не вступит в войну в это время, он подтвердит тем самым тот факт, что он не верит в окончательную победу «оси», как это обнаружилось в беседе с адмиралом Канарисом»¹⁵⁰.

Выслушав послание германского правительства, Франко заявил, что он убежден в победе держав «оси»¹⁵¹.

6 февраля Гитлер вновь обращается к Франко, на этот раз с личным письмом, в котором угрозы уступили место лести и уговорам. Он убеждает каудильо, что «в войне время — один из важнейших факторов»; «если бы 10 января мы пересекли испанскую границу, Гибралтар был бы сегодня в наших руках»; «вступление Испании в эту войну было задумано вовсе не исключительно в интересах Германии и Италии»; «в том случае, если Германия и Италия потерпят поражение, тогда всякое будущее для сегодняшней национальной и независимой Испании окажется невозможным». Он обещал немедленно поставить Испании 100 тыс. т зерна, как только Испания вступит в войну¹⁵².

Письмо Гитлера Шторер вручил Франко 8 февраля. Франко заявил, что со всем согласен, но с ответом медлил.

Он сообщил Штореру, что ответит немедленно после возвращения из Бордигеры, где он должен был встретиться с Муссолини 12 февраля.

Все свидетельствовало о том, что каудильо находился в большой растерянности. Он понимал, что на этот раз Германия поставила перед собой цель добиться во что бы то ни стало вступления Испании в войну, и притом в самое ближайшее время. Была реальная опасность, что в случае отказа Франко Германия не остановится перед тем, чтобы ввести войска в Испанию и без согласия испанского правительства. С другой стороны, вступить в войну Испания не могла. Зимой 1941 года отчетливее, чем когда бы то ни было, вырисовывались роковые последствия такого шага: возможный крах самого франкистского режима. За два дня до того, как Франко было вручено письмо Гитлера, Шторер доносил в Берлин: «Внутреннее положение в Испании стало еще более острым в последние три недели... Не исключены голодные бунты. Даже армия не получает достаточного количества продовольствия. Опасаются, что часть солдат объединится с коммунистическими и другими бандами и начала снабжать их оружием... Озлобление народа оправдано, в частности, тем, что один-два миллиона красных все еще содержатся в заключении, узники скудно питаются, а их семьи умирают от голода... Военные усиливают свою борьбу против министра иностранных дел Серрано Суньера и в то же время непосредственно против генералиссимуса». По мнению Шторера, можно ожидать путча¹⁵³.

В донесениях от 7 и 22 февраля Шторер дополнил картину: «Испания экономически не готова к войне. Внутреннее положение все более и более обостряется. Увеличивается антагонизм между правительством и оппозицией. Все больше и больше безответственных элементов, которые еще недавно были преданы новому режиму, присоединяются к бывшим красным». По сведениям Шторера, «большинство военных высказываются против войны, главным образом по причине экономической разрухи, а также из-за дефектов в военной подготовке»¹⁵⁴. В донесениях Шторер вновь и вновь возвращается к конфликту Суньера с генералитетом. Этот конфликт, по мнению Шторера, носил не только персоналистский характер: возмущались тем, что Суньер был и министром иностранных дел, и генеральным секретарем фаланги, и шефом правительственной и партийной прессы, и членом Нацио-

нального совета. Конфликт углублялся и из-за расхождения во взглядах — Суньер советовал немедленно вступить в войну¹⁵⁵. Так или иначе, Суньеру завидовали и одновременно презирали его. Даже в ближайшем окружении Франко его презрительно именовали «куньядисимо» (от испанского слова «куньядо» — зять).

В анализе внутреннего положения страны, сделанном Шторером, нет ни слова о монархическом движении, хотя в это время наблюдалось его оживление. 21 февраля 1941 г. умер бывший низложенный король Альфонс XIII, и с его сыном, доном Хуаном, связывались определенные надежды на близкую реставрацию монархии. Франко заказал реквием по Альфонсу, но тут же приказал именовать его сына всего лишь графом Барселонским.

Такова была обстановка в стране, когда Франко отправился к Муссолини «зондировать почву». Накануне встречи в Бордигере Муссолини получил письмо от Гитлера, где тот говорил о необходимости «вернуть испанского блудного сына»¹⁵⁶. Однако Муссолини даже не пытался воздействовать на Франко. Муссолини сам был очень расстроен неудачами в Греции. К тому же накануне приезда Франко бомбили Геную¹⁵⁷. По словам Франко, они говорили «совершенно дружески обо всем». Франко сообщил Муссолини, что Испания, «как и прежде, хочет сотрудничать со странами «оси» и внести свой вклад в дело окончательной победы. Однако Испания испытывает самый настоящий голод и в военном отношении совершенно не подготовлена»¹⁵⁸. В результате беседы у Муссолини сложилось определенное мнение, и он написал Гитлеру, что Испания не в состоянии вступить в войну¹⁵⁹.

Возвращаясь из Бордигеры, Франко навестил в Монпелье Петэна и попросил его помочь Испании в том случае, если Гитлер односторонне примет решение ввести войска на территорию Испании. Но Петэн посоветовал лишь не гневать Гитлера¹⁶⁰. Переговоры с Муссолини приободрили Франко, а неудачи Италии в Греции окончательно укрепили его нежелание ввязываться в войну.

В Берлине была уже известна позиция, занятая Франко в Бордигере. 22 февраля Риббентроп, которому было поручено осуществление «испанской операции», доложил, что Испания не готова вступить в войну на стороне Германии. 26 февраля это сообщил Гитлеру и сам Франко. Он вновь заверил Гитлера в своей преданности, горячо одобрил план нападения на Гибралтар, но в то же время

категорически настаивал на том, чтобы в этой операции принимали участие только испанские войска, оснащенные германским оружием. А на это было необходимо время ¹⁶¹.

В связи с этим Черчилль заметил: «Хотя по своей идеологии эти мрачные люди были нацистами и фашистами, они предпочитали обходиться без иностранцев. Франко полностью разделял эти чувства и умело их выражал» ¹⁶². Гитлер, получив письмо Франко, разразился бранью: возмущаясь его «неблагодарностью», он называл его «трусливым дезертиром» ¹⁶³. В дело попыталась вмешаться германская разведка. Шеф германских нацистов в Испании Томсон еще в 1940 году установил связь с подпольной политической хунтой, которую возглавлял подполковник Тардучи. Тардучи был фалангистом и считал себя обойденным и неоцененным по «заслугам». В руководящую группу хунты входили почитатели нацизма журналист Патрицио Каналес и Хосе Антонио Хирон. Политическая программа хунты копировала нацизм. Хунта была связана с генералом Ягуэ, который также считал себя обойденным. Хунта обратилась к Томсону с просьбой помочь устранить Франко. В обмен Тардучи обещал вступление Испании в войну на стороне Германии. Каналес позднее утверждал, что хунта готова была убить не только Суньера, но и самого Франко. Зимой 1941 года адъютант Ягуэ донес на своего генерала и хунта прекратила свою деятельность. Франко не принял никаких мер против заговорщиков, ограничившись личной беседой с Ягуэ ¹⁶⁴. И это в то время, когда редкий день в Испании обходился без казни республиканцев, вся вина которых состояла в их убеждениях. Ссора среди «своих» мало пугала Франко.

Начиная с марта 1941 года Берлин ослабил нажим на Испанию, поскольку Германия в это время уже глубоко увязла в подготовке войны против СССР. Но Испания и Гибралтар пока не исчезли из планов германского командования. 4 мая 1941 г. Гальдер упоминает о директиве «относительно подготовки операций на Иберийском (Пиренейском) полуострове в случае, если Англия начнет боевое действие против Испании и Португалии (или против Испанского Марокко)». В записях 17 и 20 мая он обращается уже к проблеме переброски резервов во Францию и вооружения частей для операции «Изабелла» ¹⁶⁵.

После нападения Германии на Советский Союз все планы овладения Гибралтаром были надолго отложены.

Г л а в а III

„ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ“

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, казалось, должны были быть устранены все препятствия для официального вступления франкистской Испании в войну на стороне держав фашистской «оси». Как «ультра» во франкистском Национальном движении, ослепленные антикоммунизмом и ненавистью ко всему советскому, так и многочисленные иностранные наблюдатели и даже гитлеровские дипломаты полагали, что Франко отбросит все сомнения и Мадрид с минуты на минуту станет активной воюющей стороной.

Эта уверенность покоилась как на многократно повторенных заверениях Франко в незаинтересованности Испании в исходе вооруженного конфликта между странами именно Западной Европы, так и на широко известной ненависти франкистского режима к коммунизму и Советскому Союзу. Хотя к этому времени в Берлине смогли убедиться в крайней изворотливости каудильо, так и не поднявшего пока оружия на стороне Германии, война против Советского Союза, изображавшаяся гитлеровской пропагандой как «крестовый поход» против коммунизма, была именно тем событием, которого дожидались фашисты всей Европы. Фашистская нечисть захлеб приветствовала фюрера, принявшего, наконец, правильное решение, а иные, самые ретивые, были готовы примкнуть к вермахту в разбойничьей войне против советского народа.

Обнадеживающие для руководства «третьего рейха» известия поступили и из Испании.

Уже 22 июня 1941 г. испанский министр иностранных дел Серрано Суньер, сославшись на мнение Франко, сообщил германскому послу в Мадриде Штореру, что «испанское правительство выражает величайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большеви-

стской России и в равной степени сочувствует Германии, вступающей в новую и трудную войну». Суньер утверждал, что нападение Германии на Советский Союз будто бы «вызвало величайший энтузиазм в Испании». Суньер обратился к германскому правительству с просьбой дать возможность добровольцам из членов фаланги принять участие в борьбе против общего врага в память той «братской помощи», которую Германия оказывала Испании во время гражданской войны 1936—1939 годов. Министр пояснил, что «этот жест солидарности, разумеется, делается независимо от вопроса о полном и окончательном вступлении Испании в войну на стороне «оси», которое последует в соответствующее время».

Франкистский министр иностранных дел в особо теплых словах выразил свою «твердую уверенность в том, что война с Россией закончится для Германии также счастливо и победоносно, как и предшествующие войны»¹. 24 июня Риббентроп известил Шторера, что «германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирование добровольцев фаланги»².

В тот же день Суньер публично обратился к членам фаланги с призывом поднимать добровольцев на войну против СССР³. Фалангистская пресса с энтузиазмом подхватила призыв своего шефа (Суньер был одновременно и главой фаланги), причем иные горячие головы посчитали необходимым собрать и отправить рать в 100 тыс. добровольцев⁴.

Однако с первоначальным замыслом формирования добровольческого соединения исключительно из членов фаланги Серрано Суньеру пришлось расстаться. 25 июня Шторер сообщил в Берлин: «Испанский министр иностранных дел очень рад согласию Германии на участие испанских добровольцев в войне против России. Он обещал поднять этот вопрос на сегодняшнем заседании Совета министров и вслед за тем обо всем договориться с начальником фалангистской милиции генералом Москардо, и прежде всего о немедленном опубликовании призыва к вербовке. Но из-за соперничества фаланги и армии добровольцы будут набираться не только из фалангистов, но и из легиона, связанного с армией».

В ответ на пожелание Шторера (было бы «своевременно и желательно» объявить, что Испания находится в состоянии войны с Советским Союзом) министр ответил, что обсудит этот вопрос с Франко. От себя Суньер доба-

вил, что в этом случае «Англия и, возможно, Америка откликнутся на такое заявление если и не объявлением войны Испании, то во всяком случае установлением блокады, в результате чего Испании грозит потеря ее судов, находящихся в настоящее время в пути»⁵.

В телеграмме от 26 июня 1941 г. Шторер с огорчением сообщил, что решение об объявлении Испанией войны Советскому Союзу до сих пор еще не получено и что это в большей степени зависит от реакции на посылку испанских добровольцев. Выяснилось, что Англия уже отозвалась — импорт бензина в Испанию запрещен⁶.

Не следует, однако, слишком серьезно относиться к ссылке испанских официальных лиц на возможную отрицательную для Испании реакцию США и Англии как на основную причину воздержания от открытого объявления войны СССР: то была не главная причина и, во всяком случае, не единственная. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует новая телеграмма Шторера уже от 28 июня 1941 г., из текста которой следует, что протест армии против отправки фалангистских формирований имел более серьезную основу, нежели некоторое соперничество: «Военные попытались выступить против всего плана в целом, так как, по их мнению, его выполнение могло поставить Испанию на грань войны...». Сам Суньера, по мнению Шторера, хочет войны, однако он ожидает более благоприятного для Испании момента, который наступит после получения сырья и материалов, находящихся в пути⁷, и после соответствующей подготовки общественного мнения. Главные противники вступления в войну — военные, которые, по словам Суньера, имели большое влияние на Франко. Но основная причина оттяжки вступления Испании в войну, по мнению Шторера, — «недостаточность экономической и военной подготовки»⁸. Шторер высказал надежду, что политика Суньера неизбежно, в конце концов, приведет Испанию к вступлению в войну.

Тем временем оттяжка решения об официальном вступлении в войну на стороне Германии не помешала форсировать формирование «добровольного» соединения для войны на Востоке.

27 июня 1941 г. начальник итальянского генерального штаба У. Кавальеро записал в своем дневнике: «Глава нашей миссии в Мадриде сообщил, что немцы вербуют в Испании добровольцев для отправки в Россию. Распро-

страняются слухи, что и мы пошлем своих добровольцев. Муссолини заявил, что не видит в этом смысла, так как в Россию отправляются регулярные части итальянской армии»⁹. В Риме не усмотрели никакой разницы между тем, что делали в Италии и Испании. Государственные же руководители Испании прибегли к уловке, обычной в условиях военных интервенций: без официального объявления войны принять в ней самое прямое участие.

Более того, отправкой дивизии в далекую Россию они хотели заменить вступление в уже начавшуюся войну. Игра Франко была очевидна, во всяком случае, для тех, кого он хотел ввести в заблуждение. Чيانо записал в эти дни: «Вклад «голубой дивизии» в дело держав «оси» нельзя было бы сравнить с успешным осуществлением операции «Изабелла — Феликс». В беседе с Муссолини вечером 25 августа 1941 г. в своей штаб-квартире Гитлер с горечью говорил об Испании, заявив, что эта страна «страшно его разочаровала».

При ретроспективном взгляде на ход событий замысел Франко также совершенно очевиден. Он, «низведя эту интервенцию до крестового похода против коммунизма, стремился обойти вступление в войну против Англии», — отмечает современный биограф каудильо К. Мартин¹⁰.

Франко не только и не столько не хотел воевать, сколько не мог воевать. Франкисты откладывали вступление в войну, надеясь со временем стабилизировать экономическое положение и обеспечить политическую устойчивость режима. Эти надежды не оправдались. «Последствия революционных лет ни с точки зрения чувств народа, ни с точки зрения экономики страны все еще не ликвидированы»¹¹, — отмечал обозреватель швейцарской газеты «Базлер Нахрихтен».

В результате фашистская Испания при всей своей симпатии к странам «оси» так и не вступила в войну: слишком велик был риск. «По темпераменту Франко был очень осторожный человек, типичный «гальего»¹², или, как сказали бы в Соединенных Штатах, «человек из Миссури». К тому же у него не было иллюзий относительно слабости и истощения, которые принесли Испании предшествующие три года ужасной гражданской войны. Он не имел никаких иллюзий относительно продолжающегося глубокого разделения, которое охватило всех испанцев, и сознавал опасность, которой может подвергнуться недавно установленный и все еще неустойчивый

режим, если он совершит в корне непопулярную акцию. Он знал, что подавляющее большинство испанского народа хочет мира, а не войны, все равно — гражданской или внешней»¹³, — писал посол США Хейс. А поэтому «испанское правительство, не желая вступить в конфликт официально, объявило о создании добровольческого соединения, которое должно было сражаться рука об руку с немецкой армией на Востоке»¹⁴, — замечает английский историк С. Пейн, автор одного из последних исследований по истории испанского фашизма.

Испанское добровольческое соединение, известное в истории второй мировой войны как «голубая дивизия»¹⁵ (поскольку идея создания дивизии принадлежала лидерам фаланги, ее и стали называть «голубой»: голубые рубашки и красные береты были обязательной формой фалангистов), было сформировано в самые сжатые сроки. Была развернута гигантская пропагандистская кампания, и в телеграмме от 4 июля 1941 г. германский поверенный в делах Геберлейн сообщил в Берлин: «На призыв к вербовке в «голубую дивизию» откликнулись в 40 раз больше добровольцев, чем это было необходимо. Сегодня окончательный отбор проведут все штабы корпусов»¹⁶. Местом сбора завербованных в «голубую дивизию» стал Ирун, расположенный около испано-французской границы. Геберлейн отмечал, что отправка дивизии в Германию начнется, «возможно, на будущей неделе». В составе дивизии — 641 офицер, 2272 унтер-офицера и сержанта, 15 780 солдат. Дивизия имеет три пехотных полка, четыре артиллерийских батальона, батальон разведки, саперный батальон, противотанковый батальон, батальон связи, медчасть и штабной дивизион¹⁷. Секретарь МИД Германии Вейцекер еще 3 июля сообщил Геберлейну, что правительство рейха «с радостью» примет испанских добровольцев всех трех видов вооруженных сил (армии, флота и авиации), а также фалангистов и надеется, что они составят объединенное в единое целое испанское формирование под испанским командованием, но входящее в вермахт¹⁸.

Единственно, что, пожалуй, вызвало уже тогда серьезную озабоченность германских официальных лиц, причастных к созданию «голубой дивизии», была степень ее политической «благонадежности». Вопрос об этом встал сразу же, когда части дивизии начали следовать по пути на Восток через Германию и гитлеровцы смогли позна-

комиться с ними. В телеграмме от 20 августа гитлеровский дипломатический чиновник с тревогой сообщил из Берлина, что, по имеющимся сведениям, коммунисты пытаются проникнуть как во французские (фашистские), так и испанские добровольческие формирования с целью перехода к русским. По полученным им сведениям, «коммунистические элементы» находились преимущественно в войсках Испанского Марокко¹⁹.

В своем ответе 21 августа Шторер сообщил в Берлин о мерах, принятых для предупреждения коммунистического «проникновения». «Голубую дивизию» составят преимущественно военнослужащие регулярных войск, «марокканцы» приниматься не будут. И главное: при соблюдении правила (основное условие вступления в дивизию) наличия у военнослужащих не менее чем десятилетней военной выслуги коммунистическое проникновение окажется едва ли вероятным. И поскольку дивизия теперь в Германии, Шторер советовал поручить все дальнейшее расследование германской службе безопасности²⁰. Еще ранее, в приведенной выше телеграмме от 3 июня, Вейцзер обратился с просьбой не принимать в дивизию русских эмигрантов.

К середине июля испанские «добровольцы» были готовы к походу на Восток. 30 июля первые испанские летчики приземлились на аэродроме Темпельгоф в Берлине. Им была устроена помпезная встреча, которая, однако, не обошлась без конфликта, досадного для организаторов этого «тоталитарного торжества»: оркестр воздушных сил с большим подъемом исполнил гимн. Летчики удивленно крутили головами: вместо привычного официального гимна франкистской Испании они вдруг услышали полузабытую мелодию государственного гимна Испанской Республики²¹.

13 июля 1941 г. под оглушительный пропагандистский гром отправился первый эшелон испанских «добровольцев» в Германию. На торжественных проводах присутвовали и выступили с соответствующими напутствиями Серрано Суньер и военный министр Валера²². Но когда эшелоны с испанским воинством проходили через Францию, французы оказывали им весьма холодный прием²³, несмотря на все усилия местных коллаборационистов. Наконец, прибыли к месту назначения — Германия, лагерь под Графенвером. В дальнейшем маршевые батальоны, посылавшиеся на пополнение «голубой диви-

зии», направлялись не только в Графенвер, но и в Ауэрбар, и главным образом в Гоф, где дислоцировался 481-й западный батальон 13-го округа рейхсвера, к которому была приписана дивизия²⁴.

В Графенвере испанцы прошли медицинский осмотр и почти утратили свой первоначальный вид. Им роздали обмундирование, которое отличалось от обычной немецкой пехотной формы только особым нарукавным знаком дивизии powyше локтя. На знаке дивизии специалисты фашистской геральдики изобразили щит зловещего вида с черной каймой, середину щита пересекала горизонтальная желтая полоса на красном фоне, а на ней — красовался четырехконечный крест и пять перекрещивающихся стрел, брошенных веером наконечниками вверх. Замысловатое сооружение венчала лаконичная надпись «Испания».

Получив и пригнав обмундирование, солдаты приняли суровую присягу верности Германии. Отныне соединение стало называться 250-й пехотной дивизией вермахта. Однако даже в официальных документах она надолго сохранила свое первоначальное название «голубая», хотя никто из ее участников уже не носил столь дорогих сердцу фалангиста голубых рубашек и красных беретов. В 20-х числах августа 250-я пехотная дивизия отправилась к границам СССР. Первые тяготы свалились на плечи крестоносцев антикоммунизма, и без того навьюченных снаряжением, при вступлении на территорию СССР; выяснилось, что путь к фронту предстояло проделать походным порядком, пешком, да еще сохранять дисциплину на марше. Длинные колонны солдат потянулись по дорогам, разбитым войной. Сначала жара, потом дожди, слякоть. Менялись ландшафты, шли через сожженные деревни и города, но не менялось одно — команда «принять в сторону», когда испанские части обгоняли немецкие грузовики, с которых ухмыляющиеся германские солдаты приветствовали «союзников по оружию». «Голубая дивизия», как и части других сателлитов Германии, вполне оценила дружелюбие гитлеровцев — они не обеспечивали «добровольцев» транспортом. А чтобы не было жалоб, германское командование взяло на себя «связь» дивизии с родиной и в интересах сохранения военной тайны полностью отрезало ее от внешнего мира.

4 октября 1941 г. посол Испании в Берлине Майалде передал министру иностранных дел Германии, что он по-

лучил от Франко и Суньера инструкцию немедленно установить личный контакт с командованием «голубой дивизии». Дело в том, жаловался посол, что очень долго не было никаких известий о дивизии: ни о ее деятельности, ни о ее судьбе. Послу было разъяснено, что в настоящее время дивизия находится в пути. Риббентроп передал послу слова Гитлера, сказанные им накануне, 3 октября, при открытии кампании зимней помощи армии: «Испанцы сегодня участвуют в нашей борьбе»²⁵. А в это время «голубая дивизия» приближалась к границам СССР. Первые фотоснимки «голубой дивизии», опубликованные в испанской прессе, сопровождались такими комментариями: «Торжественный момент. С военной песней и фалангистским приветом добровольцы «голубой дивизии» переходят русскую границу...». «Генерал Москардо говорит с солдатом на русском фронте. Герой Алькасар несет свою помощь и свою непобедимую славу добровольцам-испанцам в самую Россию»²⁶.

14 октября 1941 г. «голубая дивизия» походным порядком после 47-дневного перехода прибыла в район Новгорода и заняла позицию на участке Новгород — Теремец, сменив части 126-й немецкой пехотной дивизии.

16 октября немецкие войска перешли в наступление на волховско-тихвинском направлении. В наступлении участвовали девять дивизий, в том числе танковые и две моторизованные²⁷, а также вновь прибывшая «голубая дивизия». «В первый день наступления противнику удалось прорвать нашу оборону в стыке ослабленных предыдущими боями 4-й и 52-й армий»²⁸, — вспоминает генерал армии И. И. Федюнинский.

Как следует из октябрьских разведсводок штаба 52-й армии, «голубая дивизия» действовала перед фронтом армии. Фронтальная сводка в Москву от 25 октября сообщает о том, что «испанская дивизия, овладев деревнями Шевелево, Сытино, Дубровка, Никитино, Отенский Посад, пока их удерживает». В первых же сводках, содержащих упоминание о «голубой дивизии», сообщалось, что дивизия укомплектована испанцами в возрасте 20—25 лет и командует ею генерал Муньос Грандес²⁹. Но уже в середине ноября 1941 года началось контрнаступление советских войск Северо-Западного фронта. «Сосед слева — 52-я армия уже вела успешные наступательные действия, создавая угрозу на южном фланге тихвинской группировки. К тому времени она овладела городом Ви-

шера и продолжала теснить немцев»³⁰, — вспоминает маршал Советского Союза К. А. Мерецков, в то время командовавший отдельными 7-й и 4-й армиями; 52-й армией в то время командовал генерал-лейтенант Н. К. Клыков, которого в декабре сменил генерал В. Ф. Яковлев. 19 ноября началось контрнаступление 4-й армии, действия которой серьезно ослабили немецкую группировку в районе Тихвина. 9 декабря Тихвин был освобожден.

Южнее войска 52-й армии, усиленные резервами, к 24 ноября задержали дальнейшее продвижение немецких войск, к 25 ноября наступление противника «вообще прекратилось, фронт стабилизировался»³¹.

А в середине декабря советские войска перешли в контрнаступление вдоль реки Волхов. По свидетельству И. И. Федюнинского, «наступательный порыв наших войск был очень высок»³². В сводках 52-й армии от 24, 25 и 27 декабря сообщалось, что «части 250-й испанской пехотной дивизии, оставив Шелесло, в прежней группировке обороняются по западному берегу реки Волхов на участке Ямно—Еруново—Старая Быстрица и оказывают упорное сопротивление продвижению наших частей, неоднократно переходя в контратаки»³³. Но уже 27 декабря войска 52-й армии вышли к реке Волхов и захватили плацдарм на левом берегу. «В итоге противник был отброшен на тот рубеж, с которого 16 октября начал наступление...»³⁴. Немало испанских добровольцев осталось лежать на заснеженных полях и в лесах, а иные, прозрев под артиллерийским огнем, подняли руки.

Военнопленные 2-го батальона 269-го пехотного полка, взятые на участке Локково 27 декабря, показали, что в ротах осталось по 50—60 человек вместо 150, есть обмороженные. Пленные того же 269-го пехотного полка, взятые на участке Красный Ударник, показали, что в ротах всего 30—50 человек. В 3-м батальоне 263-го полка в ротах осталось 60—80 человек, во 2-м батальоне 262-го полка — до 80 человек. И лишь в немногих подразделениях 250-й дивизии, по показаниям военнопленных, осталось по 100 человек — в 3, 10 и 14-й ротах 2-го батальона 269-го полка, в 1-м и 2-м батальонах 263-го полка³⁵. И почти всегда в показаниях пленных речь шла об обмороженных. Да это и не удивительно: декабрь 1941 года в тех местах был суров. Стояли тридцатиградусные морозы, бушевали снежные метели³⁶.

Откатившись на западный берег Волхова, части

250-й пехотной дивизии стали в оборону на рубеже Ямпо — Крупново — Ловково (269-й пехотный полк), Ловково — Новая Быстрица — Делявино (3-й батальон 263-го пехотного полка) и далее на юг — до Новгорода (части 262-го и 263-го пехотных полков)³⁷. Спокойно отсидеться по блиндажам и залечить раны не удалось. 7 января 1942 г. началось новое наступление войск Волховского фронта, хотя оно и не получило развития, и «уже 14—15 января 4-я и 52-я армии, не выполнив своих задач, перешли к обороне»³⁸. В разведсводке штаба 225-й дивизии 52-й армии от 18—28 января 1942 г. отмечалось, что «263-й и 262-й полки 250-й дивизии, опираясь на узлы сопротивления, упорно сопротивляются действию наших частей»³⁹.

Это сопротивление, как и предыдущие декабрьские бои, дорого стоило испанцам — по сведениям военнопленных, численный состав дивизии на конец января 1942 года составил всего лишь 5—6 тыс. человек⁴⁰. В сводке штаба 52-й армии от 9—19 февраля 1942 г. отмечалось, что за рассматриваемый период, то есть за 10 дней, полки испанской дивизии потеряли по 150—180 человек убитыми⁴¹. К началу февраля 1942 года в 262-м и 263-м полках осталось по два батальона, ибо по одному батальону было взято для усиления 269-го полка, понесшего большой урон.

Перебежчик 263-го полка, перешедший на сторону Советской Армии в середине апреля 1942 года, рассказал, что потери дивизии за все время пребывания на фронте составили 8 тыс. человек⁴². Эти сведения подтверждает и генерал Э. Эстебан Инфантес, сменивший в дальнейшем Муньоса Грандеса на посту командира дивизии. Он сообщает, что потери на берегах озера Ильмень и реки Волхов составили 14 тыс. человек (дивизия находилась в этом районе до конца августа 1942 г.)⁴³.

Военнопленные и перебежчики говорили, что количество обмороженных достигало 10—15% личного состава, зимнего обмундирования дивизия не имела, лыж — также⁴⁴. Тыловые госпитали в Риге и Вильнюсе были переполнены ранеными.

Тяжелые потери дивизии объяснялись тем, что немецкое командование предпочитало ставить испанцев на самые опасные и уязвимые участки фронта. К тому времени у немцев сложилось вполне определенное представление об испанских солдатах. 5 января 1942 г. во время

очередной «застольной» беседы в кругу своих единомышленников Гитлер заметил: «Нет более смелых парней. Они почти не укрываются. Они предпочитают смерть. Я знаю, что в любом случае наши солдаты всегда рады иметь соседями в своем секторе испанцев... Они очень храбры, стойки в лишениях, но дико недисциплинированы»⁴⁵. Фюрер высоко оценил испанских солдат как пушечное мясо. Но все же ему хотелось, чтобы ландскнехты «голубой дивизии» больше соответствовали требованиям, предъявляемым к солдатам современной армии. Некоторые качества испанских солдат вызывали у немцев недоумение: «Солдатам (немецким.— С. П.) испанцы представляются бандой бездельников. Они рассматривают винтовку как инструмент, не подлежащий чистке ни при каких обстоятельствах. Часовые у них существуют только в принципе. Они не выходят на посты, а если и появляются там, то только, чтобы поспать. Когда русские начинают наступление, местным жителям (имеются в виду антисоветские элементы.— Ред.) приходится будить их. Но испанцы никогда не уступали ни дюйма занятой территории»⁴⁶. Последнее суждение можно отнести за счет того, что уже тогда ближайшее окружение Гитлера скрывало от него положение дел на фронте.

Но как бы то ни было, немецкое командование считало, что «голубая дивизия» выдержала испытание, и в плане весеннего наступления немцев ей отводилась определенная роль.

Перебежчик 263-го пехотного полка 250-й дивизии в середине апреля 1942 года рассказал о том, что слышал от офицеров: Муньос Грандес разработал «план весеннего наступления»⁴⁷.

Этому плану не суждено было осуществиться: оборонительные бои испанцев продолжались, а сам Муньос Грандес в конце мая уехал в Испанию. Вместо него временно командовать дивизией прибыл бригадный генерал Э. Эстебан Инфантес⁴⁸. Начиная с 1 мая 1942 г. в «голубую дивизию» стало поступать новое пополнение, а сменившиеся подразделения отправлялись в Испанию. По сведениям, полученным от военнопленных и перебежчиков, смена подразделений должна была полностью закончиться к 15 июня 1942 г., когда в дивизии число солдат и офицеров достигнет 12 тыс. Эти сведения в дальнейшем подтвердились, к концу июля было обновлено до 80% состава дивизии.

Готовясь к штурму Ленинграда, предполагавшемуся в сентябре, командование немецкой группы армий «Север» подтянуло к городу ряд новых соединений, в том числе и «голубую дивизию»⁴⁹.

С 20 августа 1942 г. подразделения «голубой дивизии» небольшими группами со знаменами стали уходить на запад, а к 26 августа дивизия была полностью снята с фронта в районе Новгорода и по железной дороге переброшена под Ленинград — в Сиверскую, Сусанино, Вырицу, Большое Лисино, где оставалась 15—17 дней для окончательного укомплектования, подготовки и отдыха. 10—15 сентября дивизия заняла оборону на Колпинском участке Ленинградского фронта (14-й укрепленный район — в полосе действия 55-й армии), сменив 121-ю немецкую пехотную дивизию. Из общего оперативного приказа по 250-й дивизии следует, что границами сектора дивизии были с востока железнодорожная линия Колпино — Тесно, а с запада — селение Баболово⁵⁰. Так «голубая дивизия» заняла свое место в кольце блокады, созданной немцами вокруг города Ленина. Испанские наемники Гитлера тоже несут прямую ответственность за смерть, муки и страдания мирного населения Ленинграда — факт, который, к сожалению, не нашел пока отражения в исторических исследованиях наших советских ученых.

Гитлер был удовлетворен солдатами «голубой дивизии». Они пока в общем безропотно клали головы за дело фашистского рейха, подставляли лбы под пули, предназначенные немцам. Пушечное мясо отменного качества. Но в упоении от временных успехов — шла ранняя осень 1942 года — фюрер связывал с «голубой дивизией» далеко идущие планы. 5 сентября 1942 г. в очередной «застольной» беседе он сообщил своим сотрапезникам: «Я думаю, что одним из наших лучших решений было разрешение испанскому легиону сражаться на нашей стороне. При первой же возможности я награжу Муньоса Грандеса железным крестом с дубовыми листьями и бриллиантами. Это окупит себя. Любые солдаты всегда любят мужественного командира. Когда придет время для возвращения легиона в Испанию, мы по-королевски вооружим и снарядим его. Дадим легиону гору трофеев и кучу пленных русских генералов. Легион триумфальным маршем вступит в Мадрит, и его престиж будет недосыгаем»⁵¹.

Какую же цель преследовал Гитлер, когда он собирался придать дивизии негодяев «недосягаемый пресстиж» именно в момент возвращения в Испанию?

Гитлера давно не устраивали некоторые особенности режима Франко: его настораживало влияние католической церкви и явное тяготение лидеров «новой» фаланги⁵² к реставрации монархии. Интриганам из клики ненавистного для него Суньера⁵³, клерикалам и монархистам он собирался противопоставить идеалистов «старой» фаланги, не признававших ни на небе, ни на земле иного бога, кроме фашизма. А Муньос Грандес с его «голубой дивизией» был, по мнению Гитлера, как раз тем энергичным человеком, который мог бы «улучшить ситуацию» в Испании. Неоднократно предпринимаемые в Испании попытки отстранить Муньоса Грандеса от командования дивизией Гитлер относил за счет интриг клики Суньера⁵⁴. Но если Гитлер и не ошибался в Муньосе Грандесе, считая его верным адептом, то напрасно он возлагал надежды на «голубую дивизию» в том составе, в каком она была к осени 1942 года, как на гранитный бастион фашизма приемлемого для него типа.

Между тем к сентябрю 1942 года от старого состава дивизии остался только номер да нарукавный знак. Советские воины били испанских фашистов не хуже, чем немецких. Дивизия неоднократно обновлялась. До октября 1942 года для ее пополнения из Испании на северо-германский фронт прибыло 15 маршевых батальонов по 1200—1300 солдат в каждом, из них девять маршевых батальонов до мая 1942 года (10-й маршевый батальон прибыл в район Новгорода 24—25 июня)⁵⁵. Это значит, что к маю 1942 года в дивизии оставалось не более 15—20% ветеранов, тех, кто, по словам Шторера, с энтузиазмом откликнулся на призыв к вербовке в июне и перешел советскую границу в сентябре 1941 года.

Среди солдат первого формирования «голубой дивизии» имелись фанатики-фалангисты и кадровые военнослужащие франкистской, так называемой армии «националистов», прошедшие огонь гражданской войны в Испании, сжигаемые ненавистью к республиканской Испании и ее друзьям, и прежде всего к СССР. Из них немногие остались в живых, а те, кто уцелел, начали понемногу

утрачивать веру в победу германского оружия. Уже первые тяжелые бои в октябре — ноябре 1941 года кое на кого в дивизии подействовали отрезвляюще. Легкого похода, как нагло обещали Берлин и вторившие ему франкистские пропагандисты, не получилось.

Советский журналист Б. Монастырский в очерке «Смелые рейды», повествуя о действиях нашего истребительного отряда 225-й стрелковой дивизии, рассказал примечательный эпизод. «Это было 14 ноября 1941 г. в деревне Большой Донец, близ озера Ильмень. Бойцы Фролов и Пчелин узнали, что в крайней избе живут испанцы. Они без шума захватили вышедшего во двор испанского солдата и привели его к командиру группы Новожилову... Взятый в плен испанец оказался очень разбитным и общительным малым. Он знал много русских слов, легко запоминал новые и выразительно иллюстрировал свою речь жестами и мимикой. Из рассказов испанца выяснилось, что он кавалерист. В их эскадроне было первоначально 320 сабель. Теперь осталось только 120 человек и 100 лошадей. Остальные были перебиты во время налета советской авиации, когда эскадрон шел походной колонной из Новгорода к Ильменю. Кое в чем пленный «темнил». То он уверял, что генерал Франко посадил его в тюрьму за принадлежность к компартии, то признавался, что поступил в «голубую дивизию» добровольно. Но ясно было одно: война в России его явно не устраивала, и он был искренне рад, что попал в плен. Пленный гневно говорил о своем эскадронном командире: «Капитано—сволочь! Жрет курятину, масло, пьет дорогое вино, да еще обкрадывает солдат, которым выдают всего 200 граммов сухарей в день»⁵⁶.

Кстати, даже фашистское руководство, создавшее в «третьем рейхе» строгую иерархию, поражала глубина пропасти, разделявшей солдат и офицеров «голубой дивизии». Гитлер как-то заметил в 1942 году, что у испанцев «громадная дистанция между офицерами и солдатами. Испанские офицеры живут в холе, а рядовые влачат жалкое существование»⁵⁷. Опасения, что эта дистанция может неблагоприятно отразиться на моральном состоянии и в конечном счете на боеспособности дивизии, не были лишены основания. Правда, даже весной 1942 года среди солдат «голубой дивизии» было немало таких, кого не коснулось разочарование. Перебежчик — солдат 263-го полка, перешедший на сторону Советской Армии

в апреле 1942 года, был убежден, что «в дивизии есть лица, которые думают, что весной война закончится победой немцев»⁵⁸. Но в дальнейшем количество солдат «голубой дивизии», способных трезво оценить действительность, возросло: продолжительный опыт войны делал свое дело. Иные пытались даже поделиться этим опытом: так, уезжавшие в Испанию раненые и больные солдаты встретили в пути 20-й маршевый батальон пополнения возгласами: «Эй, вы, бараны! Куда? На скотобойню?»⁵⁹.

Изменился и состав дивизии: на смену фанатикам антикоммунизма и кадровым военнослужащим пришли обычные обыватели, соблазненные надеждой приобрести некоторые материальные преимущества: каждый солдат «голубой дивизии» получал в месяц 60 марок, выплачиваемых ему рублями, из расчета 20 рублей за одну марку. Кроме того, завербованные получали подъемные по 100 песет одновременно, а их семьи в Испании — ежемесячное пособие из расчета приблизительно 8 песет ежедневно. Среди новых солдат дивизии было также немало пауперов и безработных, которые ценой жизни пытались обеспечить своим родным сносное существование. В письмах, полученных солдатами «голубой дивизии» из Испании и ставших своеобразными «трофеями» после ожесточенных боев, попадались и такие, как адресованное одному уроженцу Бильбао: «Дорогой сын... Сообщаю тебе, Пако, что германское правительство платит мне ежемесячно 254 песеты благодаря твоей помощи. А иначе не знали бы, что и делать, потому что уже много месяцев мы почти без работы. И ты можешь представить себе наше положение...»⁶⁰. Один пленный из 269-го полка признался, что вступил в дивизию потому, что сильно голодал и, кроме того, хотел помочь своей многочисленной семье, которая стала получать за него пособие⁶¹.

Гитлеровская пропаганда в то время на все лады расписывала «победы германского оружия». Хотя успехи немецких армий и их сателлитов были временными и покупались ценой громадных потерь, отдельные испанские обыватели могли оценивать их только по карте. Об истинном положении дел на советско-германском фронте по лживой фалангистской пропаганде судить было трудно. Поэтому даже в середине 1942 года в отдаленной Испании, в заброшенных провинциальных гарнизонах, война

на Востоке могла представляться кое-кому в розовом свете. Солдатам казалось, что «экскурсия» с оружием в руках на советско-германский фронт позволит им вырваться из заколдованного круга тогдашней мрачной действительности франкистского государства.

Перебежчик, солдат 260-го полка, рассказал: «Вербовка солдат в «голубую дивизию» с начала советско-германской войны до июля 1942 года производилась 4 раза». По его словам, «основным стимулом для солдат являлось сокращение военной службы с двух лет до 6 месяцев, высокое жалованье и для некоторых — возможность получить галуны, то есть дослужиться до сержанта. Когда в первый раз перед строем командир роты ознакомил с условиями службы в «голубой дивизии» и предложил желающим вступить в нее, сделав шаг вперед, то шагнула вся рота. При виде этого капитан — командир роты разразился бранью, прибавив, что все хотят уехать, а кто же будет служить Испании»⁶².

Если предложения вступить в «голубую дивизию» не встречали энтузиазма, то, как правило, вербовщики соблазнили вербуемых прежде всего материальными выгодами. Перебежчик, солдат 262-го пехотного полка, рассказал: «Когда мы, новобранцы, прибыли в полк, к нам стали приходить офицеры и уговаривать записаться в дивизию. При этом они говорили: «Зачем вам служить два года, когда от службы можно отделаться в 6 месяцев. Записывайтесь в 250-ю дивизию». Записалось всего 15 человек из целого полка»⁶³.

Еще более откровенно определил мотивы вступления в «голубую дивизию» другой перебежчик, солдат 269-го полка. На допросе он повторял, что большинство испанских добровольцев «соблазнились легкой наживой и возможностью сытно пожрать»⁶⁴. В том, что в «голубую дивизию» шли не только по идейным убеждениям, а в большинстве случаев из-за голодных условий существования, нужды семьи и желания ей помочь, были твердо убеждены: перебежчик, солдат 269-го полка; военнопленный, солдат 262-го полка, вступивший в дивизию в августе 1942 года⁶⁵; военнопленный, солдат 263-го полка, и многие другие⁶⁶. Назывались и курьезные мотивы вступления в «голубую дивизию». Военнопленный, солдат 269-го полка, сообщил, что вступил в дивизию, «чтобы досадить своей матери, которая плохо к нему относилась»⁶⁷. Перебежчик из того же 269-го полка до вступле-

ния в дивизию, по его словам, жил без нужды; он занимался мелочной торговлей и одновременно служил приказчиком в мебельном магазине, получал жалованье 10 песет в день, а 20 песет давала ему торговля. По его словам, у него были нелады с женой, что явилось одной из причин его вступления в дивизию⁶⁸.

Уже в первых разведсводках штаба 52-й армии в октябре — ноябре 1941 года на основании опроса перебежчиков и военнопленных, захваченных документов и т. д. делался вывод, что среди солдат «голубой дивизии» имелось немало бывших уголовников и иных деклассированных элементов⁶⁹. В дальнейшем эти сведения неоднократно подтверждались. Военнопленный, солдат 262-го полка, член молодежной фалангистской организации, был твердо убежден, что большинство солдат дивизии — воры и аферисты, которые занимались грабежом у себя на родине⁷⁰. В своих показаниях многие военнопленные сообщали, что кража в дивизии — обычное явление. Чаще всего солдаты крали друг у друга продукты⁷¹. Из докладной записки-справки начальника разведотдела штаба Ленинградского фронта генерал-майора Евстигнеева от 14 октября 1943 г. видно, что испанские солдаты 19-го маршевого батальона сняли на одной французской станции близ г. Эндай все фонари, которые им понадобились для освещения вагонов. На другой французской станции, вблизи германской границы, солдаты того же батальона взяли «штурмом» вагон в сыром и маслом и почти полностью разграбили его. На станции близ Риги испанские солдаты украли чемоданы, принадлежавшие многим офицерам гитлеровского «рейха».

Отсюда — довольно суровые дисциплинарные меры. Солдаты 25-го маршевого батальона в пути находились в закрытых вагонах, откуда солдат не выпускали; воду и пищу им носили сержанты. Возможно, что причину этого следует искать в весьма туманных представлениях о морали воинов «голубой дивизии», о чем речь шла выше. Имелись, однако, данные, что такая мера была связана и с желанием уберечь испанских солдат от контактов с населением: из показаний военнопленных известно, что французы неоднократно выражали им презрение, были даже случаи, когда в вагоны с испанскими солдатами летели камни. Следует весьма осторожно относиться к утверждениям, что у большинства солдат дивизии — темное уголовное прошлое, хотя бесспорно, что сама атмо-

сфера наемничества действовала разлагающе и вырабатывала своеобразную «мораль» ландскнехтов.

Показания военнопленных и перебежчиков не всегда дают возможность составить более или менее точное представление о политических симпатиях солдат «голубой дивизии». По словам перебежчика, солдата 269-го полка, перешедшего на советскую сторону 27 января 1943 г., в дивизии служило большинство фалангистов⁷². В этом был убежден и перебежчик, солдат 250-й дивизии, перешедший на сторону Красной Армии 12 сентября 1943 г.⁷³

Военнопленный, солдат 262-го полка, захваченный 8 марта 1943 г. в районе Путролово, член фалангистской молодежной организации с 1939 года, сообщил, что «среде солдат царит большое недоверие друг к другу и каждого солдата подозревают в том, что он коммунист (красный)». Сам он считал, что в дивизии много фалангистов, которые не понимают цели и слепо выполняют все требования начальства⁷⁴. Перебежчик, солдат 262-го пехотного полка, перешедший линию фронта 27 февраля 1943 г., также говорил, что 80% личного состава дивизии — фалангисты⁷⁵. Однако сами перебежчики упорно противопоставляли себя основной «фалангистской массе» и настаивали на том, что они — идейные противники фаланги и существовавшего в Испании строя либо в настоящем, либо по крайней мере в прошлом. Если кое-кто из военнопленных и объяснял вступление в дивизию стремлением «перечеркнуть» в глазах властей свое левое прошлое и тем самым помочь семье, то большинство вообще уверяло, что вступило в дивизию ради перехода на сторону Красной Армии и борьбы с фашизмом.

По мнению перебежчика, солдата 262-го полка (в прошлом, по его словам, члена организации объединенной социалистической молодежи — соцмола), 20—25% солдат прибыли в дивизию для того, чтобы перейти к русским, но, запуганные своими офицерами, боятся, что их заставят потом работать на переднем крае и они подвергнутся опасности еще раз попасть к немцам⁷⁶. Перебежчик, солдат 262-го пехотного полка, перешедший линию фронта 2 января 1943 г., тоже утверждал, что в прошлом он был членом соцмола. Вд время гражданской войны в Испании добровольно вступил в республиканскую армию, попал к франкистам в плен и был помещен в концлагерь. По выходе из лагеря он достал себе поддельное

удостоверение личности, благодаря которому ему удалось поступить на работу. До весны 1942 года работал в Мадриде пекарем и чернорабочим на строительстве, получая 9—9,5 песеты в день. Летом 1942 года был призван во франкистскую армию. Он утверждал, что записался в «голубую дивизию» без ведома родных и еще в Испании решил перейти на сторону Красной Армии, чтобы помогать ей в борьбе против фашизма. Он повторял, что для него лучше умереть за свободу, чем служить генералу Франко, который держит его брата в тюрьме и заставляет народ голодать и бедствовать⁷⁷. На переднем крае он пробыл всего три дня и после нескольких попыток перешел на сторону Красной Армии. По его словам, такие настроения разделяли и многие другие солдаты, с которыми он прибыл на советско-германский фронт, в частности его друг, в прошлом боец республиканской армии, который очень высоко отзывался о России и говорил, что немцам ее не одолеть⁷⁸.

Перебежчик, солдат 269-го пехотного полка, перешедший линию фронта 5 января 1943 г., рассказывал, что в самом начале мятежа фалангисты расстреляли двух его братьев. Остальные три брата и он сам, хотя ему и исполнилось тогда всего 14 лет, при первой возможности вступили в республиканскую армию, чтобы отомстить за братьев. Воевал на фронтах Теруэля и Кастельон-де-ла-Плана. Попал в плен к франкистам и до сентября 1938 года находился в концлагере. Затем был амнистирован и в составе рабочего батальона отправлен в Африку, на строительство дорог и укреплений на границе с Французским Марокко. После 8 месяцев тяжелой службы в рабочем батальоне в мае 1940 года был отпущен домой. Его старший брат за службу в республиканской армии был приговорен франкистами к 30 годам тюрьмы, но спустя два года — освобожден. Второй брат также просидел в концлагере два года. Сам он в мае 1942 года был призван во франкистскую армию. По его словам, солдаты полка, где он служил, сочувствовали англичанам и хотели, чтобы война поскорее окончилась; немцев в Испании ненавидят⁷⁹.

Перебежчик, солдат 269-го полка, утверждал, что он был членом Испанской социалистической рабочей партии с 1934 по 1939 год. Работал на телеграфе в Мадриде, в начале гражданской войны был руководителем отряда рабочей милиции. В октябре 1936 года он вступил в от-

ряд карабинеров, а затем воевал на участке Алькасар-де-Сан-Хуан — Андухар в Андалузии. Был ранен на мадридском фронте, а в 1938—1939 годах сражался на фронтах Каталонии в чине сержанта. В феврале 1939 года вместе с другими бойцами перешел границу и был интернирован во Франции. В апреле того же года вместе с другими бывшими бойцами республиканской армии возвратился в Испанию, к своей семье. Там он немедленно был заключен в концлагерь, где находился три месяца. По выходе из концлагеря ему разрешили вернуться в Мадрид и жить под надзором фашистской полиции. По его словам, в дивизию он вступил из-за своих антифашистских убеждений и твердого желания перейти на сторону Красной Армии, чтобы бороться против фашизма⁸⁰.

Другой перебежчик рассказал, что с апреля 1936 года он был членом соцмола и Всеобщего союза трудящихся, вступил добровольно в республиканскую партию; в апреле 1939 года попал в плен. Просидел 14 месяцев в тюрьме и в июле 1940 года был выпущен под надзор полиции. В конце 1941 года был призван в армию Франко, а осенью 1942 года вместе с другим бывшим республиканцем записался в «голубую дивизию». На переднем крае был всего два дня и при первой же возможности перешел линию фронта⁸¹.

Перебежчик, солдат 269-го полка, перешедший линию фронта 27 января 1943 г., говорил, что в прошлом был членом соцмола и бойцом республиканской армии. В бою под Сантандером был ранен, попал в плен и был заключен в тюрьму. В 1940 году был выпущен по амнистии и вернулся в Мадрид к жене и матери, но уже в августе вынужден был уехать в Африку. В «голубую дивизию» записался с твердым намерением перейти к русским при первой возможности⁸².

Перебежчик, солдат 269-го полка, уверял, что он был членом соцмола и сидел 9 месяцев в тюрьме за активное участие в астурийских событиях в октябре 1934 года. Как только начался фашистский мятеж, он записался добровольцем в республиканскую армию. В августе фашисты заняли Сантандер, в сентябре 1937 года его посадили в тюрьму, в октябре осудили и приговорили к смертной казни. Обвинительное заключение было коллективное: вместе с ним судили еще 38 человек. Каждому из них было отведено только несколько строчек, содержавших в себе об-

винение и приговор. В течение 18 месяцев в тюрьме Сантандера он каждую ночь ждал, что его, как и других, вызовут из камеры и поведут расстреливать. Он подсчитал, что за эти 18 месяцев в тюрьме Сантандера «законно» (во исполнение приговора) расстреляли тысячу человек. Только в ночь на 27 декабря 1937 г. фашисты расстреляли более 200 республиканцев. В августе 1940 года его временно выпустили из тюрьмы — прежний приговор был отменен. Несколько раз он безуспешно пытался уехать на американских пароходах. В августе 1941 года, страшась отправки в концлагерь, он вступил в иностранный легион, а в январе 1942 года добровольно записался в «голубую дивизию»⁸³.

Этот перечень можно было бы продолжить. Казалось, не было ни одной партии или организации, существовавших в бывшей республиканской зоне Испании, членами которых не объявляли бы себя перебежчики. Один из них даже уверял, что он с 1935 года был членом ПОУМ. Отсутствие смущения при допросе можно объяснить лишь его дремучим политическим невежеством: он твердо был уверен, что ПОУМ была близка к Коммунистической партии, так как она называлась «Марксистская партия пролетарского единства». Когда же ему пытались объяснить, что ПОУМ была псевдомарксистской партией последователей Троцкого, он ответил, что об этом ему ничего не известно. А когда ему напомнили о борьбе ПОУМ против Народного фронта, он ответил, что «эти события проходили за пределами его провинции». Но «антифранкистские» убеждения, на которых он настаивал, не помешали ему в период гражданской войны служить в армии Франко, куда он был мобилизован в октябре 1938 года. Попытки уклониться от службы он не предпринимал. Впрочем, этот случай был чуть ли не единственным. Остальные перебежчики довольно четко и со знанием деталей рассказывали о «своем республиканском прошлом».

Эти столь часто повторяемые в показаниях перебежчиков уверения в их левых настроениях, ссылки на прошлую службу в рядах республиканской армии и т. д. можно было бы счесть за «легенды», сочиненные исключительно с целью облегчения своей участи (хотя в ряде случаев это, возможно, и имело место...), если бы не некоторые официальные документы. Так, 12 сентября 1941 г. штаб 262-го пехотного полка 250-й дивизии получил следующее распоряжение: «Наша секретная служба информации

утверждает, что в дивизии есть люди, имевшие в прошлом самые крайние политические взгляды и бывшие под судом. Одни записались в дивизию с целью саботажа, другие пошли в дивизию во избежание суда и наказания за свои преступления, совершенные еще в прошлой нашей кампании⁸⁴. Секретной службе также известно, что существует организация, в которой принимают участие все или почти все «экстремисты». Она состоит из открытых ячеек, куда приняты люди, не знающие друг друга; постепенно из них организуются закрытые ячейки. Наша секретная служба не теряет контакта с вышеуказанной организацией с целью расстроить ее намерения. Это будет невозможным без содействия и помощи службы внутренней информации в частях и подразделениях, которая до сих пор была недостаточно активной. Сложившееся положение может привести ко всяким неприятным неожиданностям, за что будут привлекать к ответственности»⁸⁵.

Как видно из опроса перебежчиков и пленных, фалангисты следили за солдатами и их настроениями⁸⁶. Солдат 269-го полка рассказал, что однажды, стоя на посту в Вырице, он невольно подслушал речь на собрании фалангистов. Фалангистам разъясняли, что их главная задача на фронте — разоблачать бывших республиканцев и вскрывать «вредные настроения» среди солдат. Ему известно, что при штабе 269-го полка есть представитель Национального совета фаланги солдат, некто Ревилья⁸⁷. Созданная в первые дни после формирования дивизии система слежки за солдатами сохранялась до тех пор, пока существовала дивизия. Капрал 269-го полка, перешедший линию фронта 26 марта 1943 г., рассказал: «В роте за солдатами следят... С декабря (1942 г. — С. П.) производится анкетирование солдат; сведения по ряду вопросов анкеты проверяют путем затребования сведений с родины»⁸⁸. О систематической слежке и периодическом анкетировании сообщали многие перебежчики и военнопленные. Как рассказал перебежчик, солдат 262-го пехотного полка, перешедший линию фронта 2 января 1943 г., в дивизии в октябре—ноябре 1942 года проходила чистка: «По приказу командования командиры взводов вызывают к себе солдат и по их ответам заполняют анкеты. Спрашивают о прежней политической деятельности. В Вярлево из 10-го маршевого батальона было отсеяно и возвращено в Испанию человек 15 солдат, бывших активных левых»⁸⁹. Эти сведения подтверждают и показания

перебежчика, солдата 269-го пехотного полка, перешедшего 5 января 1943 г. По его словам, перерегистрация личного состава «закончена несколько недель назад». При перерегистрации спрашивали, «к какой партии принадлежал, был ли во время войны в Испании в красной (республиканской) зоне, к какой партии принадлежали родные и т. д.»⁹⁰. За обвинением в политической неблагонадежности следовало обычно отправление в Испанию и тюремное заключение.

Известно, что из всех трех видов вооруженных сил фашистской Германии с 1939 по 1943 год дезертировало всего 292 человека, в то время как общие безвозвратные потери германской армии составили к этому времени 1 000 757 человек⁹¹. В «голубой дивизии» дезертирство не было редким явлением. Перебежчик, солдат 262-го полка, сообщил, что 17-й маршевый батальон прославился тем, что половина солдат, прибывших в его составе, разбежалась. По его словам, многие бежали в тыл, некоторые — к русским⁹². Эти сведения нашли подтверждение и в показаниях перебежчика, солдата 269-го полка, который рассказал, что офицеры заявляют солдатам: 17-й маршевый батальон «опозорил» всю 250-ю дивизию, так как многие солдаты этого батальона перебежали на сторону советских войск⁹³. Этот же перебежчик сообщил, что в 19-м маршевом батальоне некоторые солдаты еще в Логроньо высказывали намерения «перейти к русским». По пути из Германии на Восточный фронт из батальона дезертировали 160 человек. Один из офицеров 10-й роты 269-го полка, принимавший пополнение из 19-го маршевого батальона, прямо заявил солдатам: прибывшие — все «красные»⁹⁴. Борьбу с дезертирством вели отряды испанской полевой жандармерии, которые охраняли дороги в тыл. Один из таких отрядов стоял в январе 1943 года под Мосталено (Ленинградский фронт). В иных случаях к борьбе с дезертирством привлекали и фашистов-добровольцев. Военнопленный, солдат 262-го пехотного полка, захваченный в плен в районе Путролово 3 марта 1943 г. (в прошлом член фашистской молодежной организации), рассказал, что был направлен в караул для задержания перебежчиков, за что ему было обещано 5 тыс. марок (25 тыс. песет)⁹⁵. Перебежчик, солдат 269-го полка, рассказал, что во время февральской операции 1943 года в районе Красный Бор 80 человек дезертировали в тыл; многие были пойманы и расстреляны на месте. В дивизии име-

лось немало и «моральных» дезертиров. Командир одного из подразделений 262-го пехотного полка, захваченный в плен в бою 10 февраля 1943 г. после неудачной попытки вывести остатки роты из окружения, утверждал, что политическое и моральное состояние дивизии неустойчивое⁹⁶. По мнению перебежчика, солдата 262-го пехотного полка, солдаты воюют только под напором фашистской пропаганды⁹⁷. Солдат 269-го полка был убежден, что, хотя некоторые солдаты и храбрятся и делают вид, что им все нипочем, однако это все лишь показное⁹⁸. По словам перебежчика, солдата 262-го пехотного полка, «большинство испанских солдат упали духом и хотят скорее вернуться в Испанию. Некоторые еще верят в победу Германии, но это потому, что ничего не знают о положении на фронтах. Даже дивизионную газету «Оха де кампанья» солдаты не получают»⁹⁹.

«Офицеры и солдаты пали духом» — эти слова бывшего солдата 263-го полка, захваченного нашей разведгруппой 5 февраля 1943 г.¹⁰⁰, звучат, как рефрен, в показаниях военнопленных и перебежчиков. Солдаты пассивно настроены к продолжению войны, утверждал перебежчик, солдат 269-го полка. У солдат нет ни духа, ни здоровья¹⁰¹. Даже у солдат отдельной лыжной роты, в большинстве своем состоявшей из фалангистов и ветеранов, по словам солдата, перешедшего на сторону Советской Армии 16 января 1943 г., пропало желание воевать, так как они очень устали от войны¹⁰².

Война против Советского Союза и служба в «голубой дивизии» оказались совсем не такими, как представляли в завлекающих рассказях щедрые на посулы вербовщики. Солдаты в большинстве своем воевать не хотят, устали от войны и ее ужасов, утверждал солдат 262-го полка, перешедший линию фронта 2 января 1943 г.¹⁰³ Капрал-фуражир 262-го пехотного полка 23 января 1943 г. записал в своем дневнике: «В дивизии имеются и такие, для которых русская авантюра (участие в войне против СССР. — С. П.) привела к разочарованию в жизни, и они часто жалуются на ошибку, ими совершенную. Не преувеличивая, могу сказать, что у меня, вероятно, больше, чем у кого бы то ни было, оснований для того, чтобы проклясть тот день, когда мне пришла в голову мысль поехать на родину Достоевского. Россия всегда будет для меня во многих отношениях великим укором жизни»¹⁰⁴. Этот капрал, судя по его дневнику, не принадлежал к тем,

кого циркуляры начальника второго отдела штаба дивизии именовали «экстремистами». В записи 28 января 1943 г. он, например, бахвалился: «Еще раз в связи с последними атаками врага на левый фланг нашей дивизии немцы смогли убедиться в стальной закалке и наступательном духе испанских пехотинцев... И здесь проявила себя наша раса»¹⁰⁵. «Несправедливость Германии в войне против России очевидна. Солдаты не хотят воевать и стремятся скорее домой. Из создавшегося положения есть два выхода. Во-первых, переход к русским... Солдаты боятся переходить, так как может пострадать семья, или попросту не могут решиться. Второй выход — это совершить тяжелейший проступок для того, чтобы отправили в Испанию. Но в Испании будут судить, отправят в тюрьму или концлагерь», — рассуждал солдат 269-го полка, взятый в плен 27 января 1943 г. в районе совхоза «Пушкинский»¹⁰⁶. По словам перебежчика, солдата 269-го полка, перешедшего линию фронта 5 января 1943 г., «среди солдат есть такие, которые хотят воевать, но большинство считают, что их обманули... Ужасы войны, произвол офицеров, отсутствие зимней одежды, холод, голод, грязь привели к тому, что многие пали духом. Солдаты неохотно выполняют приказания офицеров, все делают из-под палки»¹⁰⁷.

«Война солдатам надоела, многие не желают воевать, так как считают себя обманутыми. Их приглашали нести охрану и оборону на тихих участках у рек и озер, а они оказались на самом активном участке военных действий», — возмущался сержант, взятый в плен 10 февраля 1943 г.¹⁰⁸ «Солдаты считают себя обманутыми. При вербовке от них скрыли истину о русских, утверждая, что Россия — пустое пространство, технически отсталая страна и какого-либо сопротивления войскам другой страны оказать не может», — с запоздалым прозрением сетовал бывший солдат 269-го пехотного полка, взятый в плен разведгруппой 26 января 1943 г. По его словам, испанские солдаты теперь очень высокого мнения о русской военной технике и стойкости красноармейцев. Перебежчик, солдат 262-го полка, говорил, что его товарищи, которых он знает еще по 18-му маршевому батальону, убеждены, что «немцам Россию не победить»¹⁰⁹.

Но в «голугой дивизии» было немало солдат, о настроениях которых перебежчик, солдат 269-го полка, говорил так: «Вообще же солдаты о войне и ее перспективах задумываются мало, так как сильно перегружены работой и

стоянием на постах»¹¹⁰. Не следует забывать и о фалангистах, которых в дивизии еще хватало и которые, по твердому убеждению большинства опрошенных перебежчиков и военнопленных, «хотели воевать»¹¹¹. Но это не означало, что и у них не было причин для недовольства.

Многие перебежчики и военнопленные утверждали, что в дивизии очень сильны антигерманские настроения. Солдат 269-го полка рассказывал, что «он и несколько его товарищей в конце декабря (1942 г. — С. П.) были свидетелями того, как немецкий капитан, начхоз, жестоко избивал солдата-испанца Бермудоса за то, что он, придя в баню, вошел в раздевалку, а не захотел подождать на улице: в бане в это время мылись немцы. Бермудос был фалангистом...»¹¹². Солдат отдельной роты лыжников, перешедший линию фронта 16 января 1943 г., сообщил, что солдаты его роты, в большинстве своем фалангисты, «очень злы на немцев за то, что они испанцев и других солдат вассальных стран ставят под удар, посылая их на передний край, в то время как свои войска оставляют на второй линии»¹¹³.

По словам военнопленного, солдата 269-го полка, захваченного разведгруппой 26 января 1943 г. в районе совхоза «Пушкинский» (он утверждал, что в прошлом был членом НКТ), «солдаты... считают себя обманутыми в отношении того, что им обещали при вербовке на военную службу. Вместо обещанного союза с Германией существует дикий антагонизм между испанцами и немцами»¹¹⁴.

По словам перебежчика, солдата 269-го полка, при встрече немецких солдат с испанскими затевается драка, подчас даже без всякого повода¹¹⁵.

Да, было за что злиться на немцев — война против Советского Союза требовала повседневно громадных жертв и тяжких лишений. «Жизнь в окопах — поистине ад. Метели и вьюги непрерывно следуют друг за другом, и помимо того времени, которое солдатам приходится стоять на посту, работа по очистке траншей непрерывна. Длительность русской ночи занимает три четверти суток. Добавьте к этому, что категорически запрещалось ночью спать, и вы получите приблизительно представление о жизни солдата в России зимой. Говорю приблизительно потому, что в моем дневнике я не говорю о постоянной опасности, которая подстерегает в каждом уголке окопа или землянки, об отвратительной грязи, к которой, в конце концов, привыкает даже самый утонченный сибарит...

...Температура продолжает снижаться настолько, что походные госпитали начинают пополняться парнями с обмороженными членами»¹¹⁶, — записывал в своем дневнике капрал-фуражир, о котором уже шла речь.

«В течение этого месяца в баню не ходили... Больных в роте нет, но все солдаты поголовно вшивые», — дополняет картину перебежчик отдельной лыжной роты¹¹⁷. Солдат 262-го полка был уведен в плен с поста. Он жалко ковылял за советскими разведчиками — на одной ноге у него был ботинок, на другой валенок. На допросе его прорвало и потоком полились жалобы: «Мыло дают очень редко. Умываться и бриться на передовой некогда... В солдатских землянках холодно»¹¹⁸. «Многие солдаты не имеют белья»¹¹⁹. «У солдат нет сапог — с оттепелью начались простудные заболевания, бронхит»¹²⁰. В роте много простуженных, гриппозных и больных другими болезнями, у некоторых обморожены конечности... Очень завшивели, в бане моются редко»¹²¹.

Медицинская помощь оказывается больным плохо, в каждом больном медицинский персонал усматривает симулянта. Обмораживание рассматривается как членовредительство, за что обмороженный объявляется неблагонадежным и отправляется в Испанию. Немало огорчений доставляли мороз, снег и лыжи. По словам перебежчика, солдата, служившего в специальной лыжной роте, его рота считалась лыжной только по названию. «На самом деле на лыжах никто ходить не умел, кроме некоторых сержантов. С октября (1942 г. — С. П.) рота находится на переднем крае в траншеях и ходьбе на лыжах ни разу не обучалась»¹²². «Огромные массы выпавшего снега позволяют пользоваться лыжами. Некоторые части получили лыжи, и белые равнины оживляются большим числом лыжников, точнее сказать, будущих лыжников, так как за редким исключением вы едва ли найдете одного испанского солдата, который владел бы этим видом спорта, который в русском походе превращается в настоящую необходимость. Живописный и вместе с тем гротескный вид представляют наши парни, стремясь постичь технику употребления этого орудия. Падения так часты и гротескны, что мы не столько похожи на солдат регулярной армии, сколько на клоунов и паяцев, исполняющих комические номера», — читаем в дневнике все того же капрала-фуражира 262-го пехотного полка¹²³. Поводов для недовольства службой было больше чем достаточно, но,

как правило, испанские солдаты очень редко жаловались на плохое питание. Это не удивительно: солдаты «голубой дивизии» питались лучше немцев, то есть регулярно получали дополнительные продукты из Испании, а время от времени и посылки в качестве подарка. На рождество (декабрь 1942 г.) каждый солдат получил подарок — посылку весом 9—10 кг. В посылке было 2 бутылки коньяку, конфеты, шоколад, колбаса, папиросы, табак, свитер, носовые платки, перчатки. По словам перебежчика, солдата 269-го полка, посылки боевого энтузиазма у солдат не вызвали. Многие солдаты объелись и заболели¹²⁴.

Американский историк Дж. Хиллс много лет спустя после окончания второй мировой войны произвел опрос бывших участников «голубой дивизии», живущих в Испании: «Я во время своего опроса не встретил ни одного человека, который не признался бы, что вначале был добровольцем, — пишет Дж. Хиллс. — Как и у всех добровольцев, мотивы, побудившие их к этому шагу, были различными: одни надеялись получить большие деньги, другие — что на русском фронте они будут лучше питаться, чем в Испании; были и такие, которые искали смерть или славу, некоторые были германофилы и еще в большей степени антикоммунисты. Среди бывших членов «голубой дивизии» я встречал и таких, кто был настроен пробритански в такой же степени, как и антисоветски... Некоторые добровольцы раскаялись в своем решении; иные утратили иллюзии, другие выражали удивление, как им вообще пришла в голову мысль стать добровольцами...»¹²⁵. Многие в настроениях бывших участников «голубой дивизии», опрошенных Хиллсом, совпадает с материалами опросов перебежчиков и военнопленных. Не совпадают только сведения о политической позиции экс-добровольцев. Но это вполне объяснимо.

О постепенной эволюции даже у тех, кто считался «опорой» франкистского режима, свидетельствует книга бывшего члена Национального совета фаланги Дионисио Ридруехо «Письма в Испанию»: «Для меня 1940—1941 годы были самыми противоречивыми, душераздирающими и критическими в моей жизни... К моему счастью, у меня открылись глаза — я пошел добровольцем воевать в Россию. Я выехал из Испании твердокаменным интервенционистом, обремененным всеми возможными националистическими предрассудками. Я был убежден, что фашизму суждено стать самым целесообразным образцом для

Европы, что советская революция была «архиврагом», которого нужно уничтожить или, по крайней мере, заставить капитулировать...».

Стоило ему попасть на фронт и провести несколько месяцев, как настроение автора резко изменилось. Он продолжает: «В моей жизни русская кампания сыграла положительную роль. У меня не только не осталось ненависти, но я испытывал все нарастающее чувство привязанности к народу и земле Русской. Многие мои товарищи испытывали те же чувства, что и я... Короче говоря, я вернулся из России, очищенным от скверны, свободным поступать по велению своей совести...»¹²⁶.

Прозрение Ридруехо было вознаграждено испанскими властями. Он и поныне живет в Испании под строгим политическим надзором, изгнанником в родной стране. А радио Испании каждое утро передает официальный гимн, слова которого в годы юности написал поэт Ридруехо...

Те же немногие, кто по сей день сохраняет верность идеалам «голубой дивизии», осыпаны милостями режима. Летом 1968 года генерал Франко самолично вручил большой крест Святого Фердинанда бывшему капитану «голубой дивизии» Теодоро Паламосу¹²⁷. В 1943 году он был взят в плен Красной Армией и затем осужден как военный преступник. После возвращения в Испанию в 1954 году он взялся за перо и в результате появилась книга «Послы в аду», где степень искажения истины может сравниться лишь с ненавистью автора к Советскому Союзу. Высокая степень ордена, который вручен «историографу» — верный критерий узости круга оставшихся верным идеалам «голубой дивизии».

Но до всего этого еще должно было пройти время, а в начале 1943 года «голубая дивизия» считалась вышестоящими немецкими штабами вполне боеспособным соединением. Процесс деморализации, очевидный солдатам дивизии, не всегда усматривался гитлеровцами. Испанские части по-прежнему занимали ответственный участок фронта. Фалангисты среди испанских военнослужащих все еще говорили о предстоящей победе, хотя здравомыслящие солдаты легко могли сравнить их бахвальство с истинным положением вещей. Драконовские дисциплинарные меры усиливали глухое недовольство. Будущее,

и это начинало понимать все большее число солдат, не сулило ничего хорошего.

В разведсводке штаба нашей 225-й дивизии от 18—28 января 1942 г., составленной по показаниям военнопленных, перебежчиков, документам убитых и другим источникам, отмечалась слабая дисциплина солдат 250-й дивизии, большое количество обмороженных (до 10—15%), отсутствие лыж и зимнего обмундирования¹²⁸.

За год больших изменений не произошло. В своем дневнике капрал-фуражир 262-го пехотного полка 250-й дивизии записывал 18 января 1943 г.: «Неизбежные переброски поглощают большую часть дней... В этих перемещениях лишь обнаруживается недисциплинированность и беспорядок, характерные, к несчастью, для испанцев»¹²⁹. О низкой дисциплине свидетельствуют и показания перебежчика, солдата 262-го пехотного полка, перешедшего на нашу сторону 2 января 1943 г.¹³⁰ Солдат 269-го полка утверждал, что «солдаты неохотно выполняют приказание офицеров, все делается из-под палки»¹³¹.

Эти сведения подтверждаются показаниями многих военнопленных и перебежчиков. Солдат 269-го полка рассказал: «10 или 11 декабря (1942 г. — С. П.) командир третьей роты капитан Ферер собрал всю роту и с большим возмущением заявил: «Я собрал вас, чтобы сказать, что у нас есть много случаев нарушения дисциплины... Связные не исполняют полученных поручений и каждый раз уваливают от работы. Повара в нашей роте готовят пищу хуже, чем в других ротах. Дежурный сержант, получивший приказ послать патруль в штаб полка, выполнил его с опозданием на полтора часа. Группа солдат, которую послали приготовить помещения к рождественскому празднику, едва придя на место, по одному разошлась и не стала работать. У нас есть солдаты, осмелившиеся бить ефрейторов. Таких случаев уже было несколько. Если вы себя держите так в тылу, то на переднем крае вы будете держать себя еще хуже. Я уверен, что, если нам придется идти в атаку на русских, вы оставите меня одного перед русскими траншеями»¹³². «Дисциплина в частях плохая, держится только на палке, — рассказывал перебежчик, солдат 262-го полка, — солдаты так замучены работой и нарядами, что часто, ложась спать голодными, просят не будить, когда привезут пищу. Ходят всегда по-нурые. Сержанты ругают солдат, называя их «красными». Есть случаи членовредительства»¹³³.

Об избиении солдат говорили многие. «Официально в дивизии солдат бить запрещено, но как офицерский, так и унтерский состав избивают солдат за малейшее нарушение», — жаловался солдат отдельной роты лыжников. По его словам, командир лыжной роты капитан Саласар, фалангист, болезненный и раздражительный, часто бьет солдат, которые его ненавидят¹³⁴. Но больше жалоб вызывали все-таки сержанты, а не офицеры. По мнению капрала 269-го полка, перешедшего линию фронта 26 марта 1943 г., «сержанты избивают солдат и издеваются над ними. Офицеры понимают положение лучше и не наказывают солдат»¹³⁵. По убеждению многих пленных и перебежчиков, офицеры дивизии, как правило, окончили в свое время военные училища и академии, но в последнее время (речь идет о 1943 году) из Испании стали присылать стажеров без звания для замещения офицерских должностей. Это было вызвано тем, что после высадки англо-американских частей в Северной Африке в Испании был объявлен призыв пяти возрастов, и тогда обнаружился большой дефицит офицерских кадров. Капрал, о котором речь шла выше, как, впрочем, и многие другие в дивизии, был весьма невысокого мнения о сержантах: «Сержанты, за редким исключением, все почти неграмотные. Карту читать не умеют. Они сами возмущаются, что их долго не сменяют. Никаким авторитетом ни у солдат, ни у офицеров они не пользуются»¹³⁶.

По словам перебежчика, солдата 262-го пехотного полка, солдаты его дивизии о «международном положении ничего не знают, об успехах Красной Армии также. Советских листовок перебежчик не видел, радио не слышал»¹³⁷. На отсутствие регулярной информации жаловались многие: «Мы живем, отрезанные от всего остального мира... Газеты, прибывающие из Испании с месячным опозданием, — наш единственный источник получения приблизительного представления о том, что творится на всех фронтах»¹³⁸. Солдат 269-го полка сообщил, что в письмах, приходящих из Испании, все фразы, касающиеся международной обстановки и событий на фронтах, «вычеркивались цензурой»¹³⁹.

Командование, вероятно, не было озабочено всем этим, полагая, что франкистский фанатизм был достаточно надежной броней против «разлагающего» влияния правдивой информации. «Исключительно важным мне представляется краткая и лаконичная сводка Верховного

командования, которая признает прорыв фронта южнее Сталинграда. Но этому здесь едва ли придается даже второстепенное значение, хотя этот факт представляется мне весьма симптоматичным. Такова уверенность испанского солдата в исходе войны», — с горечью отмечал 7 декабря 1942 г. в своем дневнике капрал-фуражир 262-го пехотного полка ¹⁴⁰. Как не вспомнить в этой связи клятву молодого фалангиста: «Обещаю отвергать и игнорировать голос, который может ослабить дух нашей фаланги, будь то голос друга или голос врага» ¹⁴¹.

Впрочем, командование «голубой дивизии» смотрело на события с большой степенью трезвости: «Мы жили в это время ожиданием предстоящего наступления на Ленинград.., — писал в своих мемуарах командир дивизии генерал Эстебан Инфантес. — Уверенные в победе, мы с нетерпением ожидали начала предстоящей операции, но вдруг поступили первые сообщения о сражении под Сталинградом! Как только мы осознали поражение немцев и увидели, что германские войска уходят с нашего участка фронта на юг, мы поняли, что ход войны изменился и мы наступать не будем... Сперва ушли подразделения тяжелой артиллерии, затем пехотные дивизии, транспортные средства и др. На нашем участке фронта остались только дивизии, предназначенные для обороны» ¹⁴².

«Мы» — означает командование дивизии, высшие офицеры, специальная подготовка которых и общий уровень образования были значительно выше уровня основной солдатской массы. Но какие бы ни были сомнения у офицеров, перед строем рядовых они охрипшими, срывающимися голосами говорили, что при всех условиях «Германия выиграет войну» ¹⁴³.

Вот страницы уже цитировавшегося дневника: «...Холодные и беспокойные ночи... В окопах тревоги беспрерывны, и принимаются всякого рода меры, чтобы предупредить сюрприз русских. Ночью, когда я наконец заснул, несмотря на разрывы русских снарядов, авиабомбы упали так близко от моего дома, что, выскочив на улицу, я увидел, что исчезла крыша помещения, в котором находились запасы боеприпасов нашей дивизии... Остается несомненным, что легкие и громкие триумфы достаются все труднее... В дивизии по-прежнему царит нервное предчувствие грядущих неизбежных атак. Сегодня (27 декабря), например, пронесли слухи о довольно важных военных операциях, которые якобы должны скоро начаться...

Никто не знает, кто будет атаковать первым, но, по всей вероятности, наши военные приготовления имеют целью сдержать русское наступление, а затем ответить мощной атакой на одном из флангов дивизии...»¹⁴⁴.

Январские записи 1943 года свидетельствуют о нараставшем с каждым днем напряжении. «Тревоги в секторе дивизии, можно сказать, стали постоянными. Это война нервов, которая изматывает даже наиболее крепких людей. Часы неопишемого напряжения с вечно натянутыми нервами в ожидании противника, лучший союзник которого — внезапность. Но русские не атакуют испанцев. Страх? Простая случайность. Время—высший судья, расшифрует тайну неподвижности нашей дивизии... Сейчас остались позади мирные дни у Ильменского озера. Война начинается становиться жуткой реальностью; в шуме и грохоте сражений на обоих флангах дивизии война становится с каждым днем все более ожесточенной, неумолимо приближая час великих решений»¹⁴⁵.

Тревожные ожидания оправдались. Утром 12 января 1943 г. «артиллерия и авиация Волховского и Ленинградского фронтов и Краснознаменного Балтийского флота обрушили на позиции врага лавину стали и огня». Началось наступление советских войск. А уже к 18 января командующий немецкой 18-й армией генерал-полковник Линдеман «вынужден был отдать приказ о том, чтобы каждая дивизия его армии на других участках выделила для закрытия прорыва по одному пехотному батальону или артиллерийской батарее»¹⁴⁶. Командование «голубой дивизии» послало в район Мги 2-й батальон 269-го полка, который считался одним из лучших и наиболее боеспособных в дивизии¹⁴⁷.

В феврале 1943 года настала очередь и для всей дивизии. 10 февраля войска нашей 55-й армии нанесли удар по врагу из района Колпино на Красный Бор. К 12 часам дня Красный Бор был освобожден. По словам перебежчика, солдата 263-го полка, удар, нанесенный советскими войсками 10 февраля в районе Красного Бора, произвел на испанцев удручающее впечатление¹⁴⁸. Военнопленный, солдат 262-го полка, взятый в плен 3 марта в районе Путролово, рассказал, что «последние бои были самым тяжелым испытанием для испанцев, они понесли колоссальные потери, были уничтожены целые батальоны...». Война, и особенно последние бои, по словам пленного, сурово отразилась на сознании даже солдат-фалангистов, фанати-

чески верящих в силу Германии¹⁴⁹. В результате боев на Колпинском участке фронта 262-й полк, понесший особенно большие потери, был с линии фронта снят и отведен на укомплектование. «На следующий день (11 февраля. — С. П.) бои разгорелись с новой силой. Противник спешно подтянул к Красному Бору резервы. Наше наступление замедлилось»¹⁵⁰, — за этими лаконичными строками, которые авторы исторического очерка, посвященного Ленинградскому военному округу, уделили февральским боям в районе Красного Бора, стоит, по существу, разгром «голубой дивизии». После боев под Красным Бором от дивизии осталось меньше половины ее состава. Но зато ленинградцам осталась от дивизии память особого рода. Вот что записал в своем дневнике год спустя советский писатель Л. Лукницкий, увидевший город Пушкин сразу после его освобождения: «Длинный флигель Циркумконференции завален навозом, двери из комнат в коридор вырваны, в каждой из комнат — стойло для лошадей. Это сюда указывала стрелка у Третьего пруда, на которой написано по-испански «Caballos alraso» и намалевано изображение лошади. Бродяги из испанской эсэсовской «голубой дивизии» устроили здесь конюшни!» Близ Павловска — новые следы «голубой дивизии»: «На одном из увелевших каменных домов на Слуцком шоссе черными буквами размашисто намалевано: «Villa Asturias». Здесь происходили оргии фашистских молодчиков Франко, который напрасно старается уверить цивилизованный мир в том, что Испания не имеет никакого отношения к Восточному фронту»¹⁵¹.

Серьезные потери «голубой дивизии» во время зимнего наступления Советской Армии на Ленинградском фронте еще больше сгустили атмосферу пессимизма в Мадриде, вызванную итогами Сталинградской битвы.

Всего лишь за год до этого, 9 июня 1942 г., между Франко и новым послом США в Испании К. Хейсом после вручения верительных грамот состоялась примечательная беседа (кроме Франко присутствовали Суньер и официальный переводчик барон де ла Торрес). Хейс спросил, может ли Франко спокойно относиться к такой перспективе, как господство на всем континенте нацистской Германии с ее фанатическим расизмом и антихристианским язычеством. Франко ответил, что это не совсем приятная перспектива для него самого и для Испании, но он надеется, что Германия сможет пойти на какие-то

уступки западным державам и установить какого-либо вида «баланс сил» в Европе. «Франко настаивал, что опасность для Европы и Испании исходит не столько от нацистской Германии, сколько от русского коммунизма. Испания не столько желает победы «оси», сколько поражения России»¹⁵². Статус «невоюющей стороны», разъяснил Франко, означает, что Испания не является нейтральной в борьбе против коммунизма, прежде всего в войне между Германией и Советским Союзом, с другой стороны, Испания не принимает участия в конфликте между «осью» и западными державами. Испания, по его словам, не питает вражды к США...

За год многое изменилось. 1 мая 1943 г. новый германский посол в Испании Дикгоф сообщил в Берлин: «Бросалось в глаза, что Каудильо, очевидно, не совсем верит в возможность полного разгрома Советов; он неоднократно говорил об огромных пространствах и о массе людей, и вообще в его рассуждениях нельзя было не слышать скептической ноты». Франко, по словам Дикгофа, «не видит, каким образом могут быть сокрушены Англия и Америка»¹⁵³. Франко, видимо, решил, что пришло время для уступок англичанам и американцам.

29 июля 1943 г. в своей резиденции Эль-Пардо Франко принял К. Хейса по его просьбе. На беседе присутствовали министр иностранных дел граф Хордана и барон де ла Торрес. В конце беседы Хейс заявил, что «испанское правительство должно отозвать свою «голубую дивизию» из германской армии, воюющей в России». Хейс напомнил, что в 1939—1940 годах не было никакой «голубой дивизии», она была создана только после того, как Германия напала на Россию. Отсюда складывается впечатление, что Испания больше заинтересована в оказании военной помощи Германии, хотя бы символически, чем в борьбе с коммунизмом.

Франко удивил Хейса тем спокойствием, с которым он отвечал. Каудильо для начала обратился к истории в том виде, в каком он ее понимал, и повторил свой излюбленный миф о «вмешательстве русских агентов» в период испанской гражданской войны, чем и объяснил свое присоединение к Антикоминтерновскому пакту. Далее он подробно перечислил все случаи своих «расхождений» с Германией. Он напомнил о протесте Гитлеру, который, по мнению Франко, грубо нарушил Антикоминтерновский пакт в августе 1939 года.

Когда Германия напала на Польшу, продолжал Франко, он и «все испанцы» симпатизировали католической Польше. Затем, когда началась советско-финская война, Франко изучал возможность отправки дивизии испанских добровольцев на помощь Финляндии и только недостаток вооружения и транспортных средств помешали ему это сделать. Наконец, когда Германия и Россия вступили в борьбу, возникла практическая возможность отправки испанских добровольцев на Восточный фронт. По мнению Франко, это не было актом помощи Германии в борьбе против союзников, а выражало враждебность Испании к коммунизму.

Хейс отметил, что не Россия напала на Германию, а Германия на Россию, и если у каудильо вызывало протест русское вмешательство в Испании, то как он может признать справедливой испанскую интервенцию в Россию? И что произойдет, если Советский Союз объявит войну Испании?

Франко сказал, что положение изменилось с тех пор, как «голубая дивизия» впервые появилась на Восточном фронте. Вступили в войну Соединенные Штаты. «Было бы полезно, — прибавил он, — оставлять некоторое количество испанских солдат и офицеров на Восточном фронте для сбора информации о том, что происходит на фронте и в самой Германии». Последний довод чрезвычайно удивил Хейса. Он лишь заметил, что всю эту информацию можно получить через испанского военного атташе в Берлине и только для этого не стоит держать целую дивизию на Восточном фронте¹⁵⁴.

7 августа Хейс вновь встретился с Хорданой. Хордана сообщил Хейсу, что вскоре после беседы 29 июля Франко созвал заседание Высшего военного совета, на котором присутствовали министры всех трех видов вооруженных сил и начальник штаба; было принято решение о постепенном возвращении частей дивизии. Сам Хордана, по его словам, всегда считал отсылку «голубой дивизии» в Россию ошибкой¹⁵⁵.

20 августа накануне своего отъезда в Англию английский посол С. Хор встретился с Франко. Франко сокрушался по поводу захвата Филиппин Японией, но больше всего, по словам Хора, его пугала перспектива освобождения русскими Европы. Хор в свою очередь пожаловался на испанскую прессу, на антисоюзнические действия, на нарушение Испанией нейтралитета и в самом конце

беседы посетовал на пребывание в России «голубой дивизии»¹⁵⁶. Беседа с Франко внесла успокоение в его душу, и он отбыл в Англию весьма довольный своей деятельностью. Тотчас же по прибытии Хора в Англию Би-Би-Си, английские и американские газеты сообщили читателям, что британский посол добился согласия на вывод «голубой дивизии».

Однако публикация материалов о предстоящем выводе «голубой дивизии» вызвала раздражение в Мадриде. 26 августа Хордана сообщил Хейсу, что от германского посла получен энергичный протест, и это отнюдь не способствует преодолению практических трудностей, связанных с выводом «голубой дивизии» из германских траншей и возвращением ее через Германию. Более того, по мнению Хорданы, сам факт возвращения «голубой дивизии» мало что даст Испании, если он будет рассматриваться не как добровольный шаг испанского правительства, а как результат давления английского посла¹⁵⁷. Не мог простить Хору и Хейс, который считал, что впервые протест со стороны союзников против пребывания испанских добровольцев на Восточном фронте был выражен им в беседе с Франко 29 июля 1943 г.¹⁵⁸

Но вопрос о выводе «голубой дивизии» с Восточного фронта был решен не красноречием послов, а силой советского оружия.

С. Пейн заметил, что «кривая энтузиазма в отношении Германии стала быстро спадать уже после поражения немцев под Москвой в декабре 1941 года»¹⁵⁹. После успешных операций Красной Армии в ходе летней кампании 1943 года в начале октября того же года Франко объявил о переходе Испании от статуса «невоюющей страны» к нейтралитету¹⁶⁰.

15 октября английский военный атташе получил сообщение от начальника испанского генерального штаба о достижении соглашения с Германией о возвращении дивизии. Вывод дивизии с линии фронта начался 12 октября; к 20-м числам она была снята с фронта и временно отведена в район Нарвы, а затем в район Кенигсберга. Хордана уверил Хейса, что заканчиваются последние приготовления к транспортировке дивизии, и ее возвращение в Испанию будет осуществлено как можно быстрее. Первые 600 солдат и офицеров «голубой дивизии» прибыли в конце октября в Сан-Себастьян.

Двумя неделями позже американский военный атташе

сообщил, что, по весьма надежным сведениям, 4 тыс. солдат и офицеров из общего числа 12 тыс. прибыли на родину, а остальные должны возвратиться в течение ближайших недель и что все слухи о новом наборе в дивизию неоправданны¹⁶¹. А 5 декабря 1943 г. агентство Рейтер передало, что с конца октября около 8 тыс. солдат «голубой дивизии» вернулось в Испанию. Пункт расформирования — Вальядолид. «Все испанские парни до рождества вернутся из русских траншей», — с уверенностью писал в эти дни Хейс президенту Рузвельту. Однако его надежды оправдались далеко не полностью. Экстремистские элементы фаланги повели энергичную агитацию за вербовку добровольцев в «Германский иностранный легион», который должен был находиться исключительно под германским командованием. В результате «голубая дивизия» была расформирована, но в составе вермахта остался «голубой легион».

Окончательно легион был сформирован в середине ноября 1943 года. Легион состоял из трех воинских частей (трех бандер). О желании остаться воевать в России офицеры спрашивали только у солдат-пехотинцев, из которых и были составлены две бандеры, в каждой пехотной бандере было по четыре роты. Солдат специальных подразделений (артиллеристы, саперы, связисты и т. д.) оставили в приказном порядке. В «голубом легионе» было 2500 человек, командовал им полковник Антонио Гарсиа Наварро, бывший начальник штаба «голубой дивизии». Легион находился до конца января 1944 года на Ленинградском фронте в районе Померанье, неподалеку от железнодорожной станции Любань (дорога Ленинград — Москва), где в ходе начавшегося наступления Красной Армии был практически стерт с лица земли. Жалкие остатки легиона были вывезены в район Кенигсберга. Там их след теряется.

Выступая перед севильским гарнизоном 14 февраля 1942 г., Франко с большим пафосом обещал, что в момент опасности для Германии, если дорога на Берлин будет открыта, ее преградит не только дивизия испанских добровольцев, но «в случае необходимости и миллион испанцев»¹⁶². Об этом обещании каудильо постарался в дальнейшем начисто забыть: победоносное наступление Красной Армии сметало все фашистские позиции. В завязавшихся сражениях даже такое крупное соединение, какой была «голубая дивизия», понесло тя-

желые потери. Согласно официальным данным, потери «голубой дивизии» составили 12 736 человек, из них убитыми — 6286¹⁶³. Достоверно в этих сведениях, вероятно, только одно: соотношение между убитыми и ранеными примерно 1:1. Известный английский военный историк генерал Дж. Фуллер полагал, что, как правило, соотношение убитых, раненых и пропавших без вести выглядит как 1:3:1¹⁶⁴. Иное соотношение между убитыми и ранеными «голубой дивизии» связано с особым жесточеным характером боев на советско-германском фронте. В основном указанные данные преуменьшены в 3—4 раза.

Генерал Эстебан Инфантес приводит следующие данные о потерях: 14 тыс. — на Волховском фронте и 32 тыс. — на Ленинградском фронте (зима — весна 1943 г.)¹⁶⁵. Эти данные соответствуют и тем сведениям, которые отразились в документах, собранных в советских архивах: на пополнение частей дивизии за все время войны прибыло 27 маршевых батальонов по 1200—1300 человек каждый¹⁶⁶. (Последние 9 маршевых батальонов прибыли в период январь — октябрь 1943 г., 27-й батальон прибыл в середине октября и целиком вошел в легион.)

Это значит, что всего на пополнение дивизии из Испании было отправлено 33—35 тыс. солдат и офицеров. В период первоначального формирования дивизии в ней было 15 780 солдат, 2727 унтер-офицеров и сержантов, 641 офицер, то есть 19 148 человек. В Испанию после снятия дивизии с фронта вернулось 8 тыс. солдат и офицеров, в легионе осталось 2500 человек. Если исходить из этих сведений, потери дивизии должны были составить около 42 тыс. человек. Некоторое расхождение со сведениями генерала Эстебана Инфантеса можно объяснить тем, что часть раненых вернулась в строй (сюда не входят весьма значительные потери легиона).

Через так называемую «голубую дивизию» за время ее участия в операциях на советско-германском фронте прошли контингенты, значительно превышающие 50 тыс. человек. По масштабам второй мировой войны это была армия, хотя одновременно действовало в ней около 20 тыс. солдат и офицеров. Франкистский режим впоследствии пытался принизить значение своего участия в боевых действиях против Советского Союза.

Г л а в а IV

МЕЖДУ „БЛОКОМ“ И „ОСЬЮ“

24 июня 1941 г., в тот самый день, когда толпы молодых фалангистов, с энтузиазмом воспринявшие призыв Суньера, осаждали пункты вербовки в «голубую дивизию», тысячи их единомышленников, скандируя «Гибралтар! Гибралтар!», загрохотали улицей перед британским посольством. Посол Великобритании С. Хор обратился к испанскому правительству с очередным протестом. Суньер ответил ему в своей обычной оскорбительной манере. 26 и 27 июня в газете «Арриба» появились статьи антибританского характера, публикация которых была невозможна без санкции Суньера¹, курировавшего испанскую прессу. Это был сигнал к антибританской и прогерманской кампании в газетах и радио, которая продолжалась несколько месяцев. В публичных речах Франко славил «подвиги Германии» и «новый порядок» в Европе. Германские пропагандисты, которых в Испании, по словам Хейса, был «легион», без конца распространяли всякого рода рассказы, стараясь убедить испанцев не отделяться «от добродетельных стран «оси» и держаться как можно дальше от безнравственных и империалистических союзников»².

Срочно возводились все новые укрепления и концентрировались войска в Испанском Марокко на случай возможного нападения со стороны союзников, что не исключало соответствующей подготовки и в Пиренеях на случай возможного нарушения границ со стороны Германии. На языке испанских дипломатов это означало статус «невоюющей стороны».

Атмосфера антикоммунистического и пронацистского угара никогда еще не была столь насыщенной во франкистской Испании, как в первый месяц после нападения Германии на СССР. Франко до того уверовал в результативность блицкрига, что на какое-то время изменил своей обычной осторожности.

17 июля 1941 г. на заседании Национального совета фаланги, посвященной пятой годовщине мятежа, в присутствии членов правительства и дипломатического корпуса, в той же самой речи, в которой Франко объявил «неизбежным уничтожение русского коммунизма», он обрушился в необычайно грубых выражениях на «плутократические демократии». Он был весьма агрессивен ко всем своим внутренним врагам, будь то «красные материалисты» или «легкомысленная буржуазия и аристократия», находящиеся под иностранным влиянием. Он обвинил Англию в том, что она, по существу, ведет войну с Испанией, лишая испанский народ продовольствия, в котором он остро нуждается. Он заявил, что «война плохо подготовлена и союзники потерпят поражение, что все народы континентальной Европы, включая даже Францию, признали это». Он подверг нападкам Соединенные Штаты Америки за их намерение вступить в войну. Мало того, он заявил, что «американский континент и не может помышлять о вмешательстве в дела Европы, поскольку это поставит его перед лицом катастрофы, равным образом и американцы, не погрешив против истины, не могут утверждать то, что американские берега находятся под угрозой нападения со стороны европейских держав».

Он заявил о своей солидарности с германской армией, борющейся за те же самые идеалы, за которые боролась фаланга в течение ряда лет. Он с пафосом утверждал, что первая битва за «новый порядок» произошла в Испании, и с гордостью говорил о «цвете испанской молодежи», участвующей в борьбе своих товарищей по «оси»³.

С. Хор счел эту речь самой «антибританской» из всех публичных речей Франко. Американский посол 19 июля поставил госдепартамент в известность о своем намерении не ограничиться формальным протестом. Он возмущался тем, что Франко обошел молчанием ту помощь, которую оказывал испанскому народу американский Красный Крест. Но особое негодование у него вызвала та часть речи Франко, где он предупредил о возможной интервенции «оси» на американский континент в случае вмешательства США в европейские дела. Поведение посла вызвало недовольство Франко, и он демонстративно отказывался принимать его. Суньер не упускал случая выразить свою ненависть к Ведделу⁴. Это привело к тому, что Веддел добился от госдепартамента эмбарго на

ввоз в Испанию нефти и нефтяных продуктов. Та часть речи Франко, где он намекнул о возможном вмешательстве «оси» в дела американского континента, была опубликована в американской прессе⁵. Это привело к тому, что в кампанию за запрещение ввоза в Испанию стратегического сырья, которую последовательно вела демократическая печать Америки (см. «ИМ оф Нью-Йорк» и др.), включились и те, кто во время гражданской войны в Испании отдавал явное предпочтение франкистам. В газетах чаще, чем когда-либо, стали появляться статьи о деятельности агентов фаланги в странах Латинской Америки, усилились нападки на паниспанизм, как на теорию и практику, угрожающую реальным интересам США. 21 июля 1941 г. газета «Вашингтон пост» опубликовала статью, в которой говорилось: «Испанский диктатор — всего лишь клин, который используется нацистами в кампании, имеющей цель вызвать ссору среди латиноамериканских республик; совершенно ясно, что его слова обращены прежде всего к тем, кто живет южнее Рио Гранде. Принимая во внимание его резкие нападки на Соединенные Штаты, сделанные им несколько раз на протяжении его речи, единственным достойным нас ответом будет прекращение прежних поставок. Нацисты используют его. Он не больше чем орудие, и нашим проникательным друзьям на юге Америки скоро станет это ясно»⁶.

Наложение эмбарго на нефть, нефтепродукты и прочие американские поставки нанесло серьезный ущерб испанским экономическим интересам и приостановило реэкспорт бензина в Германию. Испанская сторона стала первой искать шаги к примирению.

В начале августа испанский министр промышленности и торговли посетил временного поверенного в делах американского посольства Булака. В ответ на заявление Булака о том, что известная позиция испанского правительства способствовала созданию впечатления о враждебности Испании к США из-за сотрудничества с державами «оси», министр призвал Америку быть практической и судить об испанском правительстве по его делам, а не по словам его лидеров.

Он утверждал, что практически связь с державами «оси» незначительна, германские вооруженные силы стоят на испанской границе, Испания истощена — у нее нет самолетов и артиллерии, и она не в состоянии оказать со-

противление Германии. Испания проводит политику, которая лишь создает впечатление о сотрудничестве с Германией, в то время как эффективное сотрудничество отсутствует. Подобным образом и посылка испанских добровольцев против России была, по словам министра, дешевым бряцанием оружием. Суньер и только Суньер ответствен за все. Он ненавидит США и посла. Он полагает, что, если достаточно долго будет отказываться видеть его, американский посол будет заменен. Кабинет в данном случае против Суньера и полагает, что было бы лучше заменить Суньера. Министр прибавил, что у Франко твердые демократические инстинкты и он не одобряет тоталитаризм. Он не диктатор Испании, а «глава Совета министров»⁷. Месяц спустя начались переговоры о возобновлении поставок США в Испанию.

24 сентября А. Веддел сообщил статс-секретарю Хэллу, что испанское правительство проявляет большой интерес к экономической программе США в отношении Испании. Американский посол считал, что пришло время возобновить торговые отношения, но при условии, если испанское правительство согласно урегулировать отношения с Ведделом лично, изменить инсценируемое правительством враждебное отношение к США, отражающееся в прессе, и строго соблюдать испано-американский договор о дружбе 1902 года⁸. По-видимому, эти условия были приняты, так как 30 сентября после длительного перерыва Суньер принял американского посла. Беседа касалась поставок бензина⁹. 6 октября Веддела принял Франко и держался с ним весьма приветливо. Франко говорил о трудностях, переживаемых в настоящее время Испанией, и о том, что поставки пшеницы, хлопка и бензина абсолютно необходимы для страны¹⁰.

В это время, однако, госдепартаменту стало известно, что нефтяные продукты, и в первую очередь бензин, отправляемый на испанских танкерах, передаются в открытом море на суда стран «оси» или реэкспортируются в страны «оси» из самой Испании. Сведения частично основывались на заявлениях капитанов и матросов испанских танкеров¹¹. Об этом стало известно широкой публике благодаря статьям Джона Стоуна в газете «ПМ оф Нью-Йорк». Правительство приостановило переговоры.

Франкистская Испания вела необъявленную, но совершенно реальную вооруженную войну с СССР. Франко с гордостью говорил о горстке испанских добровольцев в

степях России, защищающих те же самые принципы, что и во время «крусад»¹², то есть «крестового похода» — так испанская официальная пропаганда именовала гражданскую войну. От нескольких десятков тысяч «крестоносцев антикоммунизма» действительно осталась горстка. Известны потери «голубой дивизии», подсчитан приблизительно материальный ущерб, нанесенный дивизией Советскому Союзу, но не поддается учету, сколько советских людей пало от пули испанских интервентов.

Война с Англией и США, если не считать воинственных речей, была в основном торговой войной, победы и поражения в ней исчислялись увеличением или уменьшением квоты на бензин, поставляемый США Испании, или размером квоты на вольфрам, который союзники разрешали Испании продавать Германии, и т. д.

В конечном счете издержки торговой войны оборачивались кровью, поскольку стратегическое сырье реэкспортировалось в Германию — это было известно как госдепартаменту, так и правительству Англии. Однако в официальных кругах Англии без больших разумных оснований полагали, что поставки союзников прочнее, чем что-либо, привязывают Испанию к странам-поставщикам. Веддел 16 сентября 1941 г. доносил государственному секретарю, что Англия определяет позицию Испании как «псевдонейтральную» и считает, что следует проводить такое ограничение экономической помощи, которое поощряло бы тех, кто стоит «за строгое невмешательство» Испании, и в то же время подавляло бы небольшую (по утверждениям англичан) джонгоистскую группу, которая считает, что будущее Испании связано с успехами Германии¹³. К осени 1941 года английским официальным лицам удалось убедить госдепартамент, что американское эмбарго на нефть «практически играет на руку странам „оси“»¹⁴. Англичанам не пришлось долго уговаривать представителей госдепартамента, поскольку среди них было немало сторонников упомянутой выше концепции, в том числе государственный секретарь Хэлл, который разъяснял Рузвельту: «Продовольственное положение в Испании настолько плохое и так зависит от транспортировок внутри страны, что сокращение минимальных потребностей в бензине сопряжено с риском вызвать беспорядки среди гражданского населения, а это в свою очередь может дать Германии повод вмешаться для „восстановления порядка“»¹⁵. Хэлл неоднократно сетовал

по поводу того, что «многие американцы не понимают более широких аспектов нашей политики и выражают недовольство американской «нефтяной программой» в отношении Испании»¹⁶.

В ноябре 1941 года госдепартамент полностью снял эмбарго с поставок на нефть и возобновил торговлю с Испанией. Возобновление поставок нефти и нефтепродуктов франкистской Испании немедленно вызвало протест со стороны прогрессивных сил США. В этой связи следует вспомнить об антифранкистской кампании, которую систематически вели журналист Джон Стоун на страницах газеты «ПМ оф Нью-Йорк» и конгрессмен Джон Кофф в палате представителей конгресса. 14 ноября 1941 г. в упомянутой газете была опубликована статья, вызвавшая негодование официальной Америки¹⁷. В этой статье Д. Стоун на основе тщательного анализа пришел к выводу, что «фактически весь бензин, который Испания получает из США, переправляется в Германию и используется люфтваффе, возможно, на Восточном фронте»¹⁸. На основании сведений, почерпнутых из официальных источников, Стоун пришел к выводу, что после начала войны импорт американской нефти в Испанию резко возрос: в 1938 году Испания купила 2571 тыс. баррелей нефти, а в 1940 году — 4456 тыс. баррелей. Это резкое увеличение закупок нефти едва ли оправдано потребностями самой Испании, поскольку широко известно о значительном сокращении ее автомобильного транспорта и самолетов в результате предшествующей войны. Начиная с мая 1941 года госдепартамент предпочитает засекречивать сведения, касающиеся не только экспорта бензина, но и поставок прочих военных материалов. Однако 8 ноября были опубликованы официальные правительственные сведения, согласно которым за последнюю неделю, истекшую 8 ноября, 127 740 баррелей американских нефтяных продуктов было отправлено в Испанию, в том числе 40 520 баррелей высококачественного авиационного бензина¹⁹. Сообщение Стоуна вызвало нежелательную правительству реакцию среди антифранкистски настроенных кругов США. В следующей статье, опубликованной 16 ноября, Стоун сообщил, что начиная с августа 1941 года нефть отправлялась в Испанию не в американских танкерах, а в испанских — у Испании имелось 10 собственных танкеров²⁰. Это лишний раз свидетельствовало о том, что для реэкспорта нефти в Германию у

франкистов были самые широкие возможности. Кампания против поставок нефти Испании продолжалась. В связи с возобновлением американских поставок 19 ноября 1941 г. испанский посол в Вашингтоне Х. Карденас посетил помощника государственного секретаря США Уэллса. Во время беседы Карденас жаловался на антииспанскую кампанию в прессе и приложил все усилия, чтобы убедить своего собеседника, что «в последние два месяца общественное мнение его страны в отношении Германии изменилось» и «только лишь фаланга продолжает утверждать, что победа Германии равно как возможна, так и желательна с точки зрения Испании»²¹.

В это время министр иностранных дел Суньер находился на пути в Берлин, чтобы по поручению своего правительства принять участие в церемонии ратификации Антикоминтерновского пакта. Чиано записал в своем дневнике 24 ноября: «Атмосфера антикоминтерновского собрания была поистине единодушной... Серрано Суньер был агрессивен и резок, но настроен исключительно в пользу „оси“»²². В беседе с Суньером Гитлер выразил сожаление по поводу того, что не удалось атаковать Гибралтар прошлой зимой. Это дало Суньеру повод завести речь о трудностях, с которыми приходится сталкиваться его правительству, о нападках монархистов, некоторых милитаристов и скрытых красных. К тому же, добавил Суньер, до завершения кампании в России «невоюющая» Испания сможет лучше служить делу «оси». Он явно намекал на нежелательность для самой Германии появления нового фронта, на этот раз на Пиренейском полуострове. Но в интервью, опубликованном в газете «АБС» 29 ноября 1941 г., Суньер, как и следовало ожидать, ни словом не обмолвился о недовольстве руководителей рейха половинчатой позицией Испании: «Не могу сказать ничего иного, кроме того, что встреча прошла в духе исключительной дружбы». Испанская и германская пресса в восторженных тонах комментировала результаты поездки Суньера в Берлин. Испанские газеты призывали восхищаться вкладом «голубой дивизии» в дело держав «оси». «Война Германии против СССР рассматривается испанским народом как свое собственное дело, и слова министра иностранных дел Суньера «Советский Союз виновен»²³ встретили восторженный отклик от Пиренеев до Гибралтарских скал»²⁴, — утверждал корреспондент германской газеты «Нахрихтен фюр Аусхандель».

В разгар этой прогерманской и антикоммунистической кампании в испанской прессе, которая находила горячий отклик в фалангистских кругах, пришло известие о разгроме немцев под Москвой. Впечатление было ошелмляющее. Английский историк С. Пейн даже утверждает, что «высшая точка энтузиазма в Испании по отношению к войне, которую вела Германия, спала вскоре после поражения под Москвой в декабре 1941 г.»²⁵ Политика испанского правительства еще очень длительное время была открыто прогерманской и пронацистской. Но после декабрьского поражения немцев под Москвой Франко с еще большей настойчивостью стал избегать все, что могло бы поставить Испанию на грань войны.

8 декабря 1941 г. Япония совершила нападение на Перл-Харбор. Америка вступила в войну. 11 декабря Германия объявила войну Соединенным Штатам. В тот же день Чиано записал в своем дневнике: «Вечером Риббентроп попросил нас поддержать предложение Германии о том, чтобы страны тройственного пакта объявили войну Соединенным Штатам. А как Испания?»²⁶. Испания хранила молчание неделю. 18 декабря 1941 г. Франко и Серрано Суньер скрепили своими подписями декрет, в котором говорилось: «Испания сохраняет, как и в предыдущей фазе конфликта, свою позицию невоюющей страны»²⁷.

К толпам фалангистов, скандирующих время от времени «Гибралтар! Гибралтар!» у стен британского посольства, присоединились их коллеги, выкрикивающие «Куба! Куба!» у стен американского посольства. Все- сильная гражданская гвардия спокойно взирала на эти бесчинства. Серрано Суньер «позволял» прессе «метать гром и молнию» в адрес как Англии, так и США. И в это же самое время в частных беседах Франко нравилось рассуждать о том, что идет не одна, а две, а после вступления в войну США в декабре 1941 года и три войны. «Одну,— говаривал он,— ведут нации Западной Европы, это война за торговые и имперские интересы, в которой он не хотел бы принимать участие, если только не будут затронуты собственные испанские торговые и имперские интересы. Вторую войну ведут Германия и Россия — это война идей, война западной цивилизации против «азиатских орд» и «коммунизма». В этой войне он от всего сердца на стороне Германии. Третья война происходит между США и Японией. Поскольку Япония напала на Филиппины, США превратились в защитника испанской

цивилизации на Филиппинах против еще одного вида азиатского варварства»²⁸. Концепция «третьей» войны имела более позднее происхождение и была явно рассчитана на американских собеседников.

В начале января 1942 года переговоры об американских поставках в Испанию вступили в решающую фазу. Переговоры вел Карденас в Вашингтоне. Испанская сторона была представлена двумя нефтяными объединениями — КАМПСА и СЕПСА²⁹.

Государственный секретарь США направил 8 января 1942 г. в Мадрид меморандум, в котором шла речь об условиях, на которых правительство США соглашалось заключить соглашение о поставках: запретить реэкспорт из континентальной Испании и испанских владений; не разрешать перевозку товаров на иностранных судах или самолетах, за исключением американских, английских, а также союзных стран, сопротивляющихся агрессии. При обязательстве принять систему контроля, выработанного госдепартаментом, США готовы были поставлять нефть и нефтепродукты, а также продовольствие в обмен на специфические продукты испанского экспорта: вольфрам, пробка, олово, плавиковый шпат, концентрат цинка, ртуть, оливковое масло, оливы и т. д.³⁰

Карденас в меморандуме от 5 февраля от имени испанского правительства еще раз дал абсолютные гарантии в том, что «продукты, полученные из Соединенных Штатов, будут использованы только в пределах национальной территории и на благо испанского народа»³¹.

Госдепартамент принял на веру гарантии франкистского правительства, и, несмотря на бурную реакцию прогрессивного общественного мнения США, соглашение было подписано. С февраля по апрель 1942 года США соглашались поставить в Испанию 25 тыс. т бензина, 1 тыс. т керосина, 14 тыс. т мазута, 20 тыс. т газойля, смазочные масла³².

13 февраля 1942 г. в Севилье встретились Салазар и Франко. На беседах двух диктаторов присутствовал и Серрано Суньер. Но Франко говорил с Салазаром только на португальско-галисийском диалекте, который Суньер плохо понимал. Впоследствии Суньер жаловался друзьям, что он практически «отсутствовал»³³. Были приняты все меры, чтобы содержание беседы осталось в глубокой тайне, и прессе оставалось лишь строить догадки. Кое-какое основание для предположений о возможном

содержании беседы давала речь Франко, произнесенная на другой день перед севильским гарнизоном. Это была самая печально известная речь, в которой Франко с гордостью говорил о «кулаке» испанских добровольцев в «степях России» и обещал, что в том случае, если дорога на Берлин будет открыта, миллион испанских добровольцев придет на помощь Германии³⁴. Отсюда иностранные обозреватели делали вывод о новом приливе прогерманских настроений в Испании. По возвращении в Мадрид, вечером 19 февраля, Суньер сразу же принял Шторера, опасаясь, как бы немцы не истолковали встречу, прошедшую в обстановке строгой секретности, как недружественный в отношении Германии акт³⁵. Суньер сообщил, что во время бесед, которые проходили по заранее намеченному плану, был поднят прежде всего вопрос об испано-португальских отношениях. «При этом испанцы заявили, что всякое нападение на европейскую португальскую территорию, а также и на острова они вынуждены рассматривать как нападение на Испанию»³⁶, — доносил Шторер в Берлин сразу же после окончания беседы с Суньером.

Салазар заметил, что полностью исключает возможность нападения на острова и также на самую Португалию со стороны англичан. Не верит он также и в нападение Германии. Салазар признал, что в США часть общественного мнения оказывает на правительство давление в пользу оккупации Азорских островов и т. д. Однако он не думает, чтобы это давление оказалось достаточно сильным, чтобы привести к такого рода действиям. Салазар заверил, что в случае такого нападения, как и в любом подобном случае, Португалия будет обороняться против любого агрессора всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Франко обещал оказать любую возможную помощь. Собеседники откровенно обсудили и опасность, угрожающую, по мнению испанцев, правительству Салазара в связи с происками англичан и коммунистов. Салазар признал наличие известной угрозы со стороны коммунистов, в связи с чем и были произведены в Португалии в последнее время аресты, прибавив при этом, что все же не видит с этой стороны никакой серьезной опасности. Но он решительно не согласился с утверждениями испанцев, что англичане пытаются его свергнуть. На возражение Серрано Суньера, что «англичане здесь, в Испании, совершенно открыто готовили ре-

волюцию против существующего режима», Салазар удивленно заметил, что совсем недавно английский посол сэра Сэмюэль Хор «уверял его как раз в обратном».

Некоторое различие в оценках ситуации не помешало Франко и Салазару договориться об установлении более тесной связи «между испанской и португальской полицией и совместно следить за коммунистами и противниками правительства»³⁷.

«Проанглийская» точка зрения Салазара и «прогерманская» — Франко наиболее отчетливо проявились, если верить Суньеру, в отношении Германии. Это касалось и общеполитической концепции, и конкретных вопросов. На заявление Франко и Суньера, что «Испания тесно связана с Германией и Италией чувством благодарности и дружбы и что по этим, а также по политическим причинам (так сказать в силу инстинкта самосохранения от большевизма и от традиционных врагов Испании) последняя желает победы Германии, Салазар ответил, что не следует переоценивать опасности большевизма, так как Англия и США из эгоистических побуждений будут пытаться препятствовать его дальнейшему распространению». Салазар выразил уверенность, что «в случае победы англосаксов Германия всегда будет существовать в качестве известного бастиона».

Салазар опасался победы немцев и последующей германизации всей Европы, вследствие чего такие страны, как Португалия, потеряют свое самостоятельное лицо. Он опасался, что наступит день, когда Германия нападет на Испанию и Португалию и оккупирует их. Франко и Суньер весьма энергично пытались рассеять его сомнения. О мере искренности собеседников можно судить по тому, как Франко и Суньер ответили Салазару, когда тот осторожно осведомился о силе германского давления на Испанию с целью вовлечения ее в войну. Франко и Суньер заявили Салазару, что в «известный момент» Германия действительно «указала на желательность» военного сотрудничества с Испанией, но когда испанцы «попросили» Германию отказаться от своих намерений, — последняя согласилась и «с тех пор никогда не проявляла настойчивости в этом вопросе»³⁸. Салазар ответил буквально следующее: «Честное слово, я не верил этому и не считал это возможным».

Чуть ли не единственным аспектом, по которому у собеседников не обнаружилось разногласий, было отно-

шение к США. Салазар заявил, что «к американцам он чувствует исключительную антипатию», и оживленно подержал Суньера, который, «ссылаясь на одного английского писателя, охарактеризовал американцев как народ, достигший сразу после стадии варварства стадии декаданса»³⁹.

В послевоенной западной историографии ставятся под сомнение изложение Суньером⁴⁰ содержания беседы и построенная на его рассказе версия Шторера. «Документы министерства иностранных дел Германии» в переводе Эривова⁴¹ были опубликованы в Париже в 1947 году, когда Испания энергично добивалась принятия в ООН. Приведенный здесь документ — донесение Шторера от 19 февраля 1942 г. — и некоторые другие произвели крайне неблагоприятное для Испании впечатление, и поэтому, например, Х. Дусинаге постарался дезавуировать версию Суньера—Шторера, ссылаясь на то, что Суньер плохо понимал, о чем говорили Франко и Салазар. Он утверждает, что испано-португальская встреча имела, скорее, пропагандистский характер. И вообще, по мнению Дусинаге, Суньер воспользовался моментом и построил свое изложение так, чтобы помешать намерению немцев использовать Канарские острова в качестве базы для своих подводных лодок⁴².

Нельзя не принять во внимание такой аргумент, как недостаточное понимание Суньером португальско-галисийского диалекта, на котором шла беседа между Салазаром и Франко. Но нельзя и полностью согласиться с Х. Дусинаге. Некоторые аспекты беседы позднее получили весьма конкретное воплощение: речь идет прежде всего о создании «иберийского блока» в декабре 1942 года, а севильская встреча была важнейшим этапом в процессе подготовки этого пакта. Суньер принимал участие в дискуссии как равноправный собеседник, и именно эту свою роль он и отразил в сообщении Штореру. К тому же, ни по внешнеполитическим концепциям, которыми руководствовались, по словам Суньера, испанцы во время беседы, ни по тону позиция Франко во время севильской встречи не представляет чего-либо исключительного для него.

Во время переговоров в январе — феврале 1942 года с американскими дипломатами о поставках в Испанию жизненно важных для нее товаров испанские официальные лица демонстрировали свое лояльное и даже дружес-

ское отношение к США. В иной ситуации, во время встречи с Салазаром, Франко и особенно Суньер в беседе со Шторером считали для себя более выгодной демонстрацию прогерманской и антиамериканской позиции. На двойственность позиции испанских руководителей обращал внимание американский временный поверенный в делах Булак в послании к государственному секретарю от 20 февраля 1942 г. Отмечая, что «в настоящее время практически все коммюнике союзных стран, за исключением России, публикуются в испанской прессе», он в то же время подчеркивал, что «многочисленные выступления лидеров испанского правительства и прессы в пользу «оси» не отражают мнения страны»⁴³. Булак полагал, что в рассматриваемое время испанское правительство решительно воздерживается от участия в войне, несмотря на его идеологическую, сентиментальную и политическую привязанность к Германии и вопреки давлению последней, которая использует для этой цели войска на испанской границе. Однако, по мнению Булака, опасность вступления Испании в войну все еще не миновала, и в связи с этим он считал необходимым не оставлять без внимания ни одной возможности влиять на испанцев, «неустанно доводить до сведения правительства и народа решимость союзников сокрушить гитлеризм, информировать общественное мнение о степени их военных усилий, а также поставлять в Испанию в разумных пределах товары, которые она не может получить от стран «оси» (в обмен на товары стратегического значения для США и Англии, и тем самым лишать их страны «оси»). Американский дипломат особенно настаивал на последнем и даже полагал, ссылаясь при этом на мнение военного и морского атташе, что «приостановление поставок может привести к вступлению Испании в войну на стороне „оси“»⁴⁴.

Таким образом, и американские дипломаты в Испании разделяли концепцию Черчилля в противоположность Штореру, который упорно считал неустойчивое внутривнутриполитическое положение Испании и отсутствие желания воевать в среде профессиональных военных главной причиной воздержания Испании от участия в войне.

Только две недели спустя, 4 марта 1942 г., Суньер дал, наконец, согласие американскому временному поверенному в делах принять его. В самом начале беседы Булак спросил Суньера, чем вызвана встреча в Севилье. Суньер разъяснил, что встречи подобного рода предусмотрены

испано-португальским договором о дружбе и ненападении от 17 марта 1939 г.⁴⁵ Кроме того, Испания согласилась на эту встречу в связи с распространяющимися в последние недели слухами о том, что Соединенные Штаты готовят нападение на Азорские острова. Суньер «откровенно» рассказал американскому дипломату и об опасениях Салазара в связи с возможной оккупацией Испании германскими войсками, и о заверениях Франко в том, что для таких опасений нет оснований, поскольку Испания занимает дружескую позицию по отношению к Германии.

Булак выразил сожаление по поводу того, что Франко «счел необходимым произнести свою антикоммунистическую речь сразу же после встречи». Реакция общественного мнения в США на эту речь такова, что он, Булак, предвидит большие затруднения в экономическом сотрудничестве с Испанией. На это Суньер ответил, что «Испания не помогает Германии в военной сфере. Она торгует с Германией, так же как и с демократическими странами». Что же касается речи в Севилье, то, по мнению Суньера, «Франко лишь точно выразил хорошо известное официальное отношение Испании к коммунизму. Испания рассматривает Германию как оплот против коммунизма. Если Франко сказал, что испанские добровольцы придут на помощь, если Германия будет терпеть поражение от русских, то это полностью и исключительно согласуется с испанской позицией в отношении коммунизма»⁴⁶.

Весьма примечательно, что всякий раз, когда западные союзники выражали недовольство по поводу того или иного аспекта испанской внешней политики, руководители франкистского государства прятались за привычный щит антикоммунизма. Этот щит часто оказывался весьма надежным. И на этот раз экономические санкции, упомянутые Булаком в начале беседы, которых франкисты так опасались, не последовали. Так было и 21 апреля, когда было опубликовано заявление Суньера о том, что «в современной войне Испания находится на стороне Германии». Суньер разъяснил Булаку, что это следует понимать в том смысле, что «Испания вновь подтверждает свою вражду к коммунизму... Ссылка на возможную испанскую помощь Германии была чисто теоретической, поскольку Испания уверена, что Германия победит русскую армию»⁴⁷.

В то время Германия и Италия были заинтересованы прежде всего в испанских поставках стратегического

сырья и продовольствия. Испанские поставки и были как раз «той помощью, которую ожидали от нее страны „оси“». В течение 1941 года Германия вывезла из Испании товаров на 167 млн. рейхсмарок. Особое значение придавалось поставкам вольфрама, никеля, молибдена, ванадия, хрома. Те же товары экспортировались и в Италию. Однако испанский вывоз сырья и продовольствия в Италию и Германию значительно превышал итало-германские поставки: в 1941 году Германия поставила в Испанию товаров только на 82 млн. марок. Та же картина наблюдалась и в *испано-итальянских торговых отношениях*. Частично это было связано с поднятием цен на предметы испанского экспорта — итальянцы жаловались, что в отдельных случаях испанцы подняли цены на 300% ⁴⁸. Но в основном это было связано с тем, что из-за войны Германия и Италия не могли полностью компенсировать ввоз из Испании поставками из своих стран. В ответ испанское правительство стало все больше сокращать экспорт в страны «оси», в частности вольфрама, и Штореру пришлось сделать серьезные представления каудильо и заявить, что «и экономические отношения должны быть подчинены политической необходимости» и что Германия поэтому ждет от Испании достаточного снабжения ее стратегическим сырьем, хотя бы ее поставки и не достигали полного эквивалента. «Принцип, с которым, — как утверждает Шторер, — каудильо согласился» ⁴⁹.

Европейские страны-поставщики не могли удовлетворить потребности Испании в целом ряде товаров, в которых страна остро нуждалась, например в химических удобрениях, продукции тяжелой промышленности, поэтому правящие круги Испании по-прежнему продолжали связывать разрешение экономических проблем с дальнейшим совершенствованием системы автаркии при особом внимании к развитию государственно-монополистического сектора.

По закону от 25 сентября 1941 г. был учрежден Институт национальной промышленности, который должен был «направлять и финансировать создание и воссоздание» национальной индустрии, и в первую очередь тех ее отраслей, которые прежде всего были необходимы для «разрешения неотложных проблем, стоящих перед страной,

а также тех, которые определяют развитие... экономической автаркии»⁵⁰. Денежные средства института создавались за счет бюджетных ассигнований, банковских кредитов и облигаций. Институт обязан был контролировать и определять деятельность предприятий, построенных на его средства. В этом же году было создано новое государственно-монополистическое объединение «Национальная сеть железных дорог», которому принадлежало $\frac{5}{6}$ железнодорожного транспорта. Созданию этого объединения предшествовала национализация железных дорог, принадлежавших иностранным компаниям.

12 мая 1942 г. в правительственном бюллетене «Информасьонес» было опубликовано заявление генерального директора промышленности Помбо о том, что «министерство промышленности и торговли изучило трехлетний план индустриального развития Испании»⁵¹. Особое внимание уделялось развитию химической промышленности и связанных с нею отраслей. «Первое практическое применение этой политики, — заявил Помбо, — строительство завода «Сефанитро», дочернего предприятия металлургического концерна «Альтос Орнос де Бискайя» в Бильбао». По расчетам министерства промышленности и торговли, этот завод должен производить 125 тыс. т продукции в год. План индустриального развития предусматривает строительство завода «Нитратос де Кастилья» на базе гидроэнергетического комплекса «Сальтос дель Дуэро» в Вальядолиде и создание новой компании «Гидроэлектрика эспаньола». Для строительства комбината искусственного волокна в Миранда-де-Эбро было инвестировано 100 млн. песет и столько же — для строительства целлюлозно-текстильного комбината в Сантандере⁵². Все эти планы создания новых отраслей промышленности были рассчитаны на длительное время и не могли дать быстрого результата, а многие из них и вовсе остались на бумаге из-за недостатка капиталов, машин и сырья. И экономическое положение в стране все еще продолжало оставаться очень тяжелым.

Медленные темпы восстановления промышленности препятствовали рассасыванию весьма значительной безработицы. «Статистические данные, касающиеся безработицы, показывают снижение в одних отраслях промышленности, например в строительстве, и застой — в других как из-за недостатка материалов и оборудования, так и вследствие затруднений, связанных с деятельностью са-

мих вертикальных синдикатов и проводимой ими политикой установления норм выработки, распределения, уровня цен и заработной платы»⁵³, — отмечал корреспондент швейцарской газеты «Берне бунд». Закон от 11 июля 1941 г. возложил на синдикаты совершенно новые обязанности. Если к компетенции местных профсоюзов по-прежнему относились социальные вопросы, разумеется, в понимании франкистов, то национальные отраслевые синдикаты должны были заниматься преимущественно чисто хозяйственными, экономическими проблемами. Национальные отраслевые синдикаты должны были бдительно следить за тем, чтобы экономическая деятельность отдельных предприятий «подчинялась общим интересам государства»⁵⁴. Недаром фалангистская газета в свое время назвала «вертикальные» синдикаты «истинной милицией экономики»⁵⁵. Начиная с 1939 года в Испании регулирование заработной платы полностью было отнесено к компетенции государства, как это и было предусмотрено трудовым кодексом 1938 года. Положение о государственном регулировании заработной платы было подтверждено законом «О регламентации труда» от 16 октября 1942 г.⁵⁶

«Вертикальные» синдикаты могли лишь вносить предложения, но главная их задача состояла в строжайшем контроле над выполнением указаний министерства труда, которое лишь одно было компетентно окончательно устанавливать размеры заработной платы⁵⁷. «Вертикальные» синдикаты успешно справлялись с функциями контролирующего органа там, где речь шла о заработной плате, но оказались совершенно бессильными поднять уровень производительности труда, который на многие годы так и остался одним из самых низких в Европе. Что же касается размеров заработной платы, то, по признанию видного испанского экономиста Р. Тамамеса, «начиная с 1939 года повышение заработной платы нейтрализуется соответствующим поднятием цен»⁵⁸. Этот вывод Р. Тамамеса относится ко всему периоду в истории Испании начиная с 1939 года. Что же касается периода второй мировой войны, то темпы роста цен намного превышали темпы роста заработной платы, особенно если иметь в виду цены черного рынка, к «услугам» которого вынуждены были систематически обращаться многие испанцы.

Во второй половине 1941 — начале 1942 года продовольственное положение все еще было очень напряжен-

ным. По признанию губернатора Барселоны, «200 тыс. семей не имеют ни хлеба, ни масла. На протяжении нескольких месяцев дети Барселоны ни разу не получали молока. Из-за деятельности спекулянтов только в Барселоне умерли голодной смертью не менее 18 тыс. человек»⁵⁹. Власти пытались бороться со спекуляцией сначала при помощи денежных штрафов и лишения свободы. «Однако пять тысяч арестов и денежные штрафы в размере 100 млн. песет, которые были совершены в истекшем году..., имели весьма незначительный эффект», — признавал мадридский корреспондент газеты «Гамбургер фреденблат», комментируя декрет испанского правительства от 21 октября 1941 года. Согласно этому декрету, спекулянты приравнивались к мятежникам и подлежали военному суду, которому предоставлялось право применять смертную казнь⁶⁰. Однако в коррумпированном франкистском государстве крупные спекулянты всегда находили выход из положения. Борьба со спекуляцией не давала ощутимых результатов еще и потому, что власти не в силах были устранить причину, порождавшую спекуляцию: систематическую нехватку самых необходимых продуктов питания и предметов первой необходимости. Помимо сокращения импорта постоянный дефицит продовольствия порождала порочная аграрная политика франкизма.

«Оливковое масло, которое играло очень большую роль в ежедневном рационе питания любого испанца, исчезло из продажи. Его с трудом можно было найти по спекулятивной цене по 25 песет за литр. В 1942 году урожай на оливы был хороший, но крестьяне отказывались сдавать властям масло по 4 песеты за литр и прятали его от заготовителей. На этой почве часто вспыхивали конфликты между крестьянами и представителями властей», — рассказывал военнопленный, бывший солдат «голубой дивизии»⁶¹.

Трудно сказать, до сколь низкого уровня потребления дошла бы франкистская Испания и какие масштабы приняла бы скорбная статистика смертности от голода, если бы не успешное завершение испано-аргентинских торговых переговоров в сентябре 1942 года, в результате которых Аргентина взяла на себя обязательство ввезти в Испанию 1,1 млн. т пшеницы⁶². Жизненный уровень систематически снижался ростом налогов: «Государственный бюджет, который в 1942 году составил 7,9 млрд. песет

(против 5,3 млрд. в 1941 г. и 4,5 млрд. в 1940 г.), на 70% покрывается за счет налоговых поступлений и только на 15% — за счет отчислений от доходов и таможенных сборов»⁶³. Возрастающая инфляция расшатывала и без того неустойчивую экономику и тяжело отражалась на положении масс. Уже весьма значительная в 1940 — начале 1941 года, во второй половине 1941 — начале 1942 года инфляция усугубилась форсированной эмиссией бумажных денег: 5 июня был опубликован декрет, представляющий право Банку Испании отдавать предпочтение в выпуске банкнот Национальной монетной фабрике. До этого франкистская Испания не печатала собственных банкнот, в обращении находились денежные знаки, отпечатанные в Германии и Италии⁶⁴. Банк Испании постарался воспользоваться предоставленным ему правом, и к банкнотам, которые все еще печатались в странах «оси», прибавились свои, отечественные, и страна оказалась наводненной огромным количеством только что отпечатанных бумажных денег, за значительной частью которых не стояло никаких реальных ценностей.

Время шло, а экономическое положение страны все еще не стабилизировалось настолько, чтобы обеспечить Франко свободу действий на внешнеполитической арене.

17 июля 1942 г. Франко выступил с трибуной перед Национальным советом фалянгистов. Он, как и всегда, восхвалял тоталитаризм и обливал презрением демократию. И, конечно, выразил свою твердую уверенность в том, что страны «оси» в скором времени сокрушат коммунизм: «В Европе существует только один опасный враг — коммунизм, и только одна система, способная его победить, — тоталитарный режим»⁶⁵, — заявил он.

Однако истинным лейтмотивом этой речи, как и многих других его речей в то время, были мрачные намеки и предостережения по поводу «нечестного и нежелательного поведения некоторых испанцев»⁶⁶. Поводов для недовольства властей поведением «некоторых» испанцев было достаточно. «Большинство населения неизменно остается «красным», хотя между отдельными группами «красных» существуют глубокие расхождения»⁶⁷, — отмечал корреспондент швейцарской газеты в июне 1942 года. Для автора статьи «красными» были все те, кто остался верен идеалам Республики, от коммунистов до буржуазных республиканцев включительно.

Борьба против франкистской диктатуры внутри стра-

ны принимала самые разнообразные организационные формы. В горах Андалузии, Астурии и Леона продолжали действовать партизанские отряды, созданные там сразу после захвата франкистами этих областей в годы гражданской войны. Положение этих отрядов было крайне тяжелое. Большие отряды полиции, созданные специально для борьбы с партизанами, блокировали партизанские районы. Партизаны были лишены необходимого вооружения, с огромным трудом доставали продовольствие. Только Коммунистическая партия Испании поддерживала связь с партизанами, остальные оппозиционные политические партии их покинули. И все же существование партизанских отрядов, временами трагическое, было одним из компонентов, из которых складывалась пресловутая неустойчивость франкистского режима.

Партизанское движение не было единственной формой антифранкистской борьбы. Почти во всех крупных городах Испании существовали подпольные ячейки бывших политических партий. Наибольших успехов в создании сети нелегальных организаций удалось добиться Коммунистической партии. «Число испанских коммунистов было едва ли велико, но они были единственной группой в Испании, кроме фаланги, которая была хорошо организована и дисциплинирована, которая точно знала, чего она хочет, и которая не колебалась в использовании средств для достижения своих целей»⁶⁸, — эту оценку дает К. Хейс, посол США в Испании с мая 1942 года.

Террор вырывал из рядов компартии ее лучших руководителей и борцов — в течение 1941—1942 годов были казнены многие коммунисты, с большими трудностями нелегально возвратившиеся в Испанию из эмиграции. Компартия вновь и вновь налаживала сеть подпольных организаций. К началу 1942 года стали возрождаться первые подпольные группы анархистов и социалистов. В 1942 году анархо-синдикалистам Барселоны удалось выпустить несколько номеров подпольной газеты «Френте де ля Либертад»⁶⁹. Но подпольные организации различных тенденций не были связаны между собой — старые распри, которые так существенно ослабили способность к сопротивлению в последний период гражданской войны, не были забыты, что в конечном счете снижало эффективность антифранкистской оппозиции. Однако компартия не оставляла надежды на объединение всех сил, недовольных политикой франкизма.

Как известно, помимо левых сил антифранкистской оппозиции в стране имелись правые политические группы, которые, не выступая против режима диктатуры в целом, с большим неодобрением относились к планам вовлечения Испании в войну. Идея последовательного нейтралитета и была тем стержнем, вокруг которого компартия попыталась объединить все силы, выступавшие против участия Испании в войне. Одним из первых антивоенных документов, имеющих общенациональное значение, был манифест ЦК КПИ в августе 1941 года с призывом бороться за то, чтобы Испания не сыграла роль пособника германского империализма в войне против СССР.

В сентябре 1942 года компартия предприняла еще одну попытку объединить силы тех, кто выступал не только за нейтралитет Испании, но и против всех форм сотрудничества с Германией. В сентябрьском манифесте 1942 года говорилось: «Значение переживаемого нами периода обязывает отменить разделявшие нас до нынешнего дня разногласия, ненависть и страсти... и спасти наш народ от войны и гибели, в которую хотят ввергнуть его Франко и фаланга»⁷⁰.

И партизаны, и сеть подпольных организаций запрещенных политических партий составляли оппозицию, существующую как бы вне франкистского общества. Но была оппозиция и внутри институтов, созданных фашистским режимом. Большинство рабочих, принудительно включенных в вертикальные профсоюзы, в недалеком прошлом были членами классовых профсоюзов — ВСТ и НКТ. Многие из них сохранили верность идеалам своих прежних организаций и не могли примириться с тем, что новые профсоюзы были начисто лишены функций защиты классовых интересов пролетариата. Оставаясь до поры до времени в тени, эти группы уже тогда начали вести борьбу с государственными профсоюзами⁷¹. В официальной испанской пропаганде, преднамеренно упрощавшей положение вещей, фаланга всегда изображалась как идеологически прочный блок. Однако разнообразные ультраправые партии и группировки, искусственно объединенные, со временем так и не растворились в фаланге и между ними не прекращались распри. Полиция раскрывала один за другим заговоры, подготовленные фалангистами «ультра», фанатически преданными Германии и нацизму. Однако руководителей фаланги тревожили не столько «ультра», сколько время от времени поступаю-

шне сообщения от полиции, что среди членов фаланги имеются бывшие «левые». Поэтому в 1941—1942 годах новым генеральным секретарем Луисом Арресе были приняты превентивные меры по очищению организации от «скверны». По декрету от 28 ноября 1941 г. была проведена реорганизация фаланги. Были созданы четыре главных управления фаланги, каждое из которых возглавлялось вице-секретарем.

Первое управление ведало «фронтом молодежи», женскими секциями, провинциальными организациями фаланги, обществами ветеранов и бывших военнопленных «националистов», внешними связями. В ведении второго управления были национальные синдикаты, социальная помощь. Третье управление, именуемое иначе вице-секретариатом народного просвещения и пропаганды, курировало прессу, радио, кино, театры. И, наконец, четвертое управление объединяло отделы финансов, права, здравоохранения, спорта, а также отдел личного состава⁷².

Едва чиновники и функционеры справились с реорганизацией, как министр, генеральный секретарь Арресе, 26 февраля 1942 г. отдал распоряжение о всеобщей индивидуальной чистке фаланги. Инструкция о чистке включала в себя 23 статьи и приложение. Основными критериями фалангистской чистоты были признаны безукоризненное, с фашистской точки зрения, прошлое и не вызывающая сомнения преданность лично каудильо и основным принципам Национального движения⁷³.

Фалангистские лидеры подозревали всех и каждого в «нелояльном» образе мышления и в «красном» прошлом. Результаты чистки никогда не были официально опубликованы, но следующая за чисткой волна арестов свидетельствовала о том, что подозрения руководителей фаланги не были лишены некоторых оснований⁷⁴.

Возможно, именно потому, что поколение, пережившее революцию и гражданскую войну, хранило в памяти многое такое, что было совершенно ненужным и даже вредным с точки зрения идеологов фашизма, руководители фаланги и уделяли такое повышенное внимание воспитанию детей и молодежи. Третьего декабря газета «Арриба» опубликовала следующие сведения о детских и юношеских организациях фаланги: в молодежных секциях насчитывалось 564 999 мальчиков и юношей в возрасте от 7 до 18 лет, 282 952 девушки от 7 до 18 лет⁷⁵.

Юные фалангисты, число которых приближалось к

миллиону, воспитывались в духе клятвы, которую давал каждый вступающий в организацию: «Обещаю не иметь иной гордости, кроме гордости своей страны, и жить под руководством Испанской традиционалистской фаланги в послушании и радости, энтузиазме и терпении, мужестве и молчании... Обещаю отвергать и игнорировать голос, который может ослабить дух нашей фаланги, будь то голос друга или голос врага». Но должно было пройти известное время, чтобы созрели плоды франкистского просвещения.

Очевидцы событий, а вслед за ними и многие исследователи утверждали, что вплоть до осени 1942 года внутреннее положение в стране занимало Франко гораздо больше, чем международные дела. По словам Хейса, «весна и лето 1942 г. были временем настоящей эпидемии студенческих бунтов, скандалов и уличных волнений, так что испанские тюрьмы начали пополняться не только одними «красными», но и ссорящимися «патриотами»⁷⁶. Обозреватель цюрихской газеты «Ди вельтвохе», анализируя причины, по которым Испания до сих пор сохраняла нейтралитет, несмотря на открытое выражение симпатий к державам «оси» со стороны руководителей страны, пришел к выводу о том, что для Испании вступление в войну едва ли возможно. И дело не только в медленно восстанавливавшейся экономике, которая лишь весьма приблизительно покрывала потребности собственного населения, сколько в политической неустойчивости режима. «Фаланга, которая претендует на то, чтобы быть носителем политической мощи, имеет очень мало корней в народе, в то время как сам генерал Франко находит признание больше как военный деятель. Народ отвергает фалангу, члены которой имеют все необходимое, в то время как население нуждается. Между фалангой и рекете, которая является вторым правительственным компонентом, имеются значительные политические различия. Военные образуют третий правительственный компонент»⁷⁷. Но интриг между группами и группировками внутри правящего лагеря было гораздо больше, чем это названо в статье швейцарского журналиста. В связи с заявлением о своем праве на престол дона Хуана, сына недавно умершего Альфонса XIII, вновь оживились никогда не прекращавшиеся старые распри между карлистами (традиционалистами) и альфонсистами, между монархистами-консерваторами и монархистами-прогрессис-

тами. Внутри правящей партии никогда не прекращались разногласия между носителями монархистской и антимонархистской тенденции. Летом 1942 года эти разногласия обострились в связи со слухами о готовящемся компромиссе Франко с монархистами. И когда в июне 1942 года Суньер отправился в Италию, его визит к Муссолини всезнающая и всеведущая молва связала с обсуждением проблемы возможности восстановления испанской монархии. Шторер сообщил в своем донесении в Берлин 11 июня 1942 г.: «Сегодня уже весь Мадрид говорит о том, что испанский министр иностранных дел поехал в Италию, чтобы обсудить с итальянскими государственными деятелями вопрос о монархии...»⁷⁸. Слухи подтвердились и на этот раз.

15 июня Суньер прибыл в Италию, 16-го — присутствовал на завтраке у короля, а 20-го был принят Муссолини. Как свидетельствует Чиано, во время встречи Суньера с Муссолини действительно обсуждался вопрос о монархии. Чиано записал в своем дневнике 20 июня: «Муссолини выразил враждебность к монархии как к потенциальному естественному врагу тоталитарных революций. Он полагал, что пройдет немного времени и в Испании у короля возникнет желание задуть фалангизм».

О монархии в те дни так много говорили в Испании, что этой теме Хейс посвятил свое донесение Рузвельту от 30 июня 1942 г. В этом донесении Хейс выразил свою уверенность в том, что теперь уже не является первоочередным вопросом о вступлении Испании в войну или об активной помощи державам «оси». Первостепенным является вопрос о «внутреннем устройстве Испании в течение ближайших месяцев или лет». Он полагал, что, вероятнее всего, произойдет «реставрация монархии или путем военного переворота, или при помощи покровительства Франко. Восстановленная монархия будет едва ли не наперняка и более либеральной, и более дружественной к нашему делу»⁷⁹.

В том, что «реставрация монархии в Испании будет полезной союзникам в течение и после войны», был убежден и английский посол С. Хор, который во время первой же встречи с Хейсом просил его оказать поддержку монархистам.

Суньер во время визита к Муссолини утверждал, что Англия тратит 10 млн. песет в месяц на британскую про-

паганду в Испании⁸⁰. Известная часть этих средств, возможно, шла на пропаганду идей реставрации монархии.

Но Франко не спешил выпускать власть из своих рук, и надежды на реставрацию монархии при покровительстве самого Франко были едва ли обоснованными. Скорее всего, все эти разговоры в правительственных кругах были лишь очередным маневром, задуманным самим Франко в надежде снискать расположение Англии и США, маневром, который был составной частью его курса на постепенную внешнеполитическую переориентацию. Франко и его окружение отдавали себе отчет в том, что реставрация монархии и для монархической Англии, и для республиканской Америки представлялась наиболее приемлемым решением «испанской проблемы». И с фашизмом как будто будет покончено, и возрождения демократической республики, а возможно, и повторения событий 1936—1939 годов в каком-либо варианте удастся избежать. И хотя расставание с властью не входило в планы диктатора, однако все эти толки вокруг проблемы реставрации встревожили экстремистов в фаланге, для которых нацистская Германия была образцом решения всех внутренних и внешних проблем и которые тем не менее, по словам Ридруехо, считали себя самой «революционной» группой в фаланге. «В этой группе господствовало представление о том, что все беды и недостатки в Испании, включая нищету и социальную несправедливость, происходят главным образом из-за подчинения англо-французской гегемонии», — отмечает Ридруехо, который сам когда-то в прошлом принадлежал к этой группе. С победой «оси» связывалось создание единой Европы, независимой и могучей, в которой Испания — не известно только каким образом — сможет играть важную роль»⁸¹.

Именно с этой группой постоянно поддерживали тесную связь многочисленные агенты VI отдела Главного управления имперской безопасности, которые умело подогревали пронацистские настроения ее членов. Поскольку среди монархистов, как альфонсистов, так и традиционалистов, было много англофилов, это усиливало к ним ненависть и как к противникам «оси» со стороны фанатически преданных нацизму фалангистов-экстремистов.

Кризис достиг кульминационного пункта в августе 1942 года: 14 августа на военного министра генерала Валеру — карлиста и, по твердому убеждению германских

агентов, англофила — во время мессы в Бильбао в память павших во время гражданской войны традиционалистов было совершено покушение. Когда Валера выходил из церкви, на улице взорвалась бомба. Сам Валера остался жив, но несколько человек из его окружения были убиты или ранены. Полицейское расследование обнаружило, что участники покушения принадлежали к фалангистской молодежной организации, и один или два из них были тесно связаны с Серрано Суньером. Прослеживалась связь и с германскими нацистами⁸². Немедленно были введены новые строжайшие указания для цензуры, и, в то время как испанское радио и пресса даже не касались покушения, слухи о нем, подобно лесному пожару, распространились по всей Испании⁸³. Строились самые различные предположения о том, что же предпримет Франко? Даст ли отставку Серрано Суньеру и распустит фалангу, как того требовали традиционалисты? Или даст отставку Валере и подвергнет репрессиям традиционалистов, как того требовали фалангисты? 27 августа Франко прервал свою традиционную поездку по провинциям и возвратился в Мадрид. Несмотря на поздний час, между Франко и его зятем состоялась беседа, о содержании которой можно только догадываться. На другой день три министра — генерал Валера, генерал Вигон и адмирал Морено — были вызваны в резиденцию Франко Эль-Пардо, где пробыли довольно длительное время.

1 сентября был казнен организатор покушения. Серрано Суньер попытался его спасти, но безуспешно⁸⁴.

3 сентября в вечерних газетах было официально объявлено о частичной смене кабинета: министром иностранных дел был назначен монархист граф Франсиско Гомес Хордана, министром внутренних дел — проф. Блас Перес, военным министром — генерал Асенсио. Серрано Суньеру была дана отставка.

«Тот «экзальтадо», который бросил бомбу в тогдашнего военного министра. Валеру и затем за свой поступок был приговорен к смертной казни, сослужил плохую службу своему делу», — комментировал события, приведшие к правительственному кризису, корреспондент швейцарской газеты «Фатерланд» в статье с примечательным названием «Останется ли старый курс?»⁸⁵. Если иметь в

виду коллег фалангистского террориста по партии, то нельзя с этим не согласиться — после окончания расследования обстоятельств покушения на Валеру новая волна чистки обрушилась на фалангу, дабы устранить и изолировать реальных и потенциальных заговорщиков. Но для самого Франко августовские события оказались весьма своевременными. Суньер был одиозной фигурой, ассоциировавшейся с открытой прогерманской линией внешней политики Испании, и Франко воспользовался его связями с заговорщиками, чтобы дать ему отставку. «Эра куньядисимо кончилась», — шептались в те дни в Мадриде. Строились различные предположения по поводу возможных изменений во внешнеполитическом и внутриполитическом курсе. Контролируемая правительством пресса была заполнена статьями, в которых с уверенностью утверждалось: никакой смены линии, никакого разрыва с прежними друзьями, никаких переходов в другую группировку держав. Частичная смена кабинета, уверяли испанские газеты, не означает разрыва ни с прежней внешнеполитической линией правительства, ни с проводившейся до сих пор линией активной борьбы с коммунизмом⁸⁶. Газета «Арриба» с негодованием писала о тех, кто «смеет говорить о смене правительства, в то время как в нашем отечестве есть только одно неизменное правительство: каудильо, генералиссимус армии и национальный шеф фаланги»⁸⁷. Никаких видимых изменений в правительственном курсе не произошло. Новый военный министр генерал Асенсио весьма благосклонно относился к фаланге и державам «оси». Первым актом Хорданы как руководителя испанской дипломатии было совещание с послами Германии и Португалии⁸⁸. Но тем не менее назначение министром иностранных дел Хорданы некоторые сочли признаком возможных изменений во внешнеполитическом курсе Испании. Для демократической части лагеря противников «оси» шестидесятипятилетний Гомес Хордана был достаточно одиозной фигурой. Он был верховным комиссаром в Испанском Марокко в 1920 году, не впервые возглавлял министерство иностранных дел: в 20-е годы на короткое время при монархии, а в 1938—1939 годах — в правительстве Франко. Он не принадлежал к «старой» аристократии, графский титул был впервые получен его отцом, также генералом, в 1895 году за «заслуги» на Кубе. Его монархические традиционалистского толка убеждения были широко известны.

Но «консервативное»⁸⁹ крыло лагеря противников «оси» связывало с Хорданой определенные надежды. Эти надежды разделялись и послами Англии и США в Мадриде, которые знали его как человека пробританской ориентации. Не удивительно, что Хор, этот типичный торговец, очень лестно отзывался о нем как о «самом добросовестном из всех испанских министров», рабочий день которого продолжается одиннадцать с половиной часов⁹⁰. Не менее лестную характеристику карлисту Хордане дает и представитель заокеанской республики демократ Хейс, который был твердо убежден в симпатиях нового министра к Англии и США⁹¹.

Первая встреча Хорданы с Хейсом произошла 8 сентября и, судя по всему, оправдала ожидания американского посла. Во время этой первой беседы с Хорданой, по словам Хейса, «выяснилось его горячее желание улучшить отношения с Соединенными Штатами. Он утверждал, что... искренне восхищается Соединенными Штатами и что величайшим его желанием было сделать все, что в его власти, чтобы удержать Испанию от вступления в войну и улучшить отношения с Соединенными Штатами»⁹². Хордана выразил благодарность за американский нейтралитет во время гражданской войны⁹³.

Вскоре франкистской дипломатии представился очень удобный случай провести зондаж внешнеполитических намерений правительства США, прежде всего в отношении Испании.

Это произошло в конце сентября 1942 года, когда личный представитель Рузвельта в Ватикане М. Тейлор возвращался в Вашингтон. Путь из Рима лежал через Мадрид, и 28 сентября Тейлор прибыл в столицу Испании. На следующий день он посетил папского нунция, присутствовал на обеде в американском посольстве, данном в его честь Хейсом, на котором был и Хордана, а 30 сентября намеревался вылететь на испанском самолете в Лиссабон. Когда он уже был на аэродроме, ему сообщили, что полет отменяется по распоряжению «высокого лица». Тейлор вернулся в американское посольство и только тогда стало известно, что Франко ожидает его в своей резиденции в Эль-Пардо. В полуторачасовой беседе активно участвовали только Франко и Тейлор, Хейс и Хордана лишь присутствовали при этом. Вся весьма пространный и, как предполагал Хейс, заранее подготовленная речь Франко, с которой и началась беседа, представляла

собой самый откровенный зондаж позиции США. Франко заявил, что США ведут с Японией войну, совершенно отличную от той, которая ведется в Европе; что война в Европе представляет собой борьбу против коммунизма, и в этой борьбе США не примут участия; что Гитлер — честный джентльмен, который не искал ссоры с Англией да и теперь не посягает на ее независимость, и что величайшим врагом Англии и Соединенных Штатов, так же как и Германии и Италии и всего христианского мира, является «варварская восточная коммунистическая Россия»⁹⁴.

Тейлор, по словам Хейса, не только не согласился с тезисом Франко, но и серией вопросов добился от него признания, что Соединенные Штаты ведут войну, в которой участвуют все державы «оси», а не только Япония, что Гитлер не уважает независимости народов и не намеревается уважать целостность Британской империи и что нацистская Германия, а не коммунистическая Россия первой вступила на путь войны. Тейлор дал понять Франко, что США намереваются закончить войну победой.

В тот же день Хейс в письме сообщил Рузвельту о различных предположениях собственно германских, а также фалангистских газет о цели миссии Тейлора. Одни высказывали предположение, что это «мирная увертюра» США, другие, — что это попытка США оторвать Италию от «оси» и заключить с ней сепаратный мир. Сплетники, которые в Испании болес информированы, чем контролируемая пресса, придавали поездке Тейлора сенсационный характер и высказывали предположения, что она не сулит ничего хорошего для Германии. Для «американского дела» в Испании, заключает Хейс, визит Тейлора был психологически как нельзя больше своевременным и нужным. Весьма возможно, что Франко произвел зондаж по просьбе Берлина, так как суть его высказываний, которым зачастую намеренно придавалась парадоксальная форма, сводилась к выяснению возможностей заключения сепаратного мира с Англией и США и создания объединенного антикоммунистического фронта против Советской России. Этот зондаж очень много дал и самому Франко, окончательно убедив его в необходимости продолжать постепенную внешнеполитическую переориентацию, одной из ступеней которой была замена германофила и фалангиста Серрано Суньера англофилом и монархистом графом Гомесом Хорданой на посту министра

иностранных дел. Своеобразной реакцией на иное соотношение внешнеполитического «баланса сил» были все возрастающие нападки представителей высшей церковной иерархии Испании на нацизм и идеологию тоталитаризма. Отношение к германским нацистам у высших прелатов испанской церкви было весьма сложное. Германский фашизм способствовал победе Франко, которому церковь была многим обязана: Франко отменил антиклерикальное законодательство периода Республики, восстановил религиозное обучение в школах, восстановил положение 1851 года о пенсиях служителям культа, вернул церкви ее собственность и т. д. Им было известно резко отрицательное отношение к католицизму Гитлера и вслед за ним многих руководителей германского рейха⁹⁶. Им были известны заявления Гитлера, сделанные Суньеру, что «он в общем не вмешивается в дела церкви, но требует, однако, чтобы церковь в свою очередь не пыталась вторгаться в сферу государственной власти»⁹⁷. Но до поры до времени католические прелаты считали нужным сдерживать свое недоброжелательство к немцам, имея в виду общую направленность испанской внешней политики. С конца лета 1942 года они, напротив, неоднократно демонстрировали свое негативное отношение к тем или иным аспектам нацистской идеологии. Незадолго до падения Суньера новый примас испанской церкви архиепископ Толедо Пла-и-Даниэль в беседе с американским послом сетовал на то, что при Суньере и его приближенном Хосе де Луна нацистское влияние привело к распространению расизма. В разное время Франко и франкисты выступали против евреев в той же мере, как и против масонов, либералов и коммунистов, но лишь как против иноверцев. Фаланга пыталась привить антисемитизм расистского толка, что, по мнению того же Пла-и-Даниэля, было чуждо испанскому народу. Пытаясь заслужить благоволение церкви, фалангистская пропаганда даже создала миф о Гитлере как о «великом католике», что вызвало гнев у церковников. Франко держался в стороне, не вмешиваясь в распри церкви и фаланги. В конце сентября 1942 года с разрешения архиепископа Толедо в его официальном бюллетене была опубликована большая статья, подготовленная кардиналом Сегурой, в которой решительно осуждалась переведенная на испанский язык нацистская книга, излагающая доктрины расизма, принудительной стерилизации «неполноценных» народов и т. д.⁹⁸

Франко по-прежнему оказывал посильную поддержку Германии. В далекую Россию шли воинские эшелоны для пополнения «голубой дивизии», которая в это время была перебросена под Ленинград, где ей предстояло сыграть отведенную ей германским командованием роль в осеннем наступлении на Ленинград. В Германию шли эшелоны со стратегическим сырьем, американским бензином и аргентинской пшеницей. На испанских морских базах находили себе пристанище германские подводные лодки. Во славу германского капитала продолжал свою деятельность концерн Ровак — Софиндус. Испанские дипломаты и сам Франко выполняли «деликатные» поручения Берлина. Испанские газеты по-прежнему прославляли германское оружие. Однако в той двойной игре, которую франкистская Испания вела на протяжении второй мировой войны, произошли определенные изменения. Эти изменения были еще очень незначительны, и официальные круги США и Англии пытались воздействовать на «маленького генерала» в надежде «умиротворить» его. С этой целью 28 августа 1942 г. по инициативе Рузвельта был принят план спасения и охраны произведений искусства, рукописей, литературы и знаменитых памятников архитектуры Испании с целью поощрения в будущем туризма из Западного полушария при неременном условии соблюдения испанским правительством строгого нейтралитета⁹⁹. То было время, когда заканчивались последние приготовления к операции «Торч». Эта операция была задумана как замена открытия второго фронта в Европе высадкой в Северной Африке¹⁰⁰. Окончательное решение о высадке в Северной Африке было принято Англией и США еще 25 июля 1942 г. В течение августа — сентября были разработаны и уточнены детали будущей операции и, как свидетельствует У. Черчилль, «окончательное решение о проведении операции было принято 22 сентября на заседании начальников штабов... Дата операции «Торч» была назначена на 8 ноября»¹⁰¹.

Мнения относительно позиции Испании в связи с операцией «Торч» разошлись. Самуэль Хор не сомневался в том, что Испания вступит в войну на стороне «оси». Черчилль колебался. В послании президенту Рузвельту от 26 августа 1942 г. он писал: «С моей точки зрения было бы разумно предположить: а) что Испания не вступит в войну с Англией и Соединенными Штатами из-за «Торч»; б) что понадобится, по крайней мере, два месяца для то-

го, чтобы немцы смогли проникнуть через Испанию или добиться у нее каких-либо баз...»¹⁰². Две недели спустя его уверенность поколебалась: по его собственному признанию, его «беспокоила Испания». В послании бригадир Хиллису для комитета начальников штабов он писал 16 сентября 1942 г.: «Нам придется очень пристально следить за реакцией Испании на подготовку «Торч», которая станет очевидной в Гибралтаре... Что произойдет, если приблизительно за две недели до даты «Торч» немцы окажут нажим на Испанию, потребуют объяснений по поводу этой подготовки и заставят очистить нейтральную полосу, либо разрешить им использовать аэродромы Валенсии для своих самолетов? Какова возможная испанская реакция на этот нажим и какой должна быть наша позиция? Нам, возможно, придется столкнуться с Франко по этому поводу в самый неблагоприятный момент. Я думаю, что нам следует подготовить планы на этот счет»¹⁰³.

В послании к государственному секретарю Хэллу от 9 октября 1942 г. он советовал не вступать на испанскую территорию, если только сама Испания или страны «оси» не вынудят к этому. Вторжение на территорию Испании могло, по мнению Хейса, привести к вступлению Испании в войну на стороне «оси», что создаст дополнительные трудности для союзников, к тому же будет нанесен моральный ущерб позиции США¹⁰⁴.

В результате изучения положения в Испании Хейс пришел к выводу, что в том случае, если вооруженные силы Объединенных Наций после высадки во Французском Марокко не нарушат неприкосновенности испанской территории, «Испания, возможно, останется нейтральной и даже может склониться к тому, чтобы выступить на нашей стороне»¹⁰⁵. Рузвельт не разделял оптимизма своего посла, так же как и командующий силами союзников генерал Эйзенхауэр, который в сентябре 1942 года в одном из своих донесений в Вашингтон писал, что, если Испания вступит в войну на этой стадии, последствия будут «очень серьезными»¹⁰⁶.

3 сентября 1942 г. Рузвельт писал Черчиллю: «Как мы с вами решили уже давно., вы (т. е. англичане. — С. П.) должны будете заниматься положением в Испании»¹⁰⁷. 11 октября Хейс получил указание сообщить Франко, что «желание Испании остаться в стороне от войны находит полное признание в Соединенных Штатах». 30 октября Хордана сообщил Хейсу, что аналогичные заверения по

указанию своего правительства сделал и С. Хор¹⁰⁸. Опасения Рузвельта в связи с возможным вступлением Испании в войну были так велики, что накануне высадки англо-американских войск в Северной Африке он счел необходимым направить личное послание Франко. Посол К. Хейс получил инструкцию, не мешкая, передать письмо Франко.

В час ночи в субботу, 8 ноября, Хейс позвонил по телефону Хордане и попросил немедленно принять его. Хордана встретил посла в пижаме и был очень встревожен. Хейс заявил о своем желании немедленно встретиться с Франко для передачи срочного послания президента Рузвельта. После безуспешных попыток в течение получаса связаться по телефону с Эль-Пардо, загородной резиденцией Франко, Хордане ответили, что Франко нет во дворце, что он охотится и вернется только утром. После длительных уговоров Хейс все-таки показал письмо Рузвельта Хордане¹⁰⁹. Тон послания Рузвельта был необычайно любезным: «Поскольку Ваш народ и мой — друзья в самом лучшем смысле этого слова и поскольку я искренне желаю продолжения этой дружбы к нашей взаимной выгоде, я хочу очень просто рассказать Вам о причинах, заставивших меня отдать приказ американским вооруженным силам высадиться во французских владениях в Северной Африке». Рузвельт сообщил об имеющейся у него точной информации относительно намерения Германии и Италии захватить французскую Северную Африку. «С Вашим обширным военным опытом Вы должны ясно представить, что в интересах обороны Северной и Южной Америки необходимо безотлагательно принять меры для предупреждения захвата державами «оси» французской Африки», — льстил президент. Он заверил Франко, что эти действия никоим образом «не направлены ни против правительства или народа Испании, ни против Испанского Марокко и испанских территорий — метрополии или заморских территорий». В заключение президент выразил надежду, что «испанское правительство и испанский народ желают сохранить нейтралитет и остаться в стороне от войны. Испания ничто не грозит со стороны Объединенных Наций»¹¹⁰. Когда Хордана прочел послание Рузвельта, он вздохнул с облегчением: «Итак, Испания не будет втянута»¹¹¹. По-видимому, в условиях, когда на Западе начинают разворачиваться активные боевые действия, он ожидал худшее.

Получив послание, Франко ответил не сразу. Прежде всего он поручил Хордане без промедления обратиться с запросом к германскому и итальянскому правительствам о том, «какую позицию должна занять Испания относительно заявления американского и английского правительств, обращенного к испанскому правительству»¹¹². И только после того как через послов держав «оси» был получен ответ, Франко 10 ноября направил послание Рузвельту. В этом письме Франко заверил Рузвельта в том, что он испытывает к нему такие же дружеские чувства и прилагает усилия, чтобы устранить все, что могло бы помешать развитию отношений между двумя странами во всех сферах. По его словам, он «с благодарностью принимает гарантии», заверяет Рузвельта, «что испанский народ знает цену миру и искренне желает мира для себя и для всех других народов»¹¹³.

На самом деле Франко не доверял обещаниям Англии и США сохранить нейтралитет Испании. 16 ноября Франко подписал декрет о частичной мобилизации, который был официально опубликован 18 ноября. В преамбуле декрета шла речь о «решимости Испании защитить свою целостность и свой суверенитет»¹¹⁴. В начале декабря американский посол Хейс с тревогой сообщил о том, что генерал Ягуэ, один из командующих группой войск в Испанском Марокко, в речи, произнесенной им перед войсками в Мелилье, советовал сотрудничать со странами «оси»¹¹⁵.

Пресса и радио Испании занимали откровенно благожелательную позицию к странам «оси». Когда американский посол в беседе с Хорданой пожаловался на прогерманскую кампанию в прессе, Хордана с явным неудовольствием высказался по поводу «имеющейся в стране большой группы людей, которые помнят только гражданскую войну и которые по-прежнему стоят за такое же резкое размежевание сил, что и в те времена». По мнению Хейса, Хордана имел в виду фалангу¹¹⁶. Однако Хордана не был вполне искренен с послом США, поскольку в это время сам он прилагал энергичные усилия для укрепления отношений с Германией и Италией, добиваясь согласия на поставки германского оружия.

В середине ноября возобновились испано-германские экономические переговоры, прерванные в начале сентября 1942 года «вследствие смены испанского министра иностранных дел»¹¹⁷. 9 ноября начальник торгово-политичес-

кого отдела германского министерства иностранных дел Виль поставил Риббентропа в известность о том, что «Хордана хочет использовать экономические переговоры для того, чтобы, принимая во внимание военную обстановку в Северной Африке, получить от нас больше оружия, чем мы обещали до сих пор».

Франко и Хордана настаивали на том, чтобы «эти поставки проводились уже сейчас, не дожидаясь заключения общего соглашения с испанским правительством относительно поставок оружия»¹¹⁸. Но в Берлине имелись весьма серьезные сомнения в том, что Испания желает бороться против «западных» врагов Германии.

В декабре 1942 года Гитлер принял в своей штаб-квартире генерала Муньоса Грандеса, возвращавшегося в Испанию. В доверительной беседе Гитлер заявил: «Мы посылали бы оружие не только в достаточном количестве, но и требующегося высшего качества, если бы были уверены, что Испания выступит с оружием в руках против всякой попытки проникновения или нападения со стороны наших противников. При этом безразлично, будет ли эта попытка вражеского нападения направлена против Танжера, Испанского Марокко или материка. Не менее важна для нас уверенность в решимости Испании вступить в борьбу в случае возможной англо-американской высадки в Португалии. Если бы у нас не было этой уверенности, то нам было бы жаль каждой пушки, поскольку тогда нам пришлось бы считаться с тем, что это ценное оружие не только было бы послано напрасно, но и могло в полной сохранности попасть в руки к американцам»¹¹⁹. Гитлер просил генерала Муньоса Грандеса выяснить в Испании этот вопрос и откровенно сообщить ему о результате.

18 декабря 1942 г., во время беседы в ставке германского командования в присутствии фельдмаршала Кейтеля, Риббентропа, Чиано и итальянского генерала Кавальеро, Гитлер вновь связал осуществление поставок немецкого оружия в Испанию с определенными политическими условиями: «В отношении Испании я согласен с Муссолини: я готов дать ей оружие, если она возьмет его для защиты колоний или своей территории, а также на случай нападения на Португалию»¹²⁰. 28 декабря Риббентроп поставил в известность ответственного чиновника германского посольства в Мадриде Геберлейна, что Берлин ожидает от испанского правительства решения,

даст ли оно гарантии в том, что отразит с оружием в руках всякое требование союзников. При этом Риббентроп настаивал на том, чтобы Геберлейн воздержался от нажима на испанское правительство, чтобы ускорить принятие им решения: «Испанское правительство само полностью уяснит себе важность этого дела, и у него не должно создаваться впечатление, что мы собираемся его особенно торопить»¹²¹.

В начале января в Мадрид был назначен новый германский посол Ханс фон Мольтке, в прошлом посол в Варшаве. Испанские газеты сообщили, что Мольтке назначен по рекомендации Риббентропа¹²². В январе он нанес свой первый визит министру иностранных дел Хордане. Во время беседы, которая прошла в подчеркнуто дружеской обстановке, речь шла в основном об условиях германских поставок оружия. Мольтке было известно, что на завтра назначен отъезд в Германию министра по делам фаланги Арресе, который, возможно, повезет с собой письмо Франко. В связи с этим он заявил Хордане, что ему «кажется важным, если такое письмо будет написано, чтобы его содержание действительно создало предпосылки для предусмотренных германских поставок вооружения в Испанию»¹²³.

Время шло, а испанское правительство не спешило дать те гарантии, которых от нее ожидал Берлин, и на этот раз, по-видимому, Мольтке получил инструкции «воздействовать» на Мадрид. В ответ на напоминание Мольтке Хордана заметил, что при существовании дружеских отношений между Германией и Испанией немцы «могут быть уверены, что это оружие никогда не будет направлено» против них. Он, Хордана, «не видит опасности нападения на Испанию, и, наоборот, он получил письменные заверения об уважении испанского нейтралитета. Правда, он признает, что такие заявления имеют лишь условную ценность. Поэтому Германия все же должна быть сама заинтересована в том, чтобы три миллиона испанских солдат были достаточно вооружены для защиты своей страны и чтобы Германия не была вынуждена посылать свои собственные дивизии в Испанию»¹²⁴. У Мольтке создалось впечатление, что детальное обсуждение условий поставок оружия и тем более того, как должно быть сформулировано будущее письмо Франко, насколько оно будет соответствовать воле руководителей Германии, было нежелательно Хордане.

Это впечатление соответствовало действительности. Ведя двойную игру, руководители франкистского государства всеми силами избегали брать на себя какие-либо письменные обязательства, которые могли бы связать им руки и ограничить их маневрирование.

В течение трех недель переговоры откладывались, поскольку руководители франкистского государства не спешили брать на себя обязательства, на которых настаивали немцы. И только убедившись в том, что без гарантий с испанской стороны немцы категорически отказываются возобновлять переговоры о поставках оружия, они согласились 12 февраля подписать протокол на условиях немецкой стороны: «Испанское правительство разъясняет в ответ на запрос имперского правительства, что оно полно решимости оказать сопротивление всякому вступлению англо-американских вооруженных сил на Иберийский полуостров,— что означает, следовательно, сопротивление в Средиземном море, Атлантике и Африке,— а равно и вступлению в испанский протекторат Марокко, и отражать таковое вторжение всеми имеющимися в его распоряжении средствами». Хордана настоял на том, чтобы в протоколе было зафиксировано «намерение германского правительства снабдить испанскую армию в возможно короткий срок оружием, военным снаряжением и военными материалами новейших образцов и в достаточном количестве». По предложению испанской стороны был включен пункт о взаимном обязательстве принять меры к тому, чтобы «декларация осталась в полной тайне»¹²⁵. Единственно, в чем Франко был постоянен и в чем не видел необходимости маневрирования, это в своем антикоммунизме. Он неустанно твердил и немцам, которых не надо было убеждать, и дипломатическим представителям союзников, что русский большевизм — враг номер один. Здесь он не стремился к соблюдению секретности, а, напротив, афишировал свою деятельность.

Свою двойную игру Франко вел настолько ловко, что вводил в заблуждение даже многоопытных дипломатов, таких, каким был посол США Хейс. 15 января 1943 г. он с уверенностью писал государственному секретарю США Хэллу: «Я полагаю, что улучшение отношений Испании с США ухудшает ее отношения со странами «оси»¹²⁶. И все же прогерманская линия во внешней политике Испании преобладала. Именно в этот период Франко предпринимает энергичные попытки расколоть антигитлеров-

скую коалицию и облегчить тем самым участь Германии.

24 января 1943 г. Мольтке был принят Франко в связи с вручением верительных грамот. Германскому дипломату был оказан особый почет — беседа продолжалась в течение часа вместо обычных 15 минут. По словам Мольтке, Франко довольно ясно подчеркнул политическую позицию Испании в войне: «Германия является другом, а Англия, Америка и большевизм — врагами его страны. Испания готова и имеет намерение в рамках своих политических возможностей помогать Германии в борьбе, которую ей предопределила судьба». Франко сам предложил, чтобы со стороны Испании «велась работа над углублением противоречий между Англией и Советским Союзом, с одной стороны, а также между Англией и Америкой — с другой»¹²⁷. По его мнению, чем дольше длится война, тем проблематичнее победа стран «оси». Поэтому он и предполагал «подумать о возможности окончания войны». На это Мольтке ответил, что «работа Испании по углублению противоречий в лагере наших противников, конечно, могла бы быть полезной»¹²⁸.

Десять дней спустя Франко встретился с английским послом С. Хором и сказал ему, в частности, следующее: «Я считаю роковой ошибкой Англии то, что она продолжает поддерживать Советскую Россию...

По одному чувству моей солидарности с Европой я полагаю, что было бы единственно правильным, если бы Англия своевременно вступила на путь компромиссного мира с Германией и тем самым отвратила коммунистическую опасность не только от Европы, но и от самой себя». Хор ответил на это, что «высказывания Франко ему представляются в высшей степени интересными и он желал бы, чтобы разговоры в этом смысле были продолжены»¹²⁹. Франко вручил ему пространный меморандум, написанный, как полагал сам Хор, Хорданой «для передачи британскому правительству». В меморандуме речь шла о том, что крайне необходимо, чтобы «народы Европы, и особенно Англия, уяснили себе, что только сильная Германия будет в состоянии создать бастион против неминуемой опасности большевизма... Уничтожение национал-социализма будет означать советизацию Германии и тем самым Европа обречена на большевизацию... Как думает Англия существовать, если от Тихого до Атлантического океана будет только одна-единственная мощная большевистская империя?..». Франко убеждал английское прави-

тельство в том, что единственной надежной крепостью, способной защитить Европу от коммунизма, может быть только Германия. Он пугал грядущей советизацией Германии и всеми вытекающими из этого последствиями: «Если бы Германия не существовала в Европе, ее следовало бы выдумать»¹³⁰. В одном из своих донесений Мольтке сообщил в Берлин, что испанское министерство иностранных дел будто бы получило из Лондона сведения, что «в Англии имеются ответственные лица и даже один член кабинета, защищающие идею мирного посредничества и всеобщего европейского фронта против большевизма». Меморандум испанского правительства и предназначался для упомянутого члена кабинета, чтобы поддержать его в его стремлениях¹³¹. Одновременно Хордана передал посланникам Ирландии, Швеции и Швейцарии меморандум, в котором излагался «план создания политической общности интересов невоюющих и нейтральных государств. Объединение этих государств должно в *соответствующий момент* после подготовки почвы среди воюющих держав выступить с *воззванием, предлагающим прекратить войну в целях совместной защиты от большевистской опасности...*». После переговоров с представителями нейтральных стран 18, 19 и 22 февраля состоялись подробные беседы графа Хорданы с С. Хором, которые завершились «настойчивым призывом Испании, обращенным к Англии, — отвернуться в интересах сохранения европейской цивилизации от России и не оставлять без внимания ни единой возможности образования общего европейского фронта против большевизма, т. е. сотрудничества с Германией»¹³². Хор держался слушателем, но поставил несколько контрвопросов, которые потребовали дополнительных консультаций Хорданы с Франко. По мнению Хорданы, его слова произвели на Хора известное впечатление.

Закоренелый мюнхенец, С. Хор вел переговоры с испанцами в значительной степени по собственной инициативе, хотя о ходе их он информировал Лондон. Откровенные антикоммунистические убеждения посла, в свое время активного поборника чемберленовской политики сговора с фашистской Германией, не могли не влиять на его позицию. Но в тот момент правительство Англии не сочло возможным официально разделить взгляды С. Хора. Весьма примечательно, что Иден в беседе с испанским послом в Лондоне герцогом Альбой в конце декабря

1942 года сетовал на то, что «условия войны принуждают его время от времени хвалить восточного союзника»¹³³.

8 марта 1943 г. Мольтке, ссылаясь на беседу с Хорданой, сообщил в Берлин, что английскому послу «поручено выразить сожаление британского правительства о невозможности принять участие в какой бы то ни было инициативе, которая могла бы заключить в себе нелояльность по отношению к его русскому союзнику»¹³⁴.

Испанцы приписали этому ответу формальный характер. И Хору, во исполнение полученных из Лондона инструкций, долго пришлось убеждать Хордану в том, что опасения Испании необоснованны, что Европе нечего опасаться России. Во всяком случае, он не верит, что Россия может начать какое-либо антиевропейское предприятие, поскольку она была союзником Англии в войне. Он предвидит, что Англия выйдет из войны еще более могучей военной, морской и воздушной державой и что ее влияние будет больше, чем когда-либо после времен Наполеона¹³⁵. Выслушав сообщение С. Хора, Хордана сказал, что он, «принимая во внимание англо-русские союзные отношения, и не ожидал иного ответа английского правительства, что ему, однако, не мешает и далее быть убежденным в том, что желание мира и стремление к единому европейскому фронту против большевизма восторжествуют и в Англии и в свое время найдут практическое выражение.

Хор молча выслушал этот ответ Хорданы»¹³⁶.

Франко не только не отказался от попыток реализовать возможность посредничества, но и в кругу близких ему лиц выразил намерение выступить перед общественностью с большой речью, в которой собирался подчеркнуть антикоммунистическую позицию Испании. Испанское правительство и ранее предлагало свои посреднические услуги и предпринимало попытки расколоть антигитлеровскую коалицию, играя на антикоммунизме. Но никогда еще его усилия «разъяснить вражеским державам и особенно британскому правительству всю опасность большевизма» не встречали такой поддержки со стороны Германии. Объясняется это прежде всего тем ошеломляющим впечатлением, которое произвели на руководителей рейха результаты Сталинградской битвы. На это прямо указал Мольтке в беседе с Хорданой 25 февраля 1943 г., говоря о событиях «последних недель, когда стала с ужасающей ясностью видна большевистская опас-

ность»¹³⁷. По-видимому, контролируемые правительством органы пропаганды получили соответствующие указания, и газеты и радио буквально захлебывались от избытка ненависти к коммунистической России. Впрочем, на этот раз досталось и «союзникам». К. Хейс во время встречи с Хорданой 22 марта 1943 г. жаловался на постоянные выпады против США, на то, что газеты необъективно преувеличивают победы стран «оси» и преуменьшают победы «союзников», не публикуют даже англо-американских официальных коммюнике¹³⁸. Цензура систематически чинит препятствия публикации фотографий, иллюстрирующих жизнь Америки. Почтовое ведомство препятствует распространению американских журналов, в то время как германские газеты и журналы беспрепятственно распространяются, в том числе и те, где помещены вульгарные карикатуры на президента Рузвельта и Элеонору Рузвельт¹³⁹. С таким же протестом обратился к Хордане и английский посол. Хордана принял протест сочувственно и, по своему обыкновению, все свалил на фалангу.

По-видимому, в эти дни Хейс с сожалением вспоминал о своем послании Хэллу от 15 января 1943 г., в котором он уведомлял государственного секретаря об ухудшении отношения Испании к странам «оси». Франкисты, как и в июне 1941 года, отбросили привычную осторожность и всеми силами демонстрировали свою прогерманскую позицию. Это было связано не только со страхом перед «большевистской опасностью», который усилился после завершения Сталинградской битвы, когда Франко впервые серьезно стал сомневаться в победе немцев, откуда и все его опасения по поводу возможной «советизации Германии». Хордана не напрасно упомянул в беседе с Мольтке о возможном вводе германских дивизий в Испанию: начиная с января 1943 года на франко-испанской границе в районе Тулуза — Перпиньян происходила усиленная концентрация германских войск. Германское командование разработало план оккупации северного побережья Испании, так называемую операцию «Гизела», которую предполагалось осуществить в апреле 1943 года¹⁴⁰.

В мае 1943 года Дениц убеждал Гитлера поторопиться с планами оккупации Испании и ввести туда войска раньше, чем будут приняты меры по «обороне» Сицилии и Сардинии. На это Гитлер ответил, что Германия не может осуществить эту операцию из-за отсутствия перво-

классных дивизий. Но это была лишь одна из причин, побудивших немцев воздержаться от выполнения плана оккупации Испании: «Они (т. е. испанцы) единственно стойкие из всех латинских народов и они будут продолжать вооруженную партизанскую войну в нашем тылу»¹⁴¹, — сокрушался Гитлер.

О планах вторжения немцев в Испанию было известно в Лондоне и Вашингтоне. Не исключалась возможность и ответной интервенции.

У. Черчилль писал генералу Исмею 17 апреля 1943 г.: «Мы не можем также исключать возможность вторжения немцев на Пиринейский полуостров, и нам следует подновить планы англо-американской интервенции в этом районе, исходя из предположения, что испанцы и португальцы окажут немцам сопротивление, в чем теперь можно почти не сомневаться»¹⁴².

К. Хейс сообщил государственному секретарю еще 15 января 1943 г. о том, что предполагаемое вторжение немцев в Испанию можно ожидать в феврале — мае¹⁴³. В меморандуме от 30 марта он вновь касается этого вопроса: «Если немцы вступят в Испанию, мы также можем вступить, не опасаясь обвинений в агрессии»¹⁴⁴.

И все же перспектива ответной интервенции была весьма нежелательна и Вашингтону и Лондону. Англо-американские правящие круги пытались избежать превращения Испании в театр военных действий, отдавая себе отчет в том, что на протяжении войны Испания продолжала оставаться политической «пороховой бочкой».

В послании президенту Рузвельту от 30 октября 1942 г. К. Хейс отметил, что «угроза коммунизма весьма реальна в Испании»¹⁴⁵.

В меморандуме государственному секретарю США от 30 марта 1943 г. К. Хейс сообщил о возможности народного мятежа в Испании в недалеком будущем: «Мятеж против существующего режима станет мятежом и против держав «оси», поскольку режим тесно связал себя с ними»¹⁴⁶.

Как в правящих кругах держав «оси», так и в лагере их западных противников имелись серьезные опасения, что вторжение на территорию Испании любой из воюющих сторон приведет к усилению левых, демократических сил на Пиренеях. А этого не хотели ни те, ни другие. В этом вопросе существовало поистине трогательное единство взглядов Вашингтона, Лондона и Берлина.

Показательно в этом отношении пространное донесение германского посла в Испании Шторера от 16 ноября 1942 г., отправленное в Берлин в то время, когда вторжение западных союзников в Северную Африку заставило заново оценить перспективы войны в Средиземноморье. «Испания,— писал посол,— попытается сопротивляться вторжению на свою территорию. Она с оружием в руках выступит против англо-американцев. В случае немецкого вторжения будут также отданы приказы оказать военное сопротивление, хотя дело едва ли дойдет до этого. В любом из двух случаев мы должны считаться с активной оппозицией красных элементов, которые получат поддержку от врага. Германское вторжение будет означать тотальную войну для Испании... Даже в случае небольших вражеских высадок следует считаться с восстанием испанского населения, особенно в сепаратистских (Страна басков и Каталония) и красных районах. Испанское правительство при нынешних обстоятельствах в любом случае не сможет подавить эти мятежи»¹⁴⁷.

Личный агент Риббентропа 20 января 1943 г. писал из Мадрида, что в случае вторжения американско-английских войск «все хорошо организованные испанские красные группы не упустят открывшихся возможностей. Вспыхнет вторая гражданская война... В некоторых испанских кругах считают, что подобные события дадут толчок ко всеобщему восстанию в Европе против «оси» (так называемый меморандум Гофмана)»¹⁴⁸. Осознание этого факта и заставило обе воевавшие на Западе коалиции не нарушать нейтралитета Испании.

Но Франко не мог знать всего этого. Он не доверял гарантиям американцев и англичан, о чем свидетельствуют настойчивые просьбы испанского правительства об увеличении поставок германского оружия, боялся немецкого вторжения. Именно желание Испании получить как можно больше оружия и прочих видов вооружения привело к возобновлению экономических переговоров с Германией в апреле 1943 года.

Экономические отношения между Испанией и Германией на протяжении 1941—1942 годов развивались весьма неровно. Это было обусловлено многими причинами. Поставки испанских товаров в Германию систематически

превышали германские поставки в Испанию. Поставки из Германии не только никогда не достигали полного эквивалента с испанскими поставками, но к маю 1942 года долг Германии по клиринговому счету составил приблизительно 1 млрд. песет¹⁴⁹. Возрастание долга Германии привело к тому, что Испания задержала дальнейшие поставки сырья, и в первую очередь вольфрама, что вызвало большое недовольство немцев. В Берлине задержку испанских товаров связывали с давлением на Испанию Англии и США, без экономической поддержки которых Испания не могла обходиться, так как экономическое и финансовое положение страны было сильно ослаблено. Это ставило ее в зависимость от поддержки извне, которую немцы не могли оказать в достаточной мере¹⁵⁰.

После представления Шторера в июле 1942 года, о чем шла речь выше, в Мадрид была направлена делегация во главе с советником Гемменом. К переговорам были привлечены представители германского концерна «Брюннер Ваффенгешафт» и испанского правительственного комитета Совета по распределению минеральных ресурсов военного значения¹⁵¹. Немцы проявили большую настойчивость, требуя увеличения поставок стратегического сырья, и прежде всего вольфрама, ванадия, свинца, молибдена¹⁵². Испанцы на этот раз обнаружили готовность пойти навстречу пожеланиям немцев и обещали поставить в 1943 году товаров на 388 млн. рейхсмарок, из них сырья на 175 млн. и продовольствия на 213 млн. рейхсмарок. Немцы намеревались поставить материалов на 230 млн. рейхсмарок, из них вооружения на 130 млн. Некоторые настоятельные испанские требования, например требование химических удобрений, германская сторона не могла полностью удовлетворить ввиду «собственной нужды»¹⁵³. Когда казалось, что переговоры были близки к завершению, в начале сентября они были внезапно прерваны из-за отставки Серрано Суньера. Хордана лично принял на себя ведение переговоров, но, сославшись на свою недостаточную подготовленность, потребовал письменного изложения германской точки зрения, которое получил в начале октября. Ответ свой он дал через месяц.

Анализируя причины, побудившие Хордану взять переговоры в собственные руки, начальник торгово-политического отдела Виль в записке Риббентропу пришел к следующему выводу:

«Во-первых, он, видимо, хочет сделать так, чтобы заключенные с нами соглашения не затруднили импорт из заокеанских стран, от которого безусловно зависит Испания... Всего с января по сентябрь было поставлено Испании хлеба и маиса 406 тыс. т, угля и кокса — около 227 тыс. т, горючего — около 136 тыс. и резины — около 1500 т, — все это товары, которые мы не были в состоянии поставить. Кроме того, Хордана хочет использовать экономические переговоры для того, чтобы, принимая во внимание военную обстановку в Северной Африке, получить от нас больше оружия, чем мы им обещали до сих пор»¹⁵⁴. Автор записки предвидел, что в ходе переговоров могут возникнуть «трудности финансирования экспорта испанских излишков». Трудности эти могут быть преодолены при условии, что военные поставки, обещанные Испании, «в действительности смогут быть осуществлены».

Отсутствие официального решения о поставках германского оружия привело к оттягиванию переговоров. Все это время, по признанию немцев, товарообмен протекал удовлетворительно: Испания возместила большей частью сырье (также и вольфрам), поставки которого в первую половину года были задержаны¹⁵⁵. Однако, как отмечал рейхсминистр хозяйства Функ, «преодоление трудностей по финансированию импорта стратегического сырья из Испании было возможно только с большим трудом и с затратой крупных сумм в валюте»¹⁵⁶.

Общий положительный внешнеторговый баланс Испании за 1942 год составил 16,5 млн. золотых песет¹⁵⁷. Валюта поступала в основном из Германии. «Сохранение этой системы в дальнейшем невозможно», — утверждал Функ.

Когда 7 апреля 1943 г. торгово-политический комитет германского министерства хозяйства единогласно пришел к выводу, что настоятельные хозяйственные потребности делают необходимым срочное возобновление переговоров с Испанией, испанское правительство изъявило свою готовность немедленно возобновить переговоры. По твердому убеждению Функа, «задача экономических переговоров должна состоять в том, чтобы выторговать максимальные ответные поставки со стороны Испании за поставки оружия, которые уже многие месяцы требует Испания и которые Германия обязалась выполнить». Он указывал, что «каждая неделя промедления в возобновлении и проведении переговоров с Испанией означает

потерю 10 млн. рейхсмарок валюты и серьезнейший прорыв в поступлении стратегического сырья, в особенности вольфрама»¹⁵³.

На этот раз испанцы оказались сговорчивее, и переговоры проходили без больших осложнений. То, чего не могли добиться немцы своими требованиями — подчинить «экономические отношения политической необходимости», — сделал страх Франко перед возможным иностранным нашествием.

Экономические отношения с Италией протекали без особых сложностей, так как итальянцы, как правило, шли навстречу пожеланиям испанцев и в обмен на традиционные предметы испанского экспорта поставляли в Испанию крайне необходимые ей товары, главным образом продукцию машиностроения и химии.

4 июня 1942 г. между испанским и итальянским правительствами было заключено соглашение о товарообмене. Согласно донесению германского посольства в Риме, Испания взяла на себя обязательство за период с 3 июня 1942 г. по 30 июня 1943 г. обеспечить в Италию ввоз 5 тыс. т железа (в болванках), 6 тыс. т свинца, 5 тыс. т слюды, 20 тыс. т поташа, 3 тыс. т скипидара. Итальянская сторона соглашалась поставить вооружение и снаряжение для морского, военного и воздушного министерства, а также тракторы, машины и аппараты, автомобили и запасные части к ним, продукцию химической промышленности, электромоторы, генераторы и т. д.¹⁵⁹

И как раз в то время, когда к взаимному удовлетворению возобновились переговоры о поставках германского оружия взамен поставок испанского минерального сырья, в Мадриде в стадию завершения вступили испано-американские экономические переговоры. Они начались еще в феврале 1943 года. Учитывая все возрастающий спрос на вольфрам, испанское правительство подняло цену за тонну вольфрама на 100 тыс. песет — с 180 тыс. песет за тонну до 280 тыс. песет. В ответ на это правительство США подняло цену на бензин и иные нефтепродукты, поставляемые в Испанию, на 100 %¹⁶⁰. Испанское правительство активно не возражало, так как значительное количество бензина реэкспортировалось в Германию, куда шел и вольфрам. Соглашение было подписано в начале мая. Двойная игра франкистского правительства давала весьма ощутимые плоды.

Г л а в а V

ПОЧЕМУ НЕ СОМКНУЛИСЬ ТИСКИ

30 апреля 1943 г., в полдень, в бывшем королевском дворце Франко принимал верительные грамоты от нового германского посла Генриха Дикгофа¹.

Прием проходил, как заметил Дикгоф, «с принятой здесь кастильско-африканской помпой». Глава государства, как всегда, начал с послом длительный разговор. Кроме посла и Франко присутствовал Хордана, который ни разу не вмешался в беседу. Говорил только Франко. По своему обыкновению в начале беседы Франко «подчеркнул общую установку борьбы против большевизма и подробно говорил о грандиозной борьбе Германии на Восточном фронте». Замечание посла об активном участии «голубой дивизии» Франко принял с заметным удовлетворением. Однако при анализе внешних событий пессимистические воззрения главы испанского государства отчетливо дали о себе знать: «Бросалось в глаза, что каудильо, очевидно, не совсем верит в возможность полного разгрома Советов; он неоднократно говорил об огромных пространствах и о массе людей, и вообще в его рассуждениях нельзя было не слышать скептической ноты. Характерно его неоднократное подчеркивание того, что силы обеих воюющих сторон находятся приблизительно в равновесии и что касается наших противников, то надо считать даже с возрастанием их сил»². Франко, по словам Дикгофа, «не видит, каким образом могут быть сокрушены Англия и Америка». Присутствие крупных английских и американских сил в Северной Африке и в Средиземном море, по мнению посла, способствовало «усилению имеющейся уже осторожности» и даже «боязливости» каудильо³.

Пессимизм Франко не повлек окончательного отхода Испании от прогерманской линии во внешней политике, а опасения за неблагоприятный для Германии исход войны лишь укрепили его желание расколоть антигитлеровскую коалицию неустанными напоминаниями об угрозе комму-

низма, и 9 мая 1943 г., во время турне по Андалузии, Франко произнес речь, в которой призвал весь мир «к умиротворению» в «интересах сохранения европейской культуры и христианской цивилизации» и одновременно выразил глубокую признательность Германии за ее «священную миссию». «...Германия и ее союзники, — говорил Франко, — продолжают вести бескомпромиссную борьбу против большевизма и против всех, кто хочет предать и продать Европу большевизму»⁴. Текст речи был заранее согласован с германским послом в Мадриде.

Однако опасения, как бы речь Франко не была воспринята в Вашингтоне и Лондоне как откровенно прогерманская акция, побудили Хордану 10 мая принять американского посла.

Во время весьма продолжительной беседы Хордана упорно пытался доказать Хейсу, что «Испания никогда не была и не будет марионеткой Германии». Министр внушал Хейсу, что, «хотя Испания и не является демократической страной типа Соединенных Штатов, она — не тоталитарная, типа Германии, и нацистские доктрины ее отталкивают. Во внутренней политике, так же как и во внешней, Испания полностью независима... Испания полна твердой решимости защитить себя до конца от любой иностранной державы и биться до последней капли крови как против Германии и Италии, так и против союзников и России»⁵.

Эти трескучие и возвышенные слова, выраженные в лучших традициях пресловуто гордых испанских идалго, прикрывали лишь всего-навсего банальную двойную игру испанской дипломатии. А попытка руководителей испанского государства провести резкую грань между фашистским движением в Германии и Италии и Национальным движением в Испании была лишь одним из приемов в этой игре. Разумеется, все рассуждения о том, что Испанию «отталкивают нацистские доктрины», не предназначались для германских дипломатов.

Хордана не был оригинален. Многие испанские официальные дипломатические документы того времени, рассчитанные на англосаксов, категорически отрицают фашистский характер испанского государства. «Испанский режим не является ни фашистским, ни нацистским, он — испанский. Он основан на испанских традициях и его сущность — христианский католицизм... Правительство имеет авторитарный характер из-за гражданской и

мировой войны»⁶ — утверждал испанский посол в США Х. Карденас в меморандуме от июня 1943 года.

Но для «внутреннего потребителя» — испанского читателя — все оставалось по-прежнему: пресса и радио в высокопарных тонах продолжали вещать о духовном родстве фаланги и германского нацизма, газетные страницы пестрели сообщениями о взаимных посещениях фалангистских и нацистских «делегаций». В конце марта — начале апреля 1943 года, например, один из руководителей «гитлеровской молодежи» посетил Барселону и присутствовал на собрании «ветеранов» «голубой дивизии», в июле того же года группа бывших участников «голубой дивизии» посетила Байрейт — город, где жил в свои последние годы композитор Вагнер⁷.

По-прежнему сотрудничало и осуществляло «культурный обмен» с немецкими нацистскими организациями фалангистское испанское общество «Образование и отдых»⁸.

В апреле 1943 года фаланга совместно с министерством труда создала службу добровольцев труда, которая начала вербовку безработных «добровольцев» для работы в Германии⁹.

И, в то время как испанские дипломаты составляли один документ за другим, в которых они вновь и вновь отрицали фашистский характер испанского государства, франкистское правительство декретировало меры, усилившие и без того жесткий контроль фаланги над всеми проявлениями идеологической жизни. Так, 31 июля 1943 г. был издан Университетский закон, по которому «Университет должен приспособить свою просветительную деятельность к программе фалангистского движения. Не может быть назначен на кафедру тот, кто не подчиняется основным принципам фалангистского движения. Все студенты должны принадлежать к единому университетскому синдикату»¹⁰.

9 марта 1943 г. впервые собрались кортесы, учрежденные законом 17 июля 1942 г. В преамбуле закона говорилось, что «создаваемые Кортесы как по своему названию, так и по способу образования и полномочиям являются восстановлением славных испанских традиций». Согласно ст. 1, «основная задача Кортесов заключается в подготовке и разработке законов без ущерба для полномочий Главы Государства по их утверждению». Утверждать законы мог только глава государства. В состав кортесов входили прокураторы по должности и выборные: минист-

ры, национальные советники, представители национальных синдикатов, алькальды пятидесяти провинций, а также алькальды Сеуты и Мелильи, ректоры университетов и т. д. «Прокураторы Кортесов, являющиеся таковыми в силу занимаемой должности, теряют свой пост, переставая занимать эту должность. Прокураторы, назначаемые Главой Государства, теряют пост, если Глава Государства аннулирует назначение. Остальные прокураторы занимают свой пост в течение трех лет, сохраняя право на избрание вновь; однако, если в течение этих трех лет представитель от депутации, муниципалитета или корпорации перестанет быть их действительным членом, он теряет также и пост прокуратора»¹¹.

Сам Франко в речи, произнесенной на открытии кортесов, сообщил его членам о том, что законность его власти не подлежит сомнению, так как он спаситель страны¹².

Один из профессоров мадридского университета посвятил свою весьма продолжительную лекцию доказательству того, что «современная правительственная система в Испании является законной системой, имеет корни в испанском складе ума и традициях и что она отличается от нацизма и фашизма не меньше, чем от демократий». Однако в перерывах между лекциями те же студенты слышали и другие речи, в которых система правления в Испании презрительно именовалась «каудильяхе», а неофициальные исторические экскурсы не оставляли сомнения в том, что в Испании не было подобного учреждения, кроме просуществовавшей весьма непродолжительный срок «Национальной ассамблеи» Примо де Риверы-старшего. Возможно, что именно эти «вольные» толкования одного из основных законов франкистского государства и послужили поводом для пресловутого Университетского закона.

Фалангистские газеты после принятия Университетского закона повели кампанию, требуя подчинить проявления идеологической жизни принципам Национального движения. Эта кампания носила весьма прогерманскую тенденцию. Участились выпады против Англии и США. Эта пронацистская кампания испанской прессы вызвала резкую критику среди антифашистски настроенных кругов прогрессивного общественного мнения США. Вновь

стали раздаваться голоса, призывающие к разрыву дипломатических отношений между Испанией и США¹³. Президент Рузвельт в письме Хейсу от 14 августа 1943 г. высказал предположение, что испанское правительство санкционирует и направляет ненейтральное поведение фалангистской партии и испанской прессы. 26 августа Хейс в личной беседе довел до сведения Хорданы содержание письма Рузвельта. Хордана выразил понимание позиции президента, но решительно отверг предположение о направляющей деятельности правительства¹⁴.

В письме президенту Рузвельту от 4 октября 1943 г. Хейс сообщил, что Франко отдал приказ прессе «сменить тон», а фалангистские лидеры получили соответствующую закрытую инструкцию¹⁵. Теперь в речах даже шефа фаланги Арресе привычное разоблачение коммунизма отошло на второй план, а основные усилия были подчинены выработке тезиса, согласно которому фалангу не следует смешивать с «продуктом» иностранного происхождения вроде фашизма или нацизма, что она является совершенно оригинальной организацией (*sui generis*), и, кроме того, она способна к перестройке своей деятельности в соответствии с новыми условиями.

Признаки некоторых изменений в позиции испанского правительства проявились и во время большого приема 10 октября 1943 г., который ежегодно устраивал Франко. В Восточном дворце, где присутствовали дипломатический корпус и высшие чиновники различных министерств, Франко впервые в отличие от прежних лет появился не в фалангистской форме, а в морском мундире. И в отличие от прошлых лет, когда позицию Испании в современном конфликте он сам определял как позицию «невоюющей стороны», Франко впервые заговорил о «нейтралитете» Испании¹⁶.

Заявление испанского правительства о переходе от статуса «невоюющей стороны» к нейтралитету вызвало недовольство Берлина, но на этот раз Франко игнорировал германский протест.

Известно, что решение о выводе «голубой дивизии» было принято еще в июле 1943 года, однако официальный приказ о возвращении дивизии последовал только 12 октября, о чем были оповещены военные атташе Англии и США, что, по мнению испанского правительства, должно было продемонстрировать официальным лицам этих стран твердое намерение Испании отныне строго придерживать-

ся нейтралитета. То, что на Восточном фронте остался испанский легион, хранилось в глубокой тайне.

В испанских газетах не сообщалось об отзыве «голубой дивизии». Это связывают со страхом Франко перед покушением со стороны нацистских элементов в фаланге¹⁷. Ходили слухи, что именно эти элементы при поддержке германских агентов готовят «государственный переворот», считая, что Франко недостаточно верен державам «оси». Хейс сообщал государственному секретарю 2 октября 1943 г. о связи немецкого гестапо с прогерманскими элементами фаланги, о снабжении их оружием в предвидении возможного вторжения германских вооруженных сил в Испанию¹⁸. Однако слухи о готовящемся покушении на Франко не подтвердились. Сам же он сумел убедить немцев сменить гнев на милость.

В беседе с Дикгофом 3 декабря 1943 г. Франко разъяснил, что «такая осторожная политика отвечает не только интересам Испании, но и интересам Германии. Нейтральная Испания, доставляющая Германии вольфрам и другие продукты, в настоящее время ей нужнее, чем Испания, вовлеченная в войну»¹⁹.

Испания, как и прежде, была наводнена агентами держав «оси». Мало того, в течение октября — декабря 1943 года, согласно информации, имеющейся у послов Англии и США, число их резко возросло, а их деятельность активизировалась. Среди этих агентов, действующих в Испании, были активные члены нацистской партии, офицеры гестапо, шпионы. По сведениям Хейса, резко возросло давление немцев на те элементы фаланги, которые занимали активную антинейтралистскую позицию²⁰.

27 октября 1943 г. в шести милях восточнее Лас-Пальмаса (Канарские острова) итальянский самолет атаковал американский патрульный самолет. Аналогичные инциденты произошли 28 октября и 1 ноября²¹.

Фалангистская пресса прекратила открытые выпады против США и Англии, но по-прежнему вела антисоветскую кампанию.

Хейс, следуя указаниям Рузвельта, вынужден был вновь 21 октября напомнить министру иностранных дел Хордане о том, что «Россия — один из основных членов Объединенных Наций. Любые атаки против России будут рассматриваться как нападение на основного союзника Соединенных Штатов. Попустительство по отношению к нацистской Германии, с другой стороны, является попус-

тительством по отношению к врагу Соединенных Штатов... Известия о военных победах в России доходят до испанского народа из многих источников, и испанцы достаточно умны, чтобы быть введенными в заблуждение германскими коммюнике».

Хейс от имени своего правительства дал совет «в собственных интересах» Испании выполнить следующие «пожелания» США: «объявить о возвращении «голубой дивизии»; публиковать военные коммюнике России так же, как публикуются коммюнике других воюющих держав; прекратить атаки против России, будь то публичные выступления испанских официальных лиц, статьи испанских газет или передачи радио; немедленно перестать делать вид, что германская агрессия против России является «крестовым походом», в то время как само германское правительство во многих случаях признавало, что эта война носит завоевательный характер»²².

На другой день Хордана сообщил Хейсу, что вывод «голубой дивизии» состоится 25 октября, и после этого ни один испанский солдат не останется на Восточном фронте. Дивизия будет репатриирована отдельными группами в течение ноября. Все в Испании знают о выводе дивизии, но «если об этом объявить публично, то создастся впечатление, что вывод дивизии связан с представлением британского посла, в то время как на самом деле это представление не оказало никакого влияния на вывод дивизии». Что же касается прочих вопросов, то их следует изучить и обсудить с Франко. А для этого потребуется неделя или дней десять²³.

Однако прошла неделя, затем месяц, а Хордана не торопился с ответом. Это вполне объяснимо — от испанского правительства требовали реальных доказательств политики строгого нейтралитета, в то время как основная линия внешней политики Испании оставалась все же прогерманской. В Германию по-прежнему вывозился вольфрам в обмен на германское оружие.

В течение октября — начале ноября 1943 года американский и английский послы от имени своих правительств неоднократно требовали от правительства Испании прекратить экспорт в страны «оси» стратегических материалов, включая вольфрам, ртуть, цинк, плавиковый шпат, стронций, шерсть, продукты питания с высоким содержанием витаминов. В обмен на это США обещали «прекратить повышение цен на нефтяные и иные продукты аме-

риканского или британского происхождения, увеличить поставки продовольствия в Испанию, предоставить материалы, необходимые для стимулирования испанской экономики..., так же как оборудование для гидроэлектростанций, станки для металлообрабатывающей и текстильной промышленности, оборудование для шахт»²⁴.

10 ноября Хейс в личной беседе с Хорданой вновь напомнил о требовании наложить эмбарго на экспорт вольфрама, а также обратился с просьбой о разрешении на приземление самолетов американских коммерческих линий, о признании права за американскими гражданами на проезд на испанских судах, о разрешении на прямую радио- и телеграфную связь. Просьбу о разрешении на транзит американских самолетов с посадкой на территории Испании Хордана на этот раз выслушал благосклонно, хотя и дал понять, что для принятия окончательного решения должно пройти время.

Что же касается вольфрамовой проблемы, то здесь Хордана был непреклонен. Он заявил Хейсу, что вопрос об эмбарго на вольфрам затрагивает высшие экономические интересы Испании и требует длительного изучения.

Министр промышленности и торговли Деметрио Карсельер 8 декабря официально информировал посольство США о том, что в течение последних месяцев Германия поставила Испании военного снаряжения больше чем на 500 млн. песет. При содействии Германии удалось заключить соглашение с Румынией о поставках в Испанию 20 тыс. т пшеницы. Возрастание стоимости германских поставок привело к сокращению германского долга (по клиринговым расчетам) больше чем на 100 млн. песет. Эмбарго на вольфрам будет иметь и политические последствия: по мнению Карсельера, «это запрещение будет первым шагом к разрыву отношений с Германией»²⁵. А этого Испания всеми силами пыталась избежать. Месяц спустя, 27 января 1944 г., Хордана во время очередной встречи с Хейсом намекнул, что проблема эмбарго на вольфрам будет разрешена, если США согласятся поставить Испании вооружение²⁶.

Испанцы явно пытались выиграть время, а послы США и Англии не торопили испанское правительство с ответом. Но 28 января, неожиданно для Хейса и Хора, американское радио и Би-Би-Си, а вслед за тем и газеты этих стран передали сообщение о приостановке поставок бензина в Испанию.

В заявлении госдепартамента, опубликованном в печати, были подробно перечислены причины, побудившие применить к Испании эту санкцию:

«Итальянские военные корабли и торговые суда продолжают оставаться в испанских портах. Испания по-прежнему разрешает экспорт в Германию некоторых важных военных материалов, таких как вольфрам; агенты «оси» действуют как в континентальной Испании и испанских африканских территориях, так и в Танжере; некоторая часть «голубой дивизии» по-прежнему вовлечена в войну против одного из наших союзников, получены сообщения о заключении финансового соглашения между испанским правительством и Германией».

В заявлении госдепартамента сообщалось, что эти меры приняты после консультации и с согласия британского правительства²⁷. На другой день Хордана сообщил Хейсу, что «эти новости вызвали ужасный шок у него и у испанского правительства».

Но не менее встревожены были и послы Англии и США. Хейс в своем сообщении в Вашингтон нарисовал картину, которая была способна кое-кого в США и встревожить. По мнению Хейса, публичные выпады против Испании могут спровоцировать сопротивление требованиям США со стороны части испанского правительства, положение которого в этом случае станет неустойчивым. «Попытки свергнуть режим, даже если и будут удачны, могут привести к гражданской войне, а это может вызвать ответную военную диверсию, весьма нежелательную, имея в виду другие наши военные планы в Европе»²⁸.

Со своей стороны, британский посол потребовал немедленных разъяснений по поводу намерений своего правительства: в том случае, если правительство намерено разорвать дипломатические отношения с Испанией, кампанию в прессе и радио можно и продолжать. Но, если правительство не намерено прибегнуть к разрыву отношений с Испанией, публичную кампанию нападок на Испанию следует прекратить. Хор, так же как и Хейс, полагал, что разрыв дипломатических отношений приведет к своего рода военной диверсии и будет лишь на руку Германии²⁹. Поскольку разрыв дипломатических отношений не входил в намерения правительства Соединенных Штатов Америки и Англии, прессе были даны соответствующие указания, и конфликт вступил в привычную дипломатическую колею.

3 февраля в беседе с Хейсом Хордана обещал немедленно выполнить следующие требования: закрыть германское консульство в Танжере, выслать германских агентов из зоны Марокко, резко сократить их число в самой Испании и принять энергичные меры по пресечению германского шпионажа и саботажа, где бы то ни было на испанской территории; было обещано полное и немедленное возвращение испанского легиона, испанской воздушной эскадрильи и прочих испанских военных частей, под каким бы названием они ни фигурировали в России или Германии. Что касается эмбарго на вольфрам, то он надеется, что эта проблема может быть благоприятно разрешена в ближайшем будущем.

14 февраля посол Испании в Лондоне герцог Альба во время своего кратковременного пребывания в Мадриде был принят Франко. В расчете на передачу английским и американским официальным лицам каудильо заявил, что «он отчетливо представляет себе, что Испания занимает важное стратегическое положение и что западные демократии (так он обычно именовал США и Англию) будут нуждаться в Испании. В то же время Испания нуждается в таком человеке, как Франко, чтобы руководить ею... Он готов урегулировать спорные вопросы с США, такие как высылка германских агентов, закрытие германского консульства в Танжере, возвращение «голубой дивизии» и т. д. Вольфрамовая проблема более трудная»³⁰. Несколько дней спустя Хордана счел возможным заявить, что «Испания оказала огромную услугу союзникам, не вступив в войну».

Посол Испании в Вашингтоне Карденас получил указание употребить все усилия, чтобы добиться отмены приостановки поставок горючего. Во время встречи с Хэллом 3 февраля Карденас заметил, что ему представляется весьма странным, что в 1940 году, когда Испания занимала недружественную позицию по отношению к США, американцы были внимательны и любезны, а сейчас, когда Испания прилагает усилия, чтобы быть любезной, США подвергают Испанию необоснованному давлению. Карденас утверждал, что, по его сведению, «голубая дивизия» ликвидирована и что только 1500 ее членов осталось в России. Но ему известно, что и в России есть много испанских коммунистов. Испанское правительство не в силах отозвать тех членов «голубой дивизии», которые не хотят немедленно вернуться³¹. В ходе беседы испанский

посол высказал предположение, что США и Англия подверглись давлению России. В послании от 8 февраля Хэлл уполномочил Хейса отклонить подобные предположения, если они возникнут в ходе переговоров с Хорданой³².

Кто же был инициатором этого обострения в ходе «вольфрамовой баталии»³³? Во всяком случае, не послы, для которых многое было неожиданным и которые были весьма настойчивы, доказывая необходимость возобновления американских поставок горючего. Есть все основания предполагать, что на этот раз инициатива принадлежала президенту Рузвельту. В письме Черчиллю от 15 февраля 1944 г. он писал: «Я считаю, что в результате приостановки погрузки танкеров ситуация в Испании развивается удовлетворительно и что, если наши правительства проявят твердость, мы сможем добиться полного и постоянного эмбарго Испании на экспорт вольфрама в любые страны... Установление эмбарго будет полностью соответствовать провозглашенной Франко политике нейтралитета, и я надеюсь, что вы дадите инструкции Хору проявить твердость, так же как мы дали их Хейсу»³⁴.

Ответ Черчилля был предельно сдержан. Он довел до сведения президента Рузвельта, что Хор получил инструкции оказывать полную поддержку американскому послу в его попытках достичь договоренности с Испанией: «Такая договоренность включит полное прекращение испанского экспорта вольфрама в Германию в течение шести месяцев»³⁵. Хор действительно заявил Хордане, что Англия полностью поддерживает требования США о полном эмбарго на вольфрам. Однако его предложение установить квоту поставок вольфрама на оставшуюся часть года в 300 т, равно как и предложение Черчилля, вносило существенные коррективы в постановку вопроса.

Испанское правительство, принимая во внимание более мягкую позицию Англии, оказывало упорное сопротивление требованиям США. 18 февраля помощник государственного секретаря США обязал Хейса довести до сведения испанского правительства, что «позиция графа Хорданы не понятна, особенно вновь и вновь повторяющееся напоминание, что Испания оказывает Объединенным Нациям огромную услугу, не прибегнув к агрессии против Объединенных Наций. Оставаясь в стороне от конфликта, Испания оказывает лучшую услугу своим собственным интересам»³⁶. Хейс в беседе с Хорданой 21 февраля постарался смягчить резкость послания помощника

государственного секретаря. Он заявил Хордане, что правительство США считает, что испанское правительство в течение 1940—1942 годов занимало позицию, более благоприятную к странам «оси», чем к «союзникам», и что такая позиция не может считаться действительно нейтральной. Вместе с тем Соединенные Штаты «признают, что, воздерживаясь от участия в конфликте и отказываясь от сотрудничества с державами «оси» в нападении на Гибралтар и на французскую Африку, Испания действует в своих собственных интересах». В тех же интересах Испании также лучше принять предложения об эмбарго на вольфрам. В ответ Хордана сослался на торговый договор с Германией, в котором остро заинтересована Испания и который будет расторгнут, если Испания прекратит поставки на вольфрам. Хордана жаловался на постоянные нападки американской прессы³⁷.

Как сообщил Д. Карсельер сотрудникам американского посольства, в начале марта Хордана внес на рассмотрение совета министров предложение об установлении эмбарго на вольфрам в течение первых шести месяцев года и о сокращении поставок на вольфрам в оставшиеся месяцы на 10%. Совет министров отклонил предложение Хорданы. Карсельер объяснил это тем, что на март 1944 года клиринговый баланс составил 65,5 млн. рейхсмарок в пользу Германии³⁸.

В конце марта послу Испании в Лондоне герцогу Альбе без особого труда удалось склонить Черчилля к отказу от полного эмбарго на вольфрам и к согласию на поставки в Германию 450 т вольфрама в течение оставшихся месяцев 1944 года, о чем Черчилль и сообщил Рузвельту в послании 30 марта 1944 г. Госдепартамент довольно легко отказался от своего прежнего требования о полном эмбарго на вольфрам. 7 апреля 1944 г. Хэлл поставил Хейса в известность, что госдепартамент готов принять за основу соглашения с Испанией так называемое предложение герцога Альбы³⁹. Но испанское правительство ввиду уступчивости, проявленной правительствами США и Англии, отказалось от принятия «предложения Альбы», настаивая на квоте в 60 т вольфрама ежемесячно.

29 апреля 1944 г. Хейс в беседе с Хорданой заявил о своем желании встретиться с Франко. Хордана просил не настаивать на этой встрече. Он умолял Хейса немедленно подписать соглашение. Хейс знал из достоверных источников, что положение Хорданы станет еще более шатким,

если соглашение будет заключено, минуя его. Хордана устраивал и США и Англию на посту министра иностранных дел, поэтому Хейс согласился подписать соглашение при нем.

Соглашение было подписано в первых числах мая и включало все требования США, в том числе и окончательный отзыв остатков «голубой дивизии» с советско-германского фронта: «Испанские солдаты не будут больше служить в германской армии». В отношении основного пункта соглашения было сказано: «Экспорт вольфрама из Испании в Германию, а также в оккупированные или контролируемые Германией территории в течение 1944 года не должен превышать 20 т в течение мая, 20 т в течение июня и по 40 т ежемесячно в течение оставшейся части года». Хордана еще раз попытался добиться увеличения вольфрамовой квоты до 600 т, однако, в конце концов, подписал соглашение. «Вольфрамовая баталия» закончилась компромиссом. США возобновили поставки бензина в Испанию, так и не добившись согласия на полное эмбарго. В этом основная «заслуга» принадлежит Черчиллю. По словам Хейса, «Черчилль непрерывно досаждал Рузвельту, умоляя его прекратить заниматься глупостями». И после того как Черчилль предупредил Рузвельта, что если США не «смягчат» свою позицию, Англия заключит сепаратное соглашение с Испанией и сама предоставит ей бензин, в котором та нуждается, Рузвельт отступил ⁴⁰.

Современники событий и исследователи истории Испании периода войны в разное время давали различные ответы на вопрос, что послужило причиной «твердой», во всяком случае вначале, позиции Рузвельта в отношении эмбарго на вольфрам. Дж. Хиллс считает, что поводом послужил так называемый «казус Лауреля» ⁴¹. Хосе Лаурель, в прошлом филиппинский судья, был главой марионеточного правительства, созданного японцами вскоре после оккупации ими Филиппин. Тотчас же после своего назначения Лаурель информировал испанское правительство о том, что он провозгласил «независимость» Филиппин. По сведениям службы военной информации США, токийское радио 22 октября сообщило в передаче на английском языке, что «Лаурель получил поздравление от Хорданы в связи с провозглашением независимости Филиппин». В своем послании Хордана уверил, что он «выражает чувства не только генерала Франко и ми-

нистерства иностранных дел, но и испанского народа»⁴².

Американская пресса истолковала этот жест Хорданы как признание со стороны Франко и правительства Лауреля и «независимости» Филиппин. Начался новый тур антифранкистской кампании, на этот раз весьма ожесточенной, поскольку были затронуты интересы Объединенных Наций в ведении коалиционной войны против стран «оси». Хордана разъяснил Хейсу, что его жест вовсе не означает признания Лауреля, однако госдепартамент вопреки советам своего посла сделал, по выражению Дж. Хиллса, «из горы мыш», вызвав антифранкистскую кампанию в прессе, возможно, не без влияния испанских республиканцев. Вновь в Нью-Йорке стали циркулировать слухи о готовящемся вторжении союзников в Испанию⁴³. Кульминационным пунктом этой кампании и было известное заявление госдепартамента.

Хосе Дусинаге дает сходное толкование причин «вольфрамового кризиса»⁴⁴. Давлением общественного мнения объясняет начало «вольфрамовой битвы» и Хейс.

Но была и еще одна причина, не менее основательная: именно в это время, в конце октября — начале ноября 1943 года, начался новый тур переговоров о поставках германского оружия в обмен на испанский вольфрам. Об этом, возможно, стало известно госдепартаменту.

31 октября 1943 г. германское посольство в Мадриде поставило в известность Берлин о «настойчивом желании испанского правительства получить оружие как можно скорее и как можно больше»⁴⁵.

5 ноября испанский посол в Берлине посетил одного из руководителей германского министерства иностранных дел и разъяснил ему, что «испанское правительство считает, что материальные части авиации, которые поставляет Германия, совершенно недостаточны и не соответствуют военным потребностям Испании». Испанское министерство авиации обращается с просьбой о поставке 100 истребителей «мессершмитт-109» и 25 — «юнкерс-88», а также соответствующих запасных частей. В ходе беседы посол сообщил, что, по имеющимся в Мадриде сведениям, Португалия получает из Англии военные материалы во все возрастающем количестве. Между тем Испания не может рассчитывать на поставки англичан. А в Берлине

хорошо известно, что до сих пор германские поставки были совершенно недостаточны и не покрывали даже минимальных потребностей Испании, диктуемых необходимостью обороны.

Посол был очень настойчив. Он заявил, что англичане в течение длительного времени вновь и вновь предлагают Испании поставить ей оружие. Испанцы до сих пор отклоняли эти предложения и собираются поступать так и впредь, поскольку отношения Мадрида и Берлина до сих пор были неизменно дружественными и таковыми останутся и впредь ⁴⁶.

После представления испанского посла внешнеторговый отдел германского министерства иностранных дел подготовил докладную записку, из которой следовало, что поставки Германии в истекающем 30 ноября торговом году составили 235 млн. рейхсмарок вместо запланированных 335 млн. В результате анализа внешнеторговых операций с Испанией авторы записки пришли к выводу, что только дальнейшее форсирование поставок оружия (подчеркнуто в документе.— С. П.) может уравнять торговый баланс ⁴⁷.

• Но требование Испании компенсировать поставки вольфрама поставками самолетов встретили недовольство в Берлине. 5 января 1944 г. на запрос Риббентропа соответствующий отдел германского МИД советовал не соглашаться на просьбу испанцев о компенсации поставок вольфрама самолетами, поскольку это не предусмотрено рамками торгового соглашения с Испанией ⁴⁸. Испанское правительство, по мнению автора записки, и без того, по условиям действующего соглашения, обязано поставить вольфрам Германии в неограниченном количестве, и испанское правительство не может само устанавливать количество вольфрама, которое вправе определять только Германия, исходя из своих собственных потребностей. Еще в конце 1943 года внешнеторговый отдел германского министерства иностранных дел представил на рассмотрение Риббентропу желательную программу испанских поставок на период с 1 декабря 1943 г. по 30 ноября 1944 г.— так называемые планы «А» и «Б».

По плану «А» предусматривались закупки вольфрама на сумму 127 млн. рейхсмарок и продовольствия на сумму 100 млн. рейхсмарок. По плану «Б» закупки вольфрама не предусматривались. В нем шла речь об иных видах стратегического сырья ⁴⁹.

В начале января Риббентроп рассмотрел оба эти плана и дал указание: «Вольфрам в количестве 2000 тонн, как это предусмотрено в плане «А», должен быть куплен прежде всех других товаров». Что касается плана «Б», то он может быть осуществлен в том случае, если бы удалось изыскать соответствующие платежные средства. «Дальнейшие платежные средства могут предоставить только поставки оружия»⁵⁰.

Тем временем испанское правительство неоднократно обращается с просьбой форсировать поставки оружия. Германский посол в Мадриде Дикгоф в донесении от 27 января 1944 г. информировал Риббентропа, что Хордана накануне опять поставил вопрос об увеличении поставок германского оружия, обосновывая это необходимостью укрепления испанских позиций, исходя из все ухудшающегося теперешнего международного положения⁵¹.

Тогда же испанский военный атташе в Берлине Карлос Мартин де Бернардо передал в военно-экономический штаб Верховного командования вооруженных сил Германии подробный перечень того, что Испания желала получить в обмен на свой вольфрам, а именно: различную аппаратуру для связи, 33 танка, 200 тяжелых и легких мотоциклов, зенитные пушки со снаряжением.

Судя по пометкам на полях, сделанным в военно-экономическом штабе, немцы считали требования испанцев чрезмерными. В некоторых случаях стояла пометка «поставить нельзя». Это относилось к катодным лампам КФЗ, КБС, переносным радиоприемникам, радиопередатчикам (100 ватт), тяжелым мотоциклам. В других случаях вносились коррективы, направленные на снижение количества поставок. В отдельных случаях просьбы испанцев были благосклонно приняты. Это относилось к поставкам танков, зенитной артиллерии, легких мотоциклов. Поскольку эта часть заявки была удовлетворена, испанцы расширили свои требования: 23 марта 1944 г. испанский военный атташе в Берлине сообщил о желании испанского правительства дополнительно получить из Германии 67 танков модели IV и 60 75-миллиметровых полевых орудий⁵².

«Вольфрамовая баталия», начатая госдепартаментом по указанию Рузвельта, совпадает по времени с новым туром испано-германских переговоров. И попытка Рузвельта наложить эмбарго на вольфрам, возможно, преследовала цель ограничить ввоз германского оружия в

Испанию. Вмешательство Черчилля привело к компромиссу, а в результате Германия по-прежнему, хотя и в несколько сокращенном количестве⁵³ против прежних лет, получала испанский вольфрам, а Испания — германское оружие.

Позиция Черчилля во время «вольфрамовой баталии» была продолжением его обычной линии в отношении франкистской Испании. Наиболее ярким проявлением этой линии была его печально знаменитая речь в палате общин, произнесенная 24 мая 1944 г. вскоре после бесславного завершения «вольфрамовой битвы».

Черчилль лучше, чем кто-либо другой, знал, что отказ от вступления Испании в войну в 1939—1940 годах не был результатом свободного выбора испанского правительства, а диктовался суровой действительностью, что голодающая, лишенная политической устойчивости Испания никак не могла вступить в войну, и тем не менее пытался убедить своих слушателей с признательностью отнестись к Испании за то, что она не поддавалась угрозам и давлению Германии, так как в этом случае положение союзников серьезно бы осложнилось: штурм Гибралтара прервал бы связь с Мальтой, а все испанское побережье стало бы базой для германских подводных лодок. Другой весьма серьезный критический момент в отношениях с Испанией наступил накануне высадки американцев и англичан в северо-западной Африке. Черчилль заверил палату, что эти критические дни были действительно очень тревожны, и выразил признательность испанцам за то, что они оставались абсолютно спокойны и ни о чем не спрашивали. Он настаивал на том, что франкистская Испания оказала тем самым услугу не только Соединенному Королевству и Британской империи, но и всем Объединенным Нациям.

Черчилль даже заявил, что он без всякой симпатии относится к тем, кто позволяет себе «критиковать и высмеивать испанское правительство по всякому поводу». «Внутренние политические проблемы Испании касаются только самих испанцев. Это не для нас, то есть не для правительства, вмешиваться в эти дела. Мы не включили в нашу программу обновления мира никаких насильственных акций в отношении любых стран, чьи внутренние формы управления не соответствуют нашим собственным идеалам.

Я считаю, что это (т. е. насильственные акции.— С. П.) относится только к вражеским державам и их сателли-

там. Следует делать различие между тем человеком, который сбил вас с ног, и тем, кто вас не трогал».

В заключение Черчилль выразил надежду на «дальнейшее улучшение хороших отношений с Испанией и на дальнейшее расширение торговых, которая развивалась даже во время войны и еще больше увеличится после установления мира»⁵⁴.

Но не это последнее положение, а ясно выраженное стремление противопоставить Испании «враждебным державам и их сателлитам» и тем самым обелить Испанию вызвало отрицательную реакцию части палаты общин, главным образом левого крыла лейбористской оппозиции. Еще более острой была реакция прессы, и прежде всего антифашистской демократической прессы США.

В свою очередь, критика позиции Черчилля привлекла внимание к испанским делам, и в прессе возобновилась антифранкистская кампания.

Прогрессивные журналисты Америки пытались раскрыть глаза американской публике на истинный смысл маневров испанской дипломатии в последний период.

В качестве примера приведем статью известной в то время журналистки Дороти Томпсон, включенную 14 июня 1944 г. в передачу крупнейшей американской радиоконпании Эн-Би-Си. Томпсон решительно выступила против тезиса о либерализации франкистского режима. Она напоминала, что даже по признанию фалангистских газет в январе 1940 года было 270 719 политзаключенных-республиканцев, по амнистии освобождены 40 тыс. из них, отпущены под надзор полиции еще 34 тыс., таким образом, в тюрьмах Испании все еще находится 200 тыс. республиканцев. Томпсон подвергла критике статью Герберта Кларка, корреспондента «Нью-Йорк геральд трибюн», опубликованную 8 января 1944 г., в которой тот утверждал, что Франко постепенно распускает фалангистскую партию, и обратила внимание на то, что бюджетные ассигнования на нужды фаланги продолжают возрастать. По мнению Томпсон, в настоящее время целью Франко является создание новой нацистско-фашистской «оси» с центром на этот раз не в Берлине, а в Мадриде: «Нейтралитет Франко — это нейтралитет человека, мечтающего о победе стран «оси», но опасющегося, что эта победа не придет, а поэтому заинтересованного в установлении такого мира в Европе, который продлил бы существование фашизма и после завершения войны. Франко делает став-

ку на то, что, если Германия и Италия и потерпят поражение, фашизм тем не менее будет жить»⁵⁵.

19 июня 1944 г. член палаты представителей США Джон Кофф внес проект резолюции, требовавший от имени палаты представителей Соединенных Штатов «разрыва дипломатических отношений с франкистской (фашистской) Испанией и распространения ленд-лиза на партизанские армии испанских республиканцев». В обоснование своего предложения Кофф заявил, что «настало время порвать с Франко и оказать помощь вооруженным силам испанских республиканцев, врагам Франко и его союзникам». «Я говорил вам 24 февраля, — напомнил он, — что подпольные армии испанских республиканцев ведут сегодня войну против Гитлера и Франко в Испании. Испанское подполье серьезно объявило всему миру о своем плане всеобщего восстания в самом ближайшем будущем против нацистов и фашистов в Испании. Испанское республиканское подполье сегодня ведет нашу войну в Испании»⁵⁶. Как и следовало ожидать, предложение Дж. Коффа было отвергнуто, но известную пропагандистскую роль оно тем не менее сыграло.

Черчилль с большим недовольством наблюдал за развитием антифранкистской кампании в прессе. Он был глубоко уязвлен личными выпадами против него. В письме Рузвельту от 4 июня 1944 г. он писал: «Некоторые Ваши газеты недовольны тем, что я говорил об Испании в палате общин. Это очень несправедливо, поскольку я всего лишь повторил свое заявление, сделанное в октябре 1940 года. Я упомянул имя Франко лишь для того, чтобы показать, как глупо делают у нас, отождествляя в карикатурах Испанию с ним или его с Испанией. Мне нет дела до Франко, но я не хочу, чтобы после войны Пиренейский полуостров занимал враждебную позицию по отношению к англичанам».

Черчилль связывал с Испанией далеко идущие планы, и ради них он готов был на многое закрыть глаза и о многом забыть.

«Я не вижу возможности положиться на Францию де Голля. Германию надо будет держать в подчинении при помощи превосходящих сил, и есть договор о 20-летнем союзе между нами и Россией. Вы должны помнить, что мы очень близки ко всем этим приятным перспективам.

Мы здесь не могли бы согласиться выступить против стран, ничем нам не досаждавших, и только лишь пото-

му, что нам не нравится их тоталитарная форма правления»⁵⁷.

18 октября 1944 г. Франко направил испанскому послу в Англии герцогу Альбе письмо и поручил передать его содержание «нашему доброму другу британскому премьер-министру». В этом письме Франко прежде всего делился впечатлением, которое произвели на него «благородные слова», произнесенные Черчиллем в адрес Испании в палате общин 24 мая 1944 г., и выражал желание способствовать сближению между Испанией и Англией в будущем. Это сближение, по мнению Франко, имело бы целью борьбу против СССР и США. «Если Германия будет уничтожена, — писал каудильо, — и Россия укрепит свое господство в Европе и Азии, а Соединенные Штаты будут подобным же образом господствовать на Атлантическом и Тихом океанах как самая мощная держава мира, европейские страны, которые уцелеют на опустошенном континенте, встретятся с самым серьезным и опасным кризисом в своей истории». Попутно Франко жаловался на «деятельность британской секретной службы» и на мелкие интриги Англии. В своем ответном письме Черчилль счел все же нужным напомнить Франко о тех затруднениях, которые Испания чинила во время войны военным усилиям союзников, о помощи, которую она оказывала их противникам, о пренебрежительных отзывах Франко об Англии. «Я был очень рад наблюдать, — пишет далее Черчилль, — благоприятные по отношению к Великобритании перемены в испанской политике, которые начались во время пребывания в правительстве покойного генерала Хорданы⁵⁸, причем я публично отметил эти события в речи, произнесенной мною в Палате общин 24 мая. К сожалению, как Вы, Ваше Превосходительство, признаете в Вашем письме к герцогу Альбе, эти события не получили еще достаточно глубокого развития, чтобы удалить барьеры между нашими обеими странами»⁵⁹. Прогрессивный бельгийский историк Е. И. Дзелени назвал письмо Франко документом, «беспримерным по своей наглости и цинизму»⁶⁰.

Благожелательное отношение Черчилля настолько ободрило Франко, что он счел возможным 3 ноября 1944 г. в интервью представителю агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл, вопреки фактам и логике, заявить, что Испания никогда не являлась нацистской или фашистской страной и никогда не была связана с державами «оси».

Он выразил желание сотрудничать с участниками антигитлеровской коалиции в «восстановлении мира», отметив при этом, что государственный строй Испании не может служить препятствием к этому. Испанию он определил как государство «органической демократии»⁶¹.

Реакция английской и американской прессы на это интервью была быстрой и резко отрицательной. Газета «Дейли геральд» расценила претензии Франко на участие в мирной конференции как «наглость» худшего из правителей Европы, «самого тупого и самого надменного», и подробно перечислила все, что сделал «маленький фюрер» против дела Объединенных Наций⁶².

Американский журналист Э. Целлер в статье «Испанию нельзя допускать к мирным переговорам» писал о том, что называть франкистскую Испанию нейтральной — значит исказить само это понятие. «В течение всего времени, пока Франко верил в победу «оси», он непрерывно посылал поздравительные телеграммы Гитлеру и Муссолини, в публичных выступлениях он превозносил их режимы и унижал демократические. Он поставлял Германии военные материалы, людские резервы для германской военной промышленности, а также вооруженные силы, которые в составе «голубой дивизии» приняли участие на Восточном фронте... Предоставить ему место за столом мирных переговоров невысказано». Автор статьи выразил свое полное согласие с выступлением члена английского парламента лордом Р. Ванситартом, что предложение о возможности допущения Испании к мирным переговорам «совершенно фантастично»⁶³.

Франко не ограничился словесным выражением симпатий к Объединенным Нациям. 2 декабря 1944 г. в Мадриде министром иностранных дел Испании и послом США было подписано соглашение о посадке на территории Испании американских гражданских самолетов⁶⁴.

Ответом Рузвельта на претензии Франко принять участие в послевоенном устройстве мира можно считать его напутствие новому американскому послу в Мадриде Армюру, сменившему Хейса в марте 1945 года⁶⁵. По мнению Рузвельта, возникший с помощью фашистской Италии и нацистской Германии и взявший за образец тоталитарную линию временный режим Испании, естественно, не пользовался доверием огромного большинства американских граждан, которых трудно убедить в необходимости продолжения поддержания отношений с этим режимом.

Тот факт, что правительство США поддерживает формальные дипломатические отношения с существующим в Испании режимом, не должен быть истолкован кем бы то ни было как одобрение этого режима и его единственной партии — фаланги, которая была открыто враждебна Союзным Штатам и которая пыталась распространить идеи фашистской партии на Западное полушарие.

Рузвельт считал, что форма правления Испании и политика, проводимая правительством, является делом самого испанского народа.

Вместе с тем Рузвельт считал необходимым выразить свое резко отрицательное отношение к планам Франко занять место за столом мирных переговоров: «Мы никогда не забудем ни официальную позицию Испании по отношению к нашим врагам — державам «оси», ни ту помощь, какую она им оказала в то время, когда война развивалась неблагоприятно для нас. Мы не можем также проходить мимо деятельности, организации и официальных идей фаланги как в прошлом, так и в настоящем. Воспоминания такого рода не могут уничтожить различные благожелательные жесты в отношении нас, когда мы стоим на пороге полной победы над нашими врагами, с которыми существующий в Испании режим был связан в прошлом не только в духовном отношении, но и своей политикой и своими действиями»⁶⁶.

На позицию Рузвельта, как видно из его собственных слов, влияло не только широкое распространение антифашистских настроений в США в период второй мировой войны, но и практическая деятельность эмиссаров фаланги на американском континенте, особенно пропаганда идей паниспанизма, в которых правящие круги США видели угрозу своим интересам в странах Латинской Америки.

Американские газеты того времени часто писали о враждебной США деятельности фаланги в Западном полушарии. Для примера сошлемся на статью Аллана Чеза, опубликованную в январе 1944 года. А. Чез рассказал, что на Кубе тайной полицией был задержан Луис Ролдан, шеф фаланги в Колумбии, направлявшийся из Гаваны в Испанию. Среди бумаг Л. Ролдана был обнаружен документ, из которого следовало, что Франко в 1937 году направил колумбийской организации фаланги письмо, где обещал оказать вооруженную помощь фашистскому путчу в Боготе, как только закончится испанская

война. Не прошло и трех дней после ареста Ролдана, как японское правительство наградило испанскую фалангу на Филиппинах за ее помощь во взятии Манилы. Шефом филиппинской фаланги был не кто иной, как испанский генеральный консул в Маниле Хосе дель Кастано. Приве- дя еще ряд примеров из практики зарубежных организа- ций фаланги, Аллан Чез пришел к выводу о том, что «ес- ли фаланга, единственная легальная партия в Испании, является фашистской, то и фалангистские организации, созданные в Латинской Америке и на Филиппинах бер- линским Иbero-американским институтом и контролиру- емые фалангой, являются не менее фашистскими, чем са- ма испанская фаланга»⁶⁷.

А. Чез называет берлинский Иbero-американский ин- ститут и не называет испанский «Совет испанизма», соз- данный еще 2 ноября 1940 г. и подчиненный министрст- ву иностранных дел. Между тем этот совет, который обязан был укреплять связи между всеми ветвями испан- ской расы и защищать «идеи и дела испанского гения»⁶⁸, в деле пропаганды идей паниспанства действовал не ме- нее эффективно, чем фаланга.

Следует отметить, что многие обозреватели иностран- ных газет не считали фалангу единственным каналом рас- пространения идей паниспанства.

Швейцарская газета «Дер Бунд» в сентябре 1942 года отмечала, что «испанский нейтралитет не означает отказа от попыток осуществления внешнеполитической миссии, но что расширение испанской сферы влияния не являет- ся результатом деятельности фаланги, хотя тысячи фа- лангистов и употребляют все усилия для установления связей с группами, имеющими влияние во внешней и внут- ренней политике латиноамериканских стран, а, скорее, было следствием поддержки католической церкви, кото- рая рассматривает распространение испанского культур- ного и духовного влияния как опору в борьбе с протес- тантским империализмом янки»⁶⁹. Рузвельт не мог не знать всего этого. Но, вынужденный считаться с влиянием католической церкви в самих Соединенных Штатах и учи- тывать настроения католиков-избирателей, Рузвельт де- лал акцент на подрывной деятельности только фаланги.

Позиция Рузвельта была известным препятствием для тех кругов США, у которых открытая и активная ан- тикоммунистическая политика Франко находила сочув- ственный отклик.

Маневрирование Франко в конце войны в целях укрепления внешнеполитических позиций Испании, и особенно его попытки расколоть антигитлеровскую коалицию и создать новый антикоммунистический блок в Европе, были вызваны прежде всего близостью окончания войны и опасением неблагоприятного для своего режима исхода.

Но это были не единственные причины. В последний год войны франкистская диктатура подверглась все более крепнущему наступлению антифашистской оппозиции, и путем укрепления внешнеполитических позиций правящие круги Испании надеялись стабилизировать внутреннее положение.

«Благожелательные жесты» в отношении участников антигитлеровской коалиции были далеко не единственным средством в арсенале политики Франко, при помощи которой он стремился сохранить в неприкосновенности свой режим в будущем послевоенном мире. Именно в это время он вновь прибегнул к своему испытанному оружию: пресса и радио начали кампанию, на этот раз с вниманием воспринятую англичанами и американцами, целью которой было доказательство того, что Испания угрожает новая гражданская война⁷⁰. За прелюдию гражданской войны штатные пропагандисты фаланги пытались выдать те признаки нового подъема антифранкистского движения, которые наблюдались в стране, и то оживление деятельности, которое можно было наблюдать в среде политической испанской эмиграции, особенно во Франции.

Начиная с 1943 года антифашистская оппозиция становится массовой. Победы Советской Армии, создавшие коренной перелом в ходе второй мировой войны, вселили надежду на близкий разгром гитлеровской Германии и ликвидацию фашизма во всем мире. Наиболее активной и организованной силой антифашистской оппозиции, по признанию не только друзей, но и врагов, была Коммунистическая партия Испании. Коммунистам удалось создать несколько крупных подпольных организаций. Работа этих организаций проходила в исключительно трудных условиях, так как террор франкистских репрессивных сил не ослабевал. В марте 1944 года полиции удалось раскрыть подпольную организацию в Валенсии. Даже по призна-

нию тех, кто вел активную борьбу с противниками франкистского режима, это была многочисленная, высоко дисциплинированная и регулярно работавшая организация⁷¹.

Компартии удалось наладить подпольное издание газеты «Мундо обреро», а также «Вердад» в Валенсии, «Унидад» в Малаге. С лета — осени 1944 года активизировалось партизанское движение в Валенсии, Астурии, Андалузии и Леванте. Постепенно возрождались и другие силы антифашистской оппозиции. К середине 1944 года анархо-синдикалистам удалось создать разветвленную подпольную организацию в Барселоне⁷². С напряженным вниманием официальные круги Испании следили за деятельностью республиканцев в эмиграции.

Для многих десятков тысяч испанских республиканцев борьба с фашизмом не закончилась в трагические дни весны 1939 года. В марте 1939 года среди испанских беженцев, находившихся во французских концентрационных лагерях, было около 220 тыс. солдат республиканской армии и бойцов милиции⁷³. Часть из них возвратилась в Испанию, где их ждали франкистские концлагеря, а в лучшем случае — рабочие батальоны и изнурительный труд по сооружению укреплений в Испанском Марокко. Большая же часть тех, кто не захотел вернуться, приняли самое активное участие в антигитлеровской борьбе всюду, куда бы их ни забросила судьба эмигранта.

Испанские республиканцы участвовали во многих исторических сражениях второй мировой войны. Свыше тысячи испанских добровольцев в составе французских и английских вооруженных сил сражались у порта Нарвик, и среди двух тысяч павших было несколько сот испанцев⁷⁴. Французские власти в 1939—1940 годах согласились принять испанских добровольцев лишь в рабочие батальоны и иностранный легион, но и это дало возможность испанцам с оружием в руках вступить в борьбу с германским фашизмом. Испанцы были у Дюнкерка и в рядах дивизии генерала Леклера в Африке⁷⁵. Пятьсот испанцев высадилось на острове Крит, из них осталось в живых только 17⁷⁶.

Когда Германия напала на СССР, испанские республиканцы, нашедшие приют в СССР, добровольно вступили в ряды Красной Армии. Сталинградская битва, оборона Москвы и Ленинграда, Азов, борьба партизанских отрядов Белоруссии — и здесь среди павших и живых мож-

но встретить много испанских имен. Многим известно о Рубене Ибаррури, павшем у стен Сталинграда, а сколько еще есть безвестных могил, где похоронены испанские антифашисты.

В июле 1941 года испанцы, эмигрировавшие в США, намеревались создать дивизию из бывших солдат и офицеров республиканской армии. Госдепартамент, естественно, отнесся весьма отрицательно к этим планам⁷⁷. Однако персональное вступление в вооруженные силы США не возбранялось, и многие испанские республиканцы участвовали в битвах на Тихом океане⁷⁸. Как заметила Исабель де Паленсиа, бывший посол республиканской Испании в Швеции и автор одного из первых исследований по истории республиканской эмиграции, испанцы принимали участие в большинстве сражений во время «дуэли» Монтомери и Роммеля в Африке — в Сиди-Баррани, Эль-Аламейне и др.⁷⁹ Испанцы участвовали в бельгийском и итальянском движении Сопротивления, но, пожалуй, нигде их участие не было таким активным и массовым, как во французском движении Сопротивления.

Организации республиканцев-эмигрантов в Тулузе, Монтобане и Перпиньяне, созданные еще в сентябре 1939 года, после поражения Франции в мае 1940 года перешли на подпольное положение. Как отмечает один из участников этих первых тайных организаций, этот переход был сделан без особых трудностей, равно как и преобразование чисто политических организаций в полувоенные вооруженные отряды⁸⁰. Профессиональные военные и профессиональные революционеры, которых было немало среди испанцев-эмигрантов, своим опытом способствовали созданию партизанских соединений, отличавшихся высокой организацией. Но до конца 1942 года было едва ли больше нескольких сот партизан-испанцев, и первые партизанские отряды были весьма немногочисленны и состояли в большинстве своем из бывших офицеров республиканской армии. Один из таких отрядов, выросших впоследствии в партизанскую бригаду, вначале насчитывал всего семь человек, среди них были полковники, капитаны, но не было ни одного солдата⁸¹. Отдельные испанские партизанские отряды входили в Объединение партизан, деятельность которого направлялась Национальным испанским союзом, созданным в ноябре 1942 года⁸². В ноябре 1942 года Высшая хунта, руководящий орган Национального испанского союза, опублико-

вала воззвание: «К оружию, испанцы! Будьте всегда только впереди, бок о бок с французским народом в войне против общего врага и его лакеев, за победу и свободу!»⁸³.

В 1943 году победы Советской Армии вызвали повсеместно прилив энтузиазма в рядах европейского движения Сопротивления. К середине 1943 года силы испанского «маки» насчитывали уже около 3 тыс. бойцов. И в этом же году было подписано соглашение о совместных действиях между Внутренними французскими силами (ФФИ) и Военной организацией испанцев, как в этом документе называлось Объединение партизан. Испанские соединения сохраняли за собой свободу действия. Французы обещали помощь. В течение 1942—1943 годов испанские партизаны неоднократно участвовали в организации покушений на офицеров германской армии, приняли участие и в знаменитой «битве на рельсах». Испанцы были среди тех, кто осуществил покушение на Риттера, одного из руководителей СС в Париже, и среди тех, кто участвовал в покушении на генерала фон Шаумбурга, коменданта «большого Парижа».

О последнем в коммюнике ФТП («Франтиреры и партизаны») говорилось следующее:

«28 июля (1943 г. — С. П.) в половине десятого утра на углу улиц Поль Дюмер и Николь, в Париже, наши лучшие из лучших, пять товарищей, вооруженные гранатами и пистолетами, совершили нападение на большую открытую машину коменданта «большого Парижа» генерала фон Шаумбурга... В операции принимали участие товарищи 10 318, 10 308, 10 291, 10 305, 10 161»⁸⁴. Среди этих пяти храбрецов был и испанец Селестино Альфонсо. 18 февраля 1944 г. участники покушения предстали перед военным судом, были приговорены к смертной казни и в тот же день расстреляны.

За несколько часов до расстрела С. Альфонсо написал свое последнее письмо: «Дорогая жена, дорогой сын. Я буду расстрелян сегодня, в три часа дня. Не осуждайте мое прошлое. Если бы я мог, я бы повторил все сначала... Я умираю за Францию»⁸⁵.

В 1944 году в Объединение партизан входили уже многие тысячи испанцев. Но сколько именно? А. Фернандес, дискутируя с теми, кто по незнанию или по злому умыслу утверждает, что число испанцев во французском движении Сопротивления было невелико, собрал весьма

авторитетные свидетельства, на основании которых можно утверждать, что во французском движении Сопротивления было не менее 45 тыс. испанцев⁸⁶. К. Тилон, бывший командир ФТП, писал о «более чем 4 тыс. испанцев в рядах Сопротивления в Париже», Ипекур утверждал, что 5 тыс. вооруженных испанских партизан действовали на севере Пиренеев, кроме того, Национальный союз руководил борьбой еще 15 тыс. партизан⁸⁷. Мари Эдуард писал о шести тысячах партизан-испанцев в окрестностях Бордо и т. д.⁸⁸

В 1944 году испанские республиканцы принимали участие в борьбе в 41 департаменте Франции. На юге, и особенно в пиренейской зоне, их роль была весьма значительной, в других районах они принимали посильное участие. Руководители ряда партизанских бригад были испанские коммунисты — Кристино Гарсиа в Верхних Пиренеях, Медрано — в Перпиньяне и др.

В августе 1944 года третья испанская партизанская бригада совместно с французами принимала участие в крупных военных операциях по освобождению зоны Арьежа. Во время операции по освобождению тюрьмы Фуа среди убитых и захваченных в плен солдат противника были и бывшие солдаты «голубой дивизии», одетые в немецкую форму⁸⁹. Это была не единственная встреча испанских республиканцев с франкистами на французской земле: 22 августа 1944 г. при освобождении маленького городка Римон, жителей которого по воле германского командования ожидала судьба Орадура, среди пленных вместе с немцами и власовцами были и двадцать два бывших солдата и офицера «голубой дивизии»⁹⁰.

Франкисты были среди тех, кто оккупировал Францию, республиканцы — среди тех, кто освобождал ее.

В письме к де Голлю в октябре 1944 года руководители Национального испанского союза напомнили:

«Вам известно, что шахтеры Астурии, крестьяне Валенсии, андалузцы и мадридцы вступили во французскую армию из концентрационных лагерей и рабочих батальонов. Они вошли в освобожденный Париж, в то время как другие испанцы составили тайную армию бойцов-партизан. Испанцы боролись в Савойе, Центральном массиве и Бретани, так же как и на улицах Парижа, где их командир, 24-летний Хосе Барон Карреньо, пал при штурме ратуши. В тот же день испанские партизаны штурмом взяли тюрьму в Тулузе и освободили 12 членов Нацио-

нального испанского союза, которые за месяц до этого были арестованы»⁹¹.

«Испанская федерация политических департированных и интернированных» в своем воззвании, опубликованном в «Ле социалист» 29 декабря 1966 г., утверждала, что в антигитлеровской кампании в Европе пало 25 тыс. испанцев. По-видимому, сюда входят и жертвы немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти: 10 тыс. испанцев было среди узников Маутхаузена, во Францию вернулось менее 3 тыс.⁹² Испанцы были и в Дахау, и в Раве Русской. Среди тех, кто возвратился из лагерей, было много тяжелобольных и истощенных, которые вскоре умерли, один из них — Ларго Кабальеро⁹³.

Принято считать, что в эмиграции в Европе было около 300—350 тыс. испанских республиканцев, считая женщин и детей⁹⁴. И каждый двенадцатый из них пал в борьбе с германским фашизмом в годы второй мировой войны.

Франкистское правительство с беспокойством наблюдало за действиями испанских партизанских бригад на юге Франции. Тревоги Мадрида оправдались. Начиная с середины сентября 1944 года испанские газеты стали систематически помещать сообщения о концентрации на франко-испанской границе в Пиренеях больших партизанских соединений, состоявших из испанцев — бывших участников французского движения Сопротивления. 11 октября 1944 г. испанское правительство направило официальный протест временному правительству Франции, обвиняя французские власти в благожелательном отношении к действиям «испанских мятежников»⁹⁵.

24 октября 1944 г. газеты поместили официальное сообщение о том, что повстанцы проникли в Ронсевальес и Валь-Даран — провинция Лерида. Вечерняя газета «Мадрид» тут же постаралась «успокоить» своих читателей сообщением о том, что «население пиренейской зоны тесно сотрудничает с испанскими вооруженными силами и ведет борьбу с анархистами и коммунистами, вторгшимися в испанские области». Трудно сказать, насколько соответствовало действительности это сообщение. 2 ноября агентство Рейтер передало из Парижа: силы республиканского «маки» захватили в плен 50 франкистских солдат. Партизаны вернулись во Францию⁹⁶. Инциденты на границе продолжались. В начале февраля 1945 года германский генеральный консул из Барселоны сообщил в Берлин о том, что французская полиция совместно с си-

лами американской военной полиции пытается чинить препятствие действиям «красных испанцев»⁹⁷. Но и после этого вооруженные инциденты на границе продолжались.

В секретном донесении в Берлин 16 октября 1944 г. германский посол с тревогой сообщил о том, что бывшие сторонники испанского Народного фронта в Тулузе становятся все более активными, особенно Национальный испанский союз, куда, по сведениям посла, входили коммунисты, социалисты и левые партии. Посол предполагал, что под именем доктора Агеска, президента Союза, скрывался Айгуаде, один из виднейших деятелей Республики. С доктором Айгуаде, по словам посла, сотрудничали каталонские сепаратисты, влиятельнейшей фигурой среди них был каталонский священник Хуан Вилар⁹⁸.

3 ноября 1944 г. пресс-атташе германского посольства переслал в Берлин сообщение специального корреспондента агентства Рейтер Гарольда Кинга об открытии в Тулузе конгресса Национального испанского союза. В сообщении указывалось, что делегаты представляли 300 тыс. испанцев-эмигрантов. Присутствовали на конгрессе коммунисты, социалисты, члены республиканских партий, представители эмигрантов-католиков, бывшие депутаты республиканских кортесов, руководители испанской секции ФФИ. Конгресс обратился с «Воззванием к испанскому народу», в котором говорилось, что союз ставит своей целью «освобождение Испании от Франко при условии, что страна не будет ввергнута в новую гражданскую войну»⁹⁹. В дальнейшем Национальный испанский союз не оправдал возлагавшихся на него надежд, но в то время франкистские власти и дипломаты рейха придавали ему большое значение и с понятным беспокойством следили за его деятельностью.

Возрождение к активной политической жизни не было в то время особенностью каких-либо отдельных партий и организаций, оно было характерно почти для всех групп антифранкистской оппозиции, в том числе и для правых течений. Общее оживление коснулось и монархистов. 19 марта 1945 г. Хуан Барселонский направил Франко, своим приверженцам и всему испанскому народу послание, в котором осудил концепцию тоталитарного государства. Пытаясь представить монархию как наиболее надежное средство примирить всех испанцев, он обещал «восстановление традиционного режима, способного гарантировать религию, порядок и свободу». Претендент на

престол обещал «немедленное принятие конституции, гарантию политических свобод, широкую политическую амнистию, созыв законодательной ассамблеи, ликвидацию несправедливых социальных контрастов и проведение политико-экономических мер в духе времени»¹⁰⁰.

Активизация всех течений антифранкистской оппозиции вызывала обоснованное беспокойство испанского правительства. Пугали сведения и о новой волне международной солидарности с противниками режима. 31 января 1945 г. германское посольство направило в Берлин с грифом «секретно» сообщение о новом проекте резолюции Д. Коффа, внесенном на рассмотрение палаты представителей конгресса, в котором Кофф вновь предлагал разорвать дипломатические отношения с Испанией¹⁰¹.

24 марта 1945 г. Франко принимал нового американского посла М. Армюра. При церемонии вручения верительных грамот присутствовал новый испанский министр иностранных дел Хосе Лекерика. Посол был несколько удивлен тем, что его приняли в довольно простой комнате, а не в тронном зале, как за месяц до этого был принят итальянский посол. Не было обычных торжественных речей, и после того как верительные грамоты были вручены и переведены, Франко пригласил посла и министра в соседнюю комнату для беседы. Говорил, как всегда, один каудильо. Он по своему обыкновению пустился в пространные рассуждения о различном характере войн в Европе и на Тихом океане и о том, что Испания не может занять позицию безразличия по отношению к опасности коммунизма, которая неизбежно усилится после поражения Германии. На это Армюр лишь ответил, что еще Хейс в письмах Хордане от 29 октября и 27 декабря уже обратил внимание на то, что следует делать различие между Россией, союзником США в войне, и коммунизмом как таковым и что вслед за Хейсом он также считает, что коммунизм — это исключительно внутренняя проблема.

Еще шла война, США являлись союзником Советского Союза, и Армюр, как лицо официальное, не мог дать другой ответ, к тому же он имел весьма определенные инструкции от Рузвельта.

Вначале беседа проходила в том же духе, как и два с лишним года назад, когда Хейс вручал свои верительные грамоты. Но вот Франко затронул вопрос о потенциаль-

ной угрозе гражданской войны, угрозе, которая, по его словам, вновь встала перед Испанией. На это Армюр немедленно и без колебаний ответил, что никто не желает увидеть страну вновь ввергнутой в гражданскую войну, но его правительство надеется на эволюцию испанского правительства в соответствии с новым духом, господствующим в мире. Тогда Франко вновь пустился в пространные рассуждения, на этот раз в отношении «широко распространенных заблуждений» о современном режиме Испании. По словам Франко, фаланга — вовсе и не политическая партия, а прежде всего совместное объединение лиц с общей целью, заинтересованных в поддержании порядка, благоденствии страны, в развитии Испании по религиозной, культурной и экономической линиям. Армюр не стал опровергать рассуждений Франко, а лишь заметил, что в тюрьмах Испании содержатся многие тысячи политзаключенных, что все еще продолжаются казни. Замечание Армюра вывело Франко из себя. Он с большой горячностью ответил, что цифра в 225 тыс. политзаключенных, приводимая американской прессой, фантастична и ничего общего не имеет с действительностью, что в тюрьмах Испании сейчас не более 26 тыс. политзаключенных¹⁰².

Линия, определившаяся в этой беседе, была весьма характерна и для франкистской, и для англо-американской дипломатии. Франко настойчиво пытался убедить своих партнеров в угрозе дальнейшего распространения коммунизма в мире и возможности нового возобновления гражданской войны в Испании. Англо-американские дипломаты пытались убедить Франко, что современный режим в Испании плохой, вызывает нареkania общественности их стран, а поэтому необходимо, чтобы он эволюционировал, но так, чтобы не вызвать повторения гражданской войны.

Еще более отчетливо это положение было выражено в меморандуме госдепартамента США британскому посольству в Мадриде от 6 апреля 1945 г., направленном в ответ на памятную записку посольства.

С одной стороны, госдепартамент признавал, что испанское «правительство и фалангистская партия основаны на недемократическом принципе». Но, с другой стороны, по твердому убеждению авторов меморандума, «спокойная Испания желательна с точки зрения международного сотрудничества, и возобновление гражданской смуты

в Испании может только вредить общим послевоенным задачам восстановления мира и порядка в Европе и восстановления опустошенных районов. В общих интересах, и в интересах испанского народа в особенности, следует пресекать любые тенденции, направленные на возобновление беспорядка в Испании»¹⁰³.

Это означало, что официальные круги Англии и США были больше заинтересованы в «спокойствии» Испании, чем в каких-либо изменениях существовавшего положения вещей, поскольку любое изменение могло повлечь за собой нежелательное нарушение спокойствия. Такая постановка вопроса неизбежно вела к тому, что за Франко признавалось право самому определять границы эволюции политического режима в Испании. Мало того, на него, по существу, возлагалась миссия хранителя политического спокойствия страны.

12 апреля 1945 г. Хосе Лекерика подробно информировал американского посла по поводу тех новшества, которые каудильо предполагает ввести в Испании в недалеком будущем: «восстановление монархической формы правительства»; создание королевского совета. Франко будет по-прежнему главой государства (при монархической форме правления).

В обязанность королевского совета входит назначение короля, который, однако, не будет принимать на себя полномочий до тех пор, пока Франко не умрет или добровольно не оставит свой пост. На вопрос Армюра, как же может быть монархия без короля и не собирается ли Франко стать регентом, Лекерика сослался на Венгрию, прибавив при этом, что Франко не собирается принять титул регента, а желает остаться просто главой государства. Затем Франко собирался предложить «Билль о правах», текст которого находится в стадии доработки. Предполагается также ввести муниципальные выборы.

Франко обещал, что иностранные корреспонденты будут полностью освобождены от вмешательства цензуры. Испанскую же прессу он предполагал вывести из-под контроля фалангистского вице-секретариата по просвещению и пропаганде и передать ее под контроль министра просвещения.

Франко обещал, что смертная казнь за преступления, совершенные в период гражданской войны, будет отменена. Будут также, по словам каудильо, аннулированы приговоры за преступления в гражданской войне, предпола-

гающие двадцатилетний, или около этого, срок заключения, что позволит тем, кто хочет, вернуться в Испанию.

На вопрос Армюра, коснется ли планируемая эволюция фаланги, министр повторил обычные свои аргументы о том, что существуют заблуждения по поводу реальных функций фаланги, что это не партия, а движение и т. д.¹⁰⁴

С приближением окончания войны давление официальных лиц Испании на американского посла усилилось. Министр иностранных дел Лекерика, военный министр Асенсио, министр промышленности и торговли Карсельер, ссылаясь на оппозиционные элементы в стране, уже достаточно ободренные действиями групп испанских диссидентов по ту сторону французской границы, убеждали и без того убежденного американского посла, что «открыто враждебная позиция по отношению к современному испанскому правительству может привести к новой гражданской войне». Асенсио уверял, что эволюция политической жизни страны должна быть весьма постепенной, поскольку испанский народ «по природе горяч и вспыльчив» и «всего лишь несколько лет назад был вовлечен в кровавую гражданскую войну»¹⁰⁵.

В ответ посол, в соответствии с полученными инструкциями, приводил свои обычные аргументы, уверяя своих собеседников, что его правительство не вмешивается во внутренние дела других стран, что реорганизация правительственной структуры является делом Испании и испанского народа и правительство Соединенных Штатов, конечно, не желает видеть возобновление гражданской войны в Испании¹⁰⁶.

Май 1945 года принес великую радость всему прогрессивному человечеству — победу над европейскими державами «оси», а Мадриду — новые тревоги. В эти дни франкисты безуспешно пытались вычеркнуть из памяти мира позорную политику своего сотрудничества со странами «оси» во время войны. Через пять часов после капитуляции Германии президент испанских кортесов Эстебан Бильбао заявил, что Испания сознает свою ответственность за судьбы мира в этот момент, когда решается будущее грядущих поколений¹⁰⁷.

16 июня, за день до открытия в Сан-Франциско конференции стран — учредительниц Организации Объединенных Наций, в интервью руководителю внешнеполитичес-

кого отдела агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл Франко заявил: «Испания находится на пути политической свободы». Он объявил себя сторонником сокращения рабочей недели с 40 до 30 часов, объяснил, что «фаланга находится в процессе эволюции» и представляет собой «наиболее эффективное орудие для осуществления программы социальных реформ в пользу масс». В заключение Франко выразил желание «сотрудничать» с Англией и Соединенными Штатами. При этом он утверждал, что никогда не был союзником Гитлера, никогда не хотел вступать в войну и даже отговаривал Муссолини нападать на Францию.

Четыре часа спустя на церемонии открытия радиотелефонной связи со странами Латинской Америки Франко со всей серьезностью заявил: «Ни наши традиции, ни наш характер, индивидуалистический и независимый, ни наши католические взгляды на жизнь не совместимы с доктринами, приносящими человека и его личную жизнь в жертву чудовищному и всемогущему государству»¹⁰⁸. И это говорил тот, кто совсем еще недавно призвал принести в жертву «классовый и индивидуальный эгоизм ради величия родины и общего блага»¹⁰⁹.

На другой день, 17 июня, жители страны получили «Закон испанцев» — «декларацию свободы», по утверждению штатных правительственных пропагандистов, и «беспримерный по цинизму» документ, по мнению многих испанцев в стране и за рубежом и прогрессивных иностранных журналистов. «Закон испанцев» обещал всем жителям страны право на начальное образование, медицинскую помощь, свободу и тайну переписки, неприкосновенность жилища и неприкосновенность личности: отныне, убеждали законодатели, никто не мог быть арестован иначе как в случаях, установленных законом, и вопрос о продолжении ареста или об освобождении должен быть решен в течение 72 часов после задержания. Закон гарантировал свободу ассоциаций, если они преследуют дозволенные цели, и свободу выражения мнений, если они не посягают на основные принципы государства. Объявлялась свобода вероисповеданий, но право на публичное отправление службы признавалось только за католической религией¹¹⁰.

19 июля Франко официально объявил о частичной смене кабинета. Фалангист Хосе Хирон по-прежнему остался в правительстве в качестве министра труда, фалан-

гист Раймундо Куэста, соратник Хосе Антонио Примо де Ривера, стал министром юстиции. Д. Карсельер, как и во время войны, остался министром промышленности и торговли. Хосе Арресе, генеральный секретарь Национального движения, не вошел в правительство. Генерал Фидель Давила сменил на посту военного министра Карлоса Асенсио. Портфель министра авиации получил генерал Гонсалес Галарса. Но больше всего Франко рассчитывал произвести впечатление на западный мир назначением в качестве министра иностранных дел Альберто Мартина Артахо, доктора права, лидера Католического действия и президента Международного католического университета. Но «реорганизация внутренней жизни», как назвала эти маневры Франко официальная испанская печать, не произвела ожидаемого впечатления. 19 июня 1945 г. конференция стран — учредительниц Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско одобрила резолюцию, внесенную делегацией Мексики, об отказе в приеме в члены ООН тех стран, политические режимы которых были учреждены при помощи вооруженных сил стран «оси». На основании этой резолюции просьба Испании о приеме в ООН не была удовлетворена.

Фалангисты не принимали всерьез «антитоталитарных» маневров Франко. 2 мая газета «Информасьонес» поместила пышный некролог по Гитлеру, сопроводив его заголовком, набранным крупным шрифтом: «Перед лицом врага на своем посту чести умер Адольф Гитлер». По словам авторов некролога, Гитлер, оказывается, был «сыном католической церкви» и «защитником христианства», но пал, «подобно героям саги о Нибелунгах, обнимая свой меч», ни больше ни меньше, как за «свободу Европы»¹¹¹. Лишь «АВС» и «Вангвардиа Эспаньола» в какой-то степени приостановили поток прогерманской пропаганды; «Арриба» и другие фалангистские или контролируемые фалангой газеты оставили без внимания указание Франко быть более нейтральными, справедливо полагая, что это указание предназначено для конференции в Сан-Франциско и не имеет отношения к внутренней жизни страны. Государственное радио 4 мая организовало пронацистскую передачу, посвятив панегирик Гитлеру и Муссолини.

И в то время как архиепископ Толедо, глава испанской католической церкви, дал указание отслужить во всех церквях своей спархии благодарственный молебен за избавление Испании от войны, фалангисты заказали публичный реквием по Гитлеру. На 15 июня был заказан второй реквием, на этот раз по Гитлеру и Муссолини, однако месса была отменена — неизвестно только, кто об этом распорядился: Франко или архиепископ Толедо. Некоторые фалангисты, бурно выражавшие свое недовольство, были арестованы, но ненадолго. Фалангистов и иных сторонников режима обнадежила и традиционная ежегодная речь Франко, произнесенная по случаю очередной годовщины мятежа. В донесении государственному секретарю США 18 июля 1945 г. Армюр назвал эту речь «паступательной, самоуверенной и в высшей степени националистической». Франко заявил: «Лучшие законы будут иметь малое значение, если дух нашей фаланги будет утрачен, если мы будем почивать на легких лаврах или если мы не будем стойки перед трудностями, ожидающими нас на пути, по которому нам предстоит идти. Испания не нуждается и не будет нуждаться в импорте политических идей из-за рубежа»¹¹².

17 июля 1945 г. открылась Потсдамская конференция, и на первом же заседании глава делегации Советского Союза И. В. Сталин внес предложение «рассмотреть также вопрос о режиме в Испании». «Мы, русские, — заявил он, — считаем, что нынешний режим Франко в Испании навязан испанскому народу Германией и Италией. Он таит глубокую опасность для свободолюбивых Объединенных Наций. Мы полагаем, что было бы хорошо создать условия для испанского народа установить такой режим, какой ему нравится»¹¹³.

На это Черчилль ответил: «Я согласен, что вопрос об Испании должен быть поставлен в порядок дня»¹¹⁴.

Вопрос об Испании рассматривался на третьем заседании конференции 19 июля. На вопрос Трумэна, обращенный к И. В. Сталину, желает ли генералиссимус высказаться по этому вопросу, последний ответил, что предложения розданы и к тому, что там сказано, он добавить ничего не имеет. Первым взял слово Черчилль. Он сказал: «...Британские правительства — настоящее и преды-

дущее — питают ненависть по отношению к Франко и его правительству. Меня неправильно поняли и говорили, что я отношусь дружелюбно к этому господину. Все, что я сказал, это было то, что в испанской политике заключается больше, чем только карикатуры на Франко. Я считаю, что постоянное истребление людей, брошенных в тюрьмы за то, что они совершили 6 лет тому назад, и разные другие обстоятельства в Испании, по нашим английским понятиям, совершенно недемократичны.

Когда Франко прислал мне письмо, в котором говорилось, что он, я и некоторые другие западные страны должны объединяться против угрозы со стороны Советского Союза, я послал ему, с разрешения моего кабинета, весьма холодный ответ. Советское правительство, вероятно, помнит этот ответ, так как я послал ему копию моего письма, так же как я послал ее президенту. Поэтому между нами нет больших разногласий насчет тех чувств, которые мы питаем по отношению к нынешнему режиму в Испании.

Где я вижу затруднения в принятии проекта, предложенного генералиссимусом, так это в первом пункте, где говорится относительно разрыва всяких отношений с правительством Франко, которое является правительством Испании. Мне кажется, что такой шаг по своему характеру, имея в виду, что испанцы горды и довольно чувствительны, мог бы иметь своим последствием объединение испанцев вокруг Франко, вместо того чтобы заставить их отойти от Франко. Поэтому разрыв дипломатических отношений с правительством Испании мне кажется неудовлетворительным способом разрешения вопроса...

Я думаю, что такой шаг может только укрепить положение Франко, а если его позиции будут укреплены, то нам придется терпеть от него обиды или употребить против него свои силы... Мне кажется, что власть Франко находится сейчас под угрозой, и я надеюсь, что дипломатическим путем удастся ускорить его падение...»¹¹⁵.

В отличие от Черчилля Трумэн был краток, но позиция его была аналогична позиции Черчилля. «У меня нет сочувственного отношения к режиму Франко, — заявил он, — но я не хочу участвовать в испанской гражданской войне. Для меня достаточно войны в Европе. Мы были бы очень рады признать другое правительство в Испании вместо правительства Франко, но я думаю, что это такой вопрос, который должна решать сама Испания»¹¹⁶.

Отвечая Черчиллю и Трумэну, высказывавшим предположение, что способ разрешения испанского вопроса, предложенный Советским Союзом, может привести к новой гражданской войне, глава советской делегации сказал: «Я не предлагаю военного вмешательства, я не предлагаю развязывать там гражданскую войну. Я бы только хотел, чтобы испанский народ знал, что мы, руководители демократической Европы, относимся отрицательно к режиму Франко. Если мы об этом в той или иной форме не заявим, испанский народ будет иметь право считать, что мы не против режима Франко. Он может сказать, что, поскольку мы не трогаем режима Франко, значит, мы его поддерживаем.

Какие имеются средства дипломатического порядка, которые могли бы показать испанскому народу, что мы не на стороне Франко, а на стороне демократии? Допустим, что такое средство, как разрыв дипломатических отношений, является чересчур сильным, а нельзя ли нам подумать насчет других, более эластичных средств дипломатического порядка? Это необходимо сделать для того, чтобы испанский народ знал, что мы симпатизируем ему, а не Франко.

...Общественное мнение европейских стран, как это видно из печати, так же как и общественное мнение Америки, не симпатизирует режиму Франко»¹¹⁷.

Несмотря на то что советская делегация не настаивала на своем первоначальном предложении разорвать всякие отношения с правительством Франко, Черчилль все же счел необходимым еще раз разъяснить участникам конференции, почему британское правительство не хотело бы прекращать отношений с испанским правительством: «У нас очень долгое время существовали торговые отношения с Испанией, они нам поставляют апельсины, вино и некоторые другие продукты, мы, в свою очередь, поставляем им нашу продукцию. Если наше вмешательство не приведет к желанным результатам, то я не хотел бы, чтобы эта торговля была поставлена под угрозу. Но в то же время я вполне понимаю точку зрения генералиссимуса Сталина. Франко имел наглость послать в Россию «голубую дивизию», и поэтому я понимаю взгляды русских». На это Сталин возразил: «...Я бы не хотел, чтобы этот вопрос рассматривался с точки зрения какой-то обиды. Не в «голубой дивизии» дело, а в том, что режим Франко представляет серьезную опасность для Европы. Поэтому

я считаю, что надо что-то предпринять против этого режима. Если разрыв дипломатических отношений не годится, я не настаиваю на этом. Можно найти другие средства... Я предлагаю: пусть министры иностранных дел поговорят о том, нельзя ли придумать другую, более мягкую и эластичную форму для того, чтобы дать понять, что великие державы не поддерживают режима Франко»¹¹⁸. Трумэн сказал, что это его устраивает, и согласился передать вопрос на рассмотрение министров иностранных дел. Но Черчилль заявил, что он считает нежелательным передачу этого вопроса министрам иностранных дел даже для предварительного рассмотрения: «Я не могу советовать парламенту вмешаться во внутренние дела Испании... В то же время я был бы рад перемене режима в Испании, но только естественным путем. Я был бы лично очень рад, если бы в Испании произошла революция, например, если бы там установилась конституционная монархия с амнистией для политических заключенных»¹¹⁹. Глава советской делегации ответил, что он понимает «затруднения, которые испытывает г-н Черчилль в связи с запросами в парламенте», и предложил решить вопрос так: «отдельно вопроса о режиме Франко не ставить, условиться, что этот вопрос не стоял и не решался отдельно, как вопрос о режиме Франко».

Поручить трем министрам иностранных дел, учтя обмен мнениями по вопросу о режиме Франко, подыскать подходящую формулировку по этому вопросу, включить, в частности, формулировку г-на Черчилля, что Франко идет к своему концу и что его режим не пользуется сочувствием демократических держав, что в общественном мнении этот режим невысоко стоит. Такую формулировку можно было бы включить в одну из наших деклараций о Европе в качестве одного из пунктов». На это Черчилль заявил, что он еще не согласился в принципе, чтобы была сделана совместная декларация по этому вопросу. «Я не знаю, — продолжал он, — что думают сами испанцы, но мне кажется, что один думают так, другие иначе, я уверен, что многие испанцы хотели бы освободиться от Франко, но без нажима извне. Я не вижу, чем могли бы заниматься министры иностранных дел по этому вопросу»¹²⁰.

Ввиду того что было очень мало возможностей достигнуть соглашения по этому вопросу на данном заседании, было решено вернуться к нему позже.

На четвертом заседании 20 июля государственный секретарь США Д. Бирнс представил проект решения глав трех правительств о том, что «они поддержат вступление Италии в организацию Объединенных Наций, но что они не будут поддерживать вступление Испании в организацию Объединенных Наций до тех пор, пока Испания будет оставаться под контролем режима, существующего в этой стране в настоящее время». Министр иностранных дел Великобритании заявил, что он поддерживает это предложение ¹²¹.

Специального документа об Испании не было принято, но в решении конференции «О заключении мирных договоров и о допущении в Организацию Объединенных Наций» был включен особый пункт о том, что «три Правительства считают себя, однако, обязанными разъяснить, что они со своей стороны не будут поддерживать просьбу о принятии в члены, заявленную теперешним испанским правительством, которое, будучи создано при поддержке держав оси, не обладает, ввиду своего происхождения, своего характера, своей деятельности и своей тесной связи с государствами-агрессорами, качествами, необходимыми для такого членства» ¹²².

Решения Потсдамской конференции вызвали некоторую деморализацию в Мадриде. Тем не менее видимых изменений не произошло. 17 июля 1945 г. Франко призвал бороться с коммунизмом в Испании и вне ее «разъяснением истинной природы коммунизма», однако, как и прежде, борьба с коммунистами и всеми иными противниками франкистского режима велась не только и не столько при помощи ухищрений антикоммунистической пропаганды, а мерами репрессий.

В ответ на активизацию антифранкистского подполья была создана специальная «Организация антипартизанских действий», была централизована информация, созданы межпровинциальные секторы, усилены полицейские отряды, стало нормой участие армейских соединений в борьбе против партизан ¹²³. 14 сентября 1945 г. франкистская полиция арестовала видных членов Коммунистической партии Испании Сантьяго Альвареса и Себастьяна Саприаиа, незадолго до этого тайно пересекших границу в Пиренеях. В конце года были арестованы де-

сять коммунистов, бывших партизан, и среди них — Кристино Гарсиа, герой французского Сопротивления, кавалер ордена Почетного легиона. В конце 1945 — начале 1946 года полиция разгромила обе группы «Фронта либертарного сопротивления», созданного по решению Национального комитета анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда¹²⁴.

То был период потсдамской политики. Хотя уже на исходе войны Вашингтон решил стать на путь жесткой политики в отношении Советского Союза, что в конечном итоге привело к «холодной войне», в тогдашней обстановке в мире руководители США не решались еще говорить открыто о своих намерениях. Волна антифашистских настроений все еще была достаточно высока, а поэтому на поверхности еще не было видно всех признаков «холодной войны».

В период потсдамской политики и в период, непосредственно следовавший за ним, по мнению Генерального секретаря Коммунистической партии Испании Сантьяго Каррильо, «существовала некоторая вероятность оказания политической помощи со стороны держав антигитлеровской коалиции»¹²⁵.

Но все проявления такой помощи той Испании, которая отвергала Франко, не дали ощутимых результатов. Все попытки демократического общественного мнения и под его давлением правительств стран антигитлеровской коалиции добиться отмены репрессий не увенчались успехом. 5 декабря 1945 г. Э. Бевин, отвечая в палате общин на запросы по поводу позиции, занимаемой британским правительством в отношении франкистского режима, заявил: «Мы ненавидим этот режим»¹²⁶.

12 декабря 1945 г. правительство Франции направило официальную ноту правительствам Великобритании и США, предлагая обсудить наиболее подходящие меры для ускорения конца настоящего режима в Испании. Французское правительство предложило немедленно разорвать дипломатические отношения с Испанией.

17 января 1946 г. Национальная консультативная ассамблея Франции приняла резолюцию, предлагающую правительству порвать дипломатические отношения с Испанией¹²⁷.

Генеральная Ассамблея ООН 24 января 1946 г. одобрила резолюцию, в которой было подтверждено решение конференции в Сан-Франциско.

20 февраля 1946 г. Мадрид объявил о казни Кристино Гарсиа и девяти его товарищей. 23 февраля правительство Англии направило испанскому правительству протест против казни Кристино Гарсиа и девяти других лиц и против предстоящего суда над 37 социалистами. 26 февраля правительство Франции в знак протеста против непрекращавшегося франкистского террора объявило о своем решении закрыть испанскую границу. Граница была закрыта 1 марта 1946 г.¹²⁸

4 марта 1946 г. правительства Великобритании, Франции и Соединенных Штатов Америки опубликовали совместную декларацию, в которой говорилось, что, пока Франко продолжает править Испанией, испанский народ не может рассчитывать на полное и дружеское общение с нациями, которые общими усилиями нанесли поражение германскому нацизму и итальянскому фашизму. Нынешний испанский режим принял «репрессивные меры против закономерных попыток испанского народа организовать и выразить свои политические чаяния... Уход Франко должен произойти мирным путем, фаланга должна быть распущена и учреждено переходное или временно ведающее делами правительство, при котором испанский народ мог бы свободно решать, какой образ правления он желает, и выбрать своих лидеров»¹²⁹. Этот демарш, как и предыдущие, остался без результата. Франкистское правительство продолжало свою политику репрессий, жестоко подавляя любую форму протеста против существующего режима.

Правительство Франции предложило рассмотреть испанский вопрос в Совете Безопасности. Советский Союз поддержал это предложение, но правительства Англии и США оказали ему сопротивление, заявив при этом, что Франция создает опасный прецедент. Однако, принимая во внимание давление общественного мнения, Англия и США вынуждены были согласиться с предложением Франции, а госдепартамент в марте того же года издал даже сборник, состоящий из 15 документов, доказывавших, что Франко был соучастником Гитлера и Муссолини¹³⁰. 17 апреля начались дебаты в созданном Советом Безопасности подкомитете по испанскому вопросу. Совет Безопасности поручил этому органу тщательно и всесторонне изучить происхождение франкистского режима, его характер в прошлом и настоящем, подготовить на основании этого изучения проект резолюции и представить его

на рассмотрение предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи.

В Испании за это время не произошло никаких перемен, политика государственного террора проводилась с прежней настойчивостью. В ноябре 1946 года мадридская полиция обнаружила местонахождение подпольного ЦК Коммунистической партии и арестовала большую группу подпольщиков-коммунистов. Были разгромлены три подпольные типографии. Вслед за тем барселонская полиция арестовала подпольный региональный комитет Объединенной социалистической партии Каталонии¹³¹.

В ноябре началась вторая сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. 9 декабря Ассамблея вплотную приступила к обсуждению испанского вопроса. 12 декабря на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН был представлен проект резолюции, подготовленный подкомитетом по испанскому вопросу. Проект резолюции, внесенный подкомитетом по испанскому вопросу, рекомендовал странам — членам ООН отозвать из Испании послов и впредь не принимать Испанию ни в ООН, ни в специализированные учреждения ООН до тех пор, пока сохраняется существующий режим. Никто из делегатов не встал на защиту режима Франко. Вместе с тем ряд делегаций, и среди них представитель Сальвадора, заявили о своем несогласии с проектом резолюции на том основании, что в нем речь идет о вмешательстве во внутренние дела и что, если она будет принята, Испания будет приговорена к изоляции и превратится в первое международное гетто. Отвечая представителю Сальвадора, Нието дель Рио (Чили) сказал: «Но кто просит вмешаться во внутренние дела Испании? Мы говорим только, что Испания стала жертвой иностранной интервенции и что ее настоящий режим, родственный режиму держав-интервентов, был установлен в Испании при помощи этих же интервентов... Вследствие того, что этот режим был союзником врага, мы просим помочь испанскому народу и прервать с этим режимом дипломатические отношения, завязанные в недобрый час»¹³².

Делегации, выступившие против проекта резолюции на том основании, что он призывает к вмешательству во внутренние дела, предлагали резолюцию заменить призывом к испанскому народу: «Стань снова свободным, образуй свободное правительство». Полемизируя с ними,

представитель Франции Жуо сказал, что на пути осуществления этой формулы стоит закон от 29 марта 1941 г., и особенно его ст. 28: «Каждый, кто создает, организует или направляет отдельные группы для того, чтобы силой свергнуть или уничтожить политическую, экономическую или правовую структуру государства, подлежит тюремному заключению от 12 до 16 лет»¹³³.

Представитель СССР А. А. Громько заявил, что резолюция не дает полного удовлетворения, что она компромиссна, что разрыв дипломатических отношений был бы более действенной мерой, но что тем не менее он будет голосовать за эту резолюцию, так как она может ободрить испанский народ. Такую же позицию заняли делегации Чехословакии, Польши, Франции, Мексики, Гватемалы, Норвегии, Венесуэлы, Панамы, Чили и некоторых других стран¹³⁴. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 12 декабря была принята 34 голосами против 6 при 13 воздержавшихся.

Изоляция Испании на международной арене открыла перед франкистским режимом новые возможности спекулировать на идее национального единства перед лицом враждебного мира. 9 декабря, в день, когда началось обсуждение резолюции, с поощрения властей толпы запрудили площадь перед старым королевским дворцом, где находился в то время Франко. Выйдя на балкон, он произнес речь, смысл которой сводился к утверждению, что ничто не сможет заставить Испанию свернуть с ее пути. 12 декабря были организованы демонстрации у зданий посольств стран, голосовавших за резолюцию ООН.

При обсуждении испанского вопроса в Организации Объединенных Наций представитель Франции Жуо сказал: «Наша резолюция должна означать, что Генеральная Ассамблея требует, чтобы франкистское правительство перестало существовать»¹³⁵. Эта цель не была достигнута. Политика массовых репрессий и националистическая пропаганда, изо дня в день со страниц всех испанских газет призывавшая всех испанцев объединиться вокруг Франко перед лицом враждебного мира, трагическое разьединение сил антифранкистской оппозиции и другие факторы внутренней жизни Испании способствовали сохранению режима франкистской диктатуры. Но в том, что франкистский режим не перестал существовать, решающее значение имело резкое изменение всего международного климата.

В 1947 году внешнеполитический курс США становится открыто агрессивным. 12 марта была принята «доктрина Трумэна», этот манифест антикоммунизма. В обстановке «холодной войны» началась ревизия американской политики в отношении Испании и был взят курс на сближение с Франко. Согласно сообщениям испанских газет, «доктрина Трумэна была принята в Испании с энтузиазмом»¹³⁶. В июле 1947 года в интервью корреспонденту Интернэшнл Ньюс Сервис Франко заявил, что «Испания будет лучшим бастионом обороны Запада, чем Франция, и Соединенные Штаты, если пожелают, могут получить базы в Испании»¹³⁷.

Правительственный курс на сближение США и франкистской Испании находил поддержку и в конгрессе США: 30 марта 1948 г. палата представителей 149 голосами против 52 одобрила включение Испании в «план Маршалла»¹³⁸. Один из авторов резолюции о включении Испании в «план Маршалла» республиканец О'Конски в своих доводах на первое место отнес политический мотив необходимости оказания помощи Испании: «Испания является наиболее надежным бастионом в Европе против коммунизма»¹³⁹. Однако впоследствии эта же комиссия, столкнувшись с единодушным протестом правительств большинства стран Западной Европы, исключила Испанию из списка стран, на которые распространялся «план Маршалла», и приняла решение, что вопрос о включении Испании в «Программу восстановления Европы» должен решаться по усмотрению самих европейских держав.

В начале октября 1948 года председатель комиссии сената по военным делам сенатор Герни посетил Мадрид. Во время визита к главнокомандующему испанской армией генералу Хуану Вигону Герни пытался выяснить отношение испанского правительства к возможности использования Соединенными Штатами некоторых испанских морских баз, в частности Барселоны, Кадиса и Картахены, а также ряда военных аэродромов.

Франко положительно отнесся к предложению установить более тесные отношения между Испанией и США, но выставил как обязательное предварительное условие принятие Испании в ООН, распространение на Испанию помощи по «плану Маршалла» и возвращение послов стран Запада в Мадрид¹⁴⁰. Сенатор обещал поддержать

требования испанского правительства. По возвращении в Вашингтон Герни на совещании у Трумэна, где присутствовали министр обороны, военный министр, министры авиации и флота, а также начальники штабов, изложил проект военного союза США со странами Запада. Настаивая на необходимости включения в этот союз франкистской Испании, Герни заявил представителям прессы: «Все, кто борется с коммунизмом, должны быть заинтересованы, чтобы Испания была принята в лоно Объединенных Наций»¹⁴¹.

Особое значение в Вашингтоне стали придавать Испании в период создания НАТО, так как испанские базы рассматривались стратегами этого пакта как важнейший «элемент генеральной стратегии обороны» Западной Европы¹⁴².

Приблизительно в это же время государственный секретарь США Маршалл во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Париже пытался побудить представителей Франции и Англии выступить за ликвидацию резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в декабре 1946 года. На пресс-конференции 11 октября 1948 г. Маршалл заявил, что правительство Соединенных Штатов хотя и не берет инициативы в постановке вопроса об отмене резолюции ООН 1946 года, однако окажет поддержку любому предложению такого рода, поскольку, по его словам, эта резолюция уже не соответствует новому положению.

В начале 1949 года, когда переговоры о создании НАТО близились к завершению, усилия правительственных кругов США, направленные на аннулирование резолюции ООН 1946 года, получили официальную поддержку Англии. 2 февраля 1949 г. заместитель министра иностранных дел Англии М. Мехью заявил в палате общин, что английское правительство «не будет возражать против отмены резолюции ООН в отношении Испании, если этот вопрос будет вновь поставлен». Вслед за этим 6 февраля заместитель государственного секретаря США М. Макдермот сделал официальное заявление, что, по мнению госдепартамента, резолюция, принятая ООН в декабре 1946 года, «не применима в современных условиях»¹⁴³.

Но, помогаясь отмене санкций ООН против франкистской Испании, Вашингтону и Лондону приходилось считаться с недовольством этим курсом широких кругов демократической общественности Европы и Америки, и, для

того чтобы нейтрализовать его, пресса США стала распространять произвольную интерпретацию, что возвращение послов государств — членов ООН в Мадрид якобы будет способствовать «демократизации» франкистского режима. Именно отрицательная реакция демократического общественного мнения, в том числе в США и Англии, была причиной того, что инициаторами проекта резолюции, внесенного на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН 9 мая 1949 г., о том, что страны — члены ООН свободны в своих отношениях с Мадридом, оказались не Англия и США, а Боливия, Бразилия, Колумбия и Перу. Резолюция была одобрена 25 голосами против 16 при 16 воздержавшихся.

Английский министр иностранных дел Бевин в выступлении 12 мая в палате общин, отвечая на многочисленные запросы в защиту решения ООН, не мог сказать ничего иного, кроме того, что «возвращение послов в Мадрид преследует лишь чисто практические цели, например получение информации». Эти доводы звучали малоубедительно. Когда на рассмотрение Ассамблеи ООН была внесена новая резолюция, предусматривавшая полное восстановление дипломатических отношений с Испанией, она не получила квалифицированного большинства, среди воздержавшихся были США, Англия и Франция.

Вторая половина 1949 года ознаменовалась дальнейшим усилением контактов США и Испании, причем, несмотря на явно отрицательную реакцию европейских партнеров США по НАТО, американские официальные лица не скрывали, что США преследуют в первую очередь установление военного союза с Испанией. Когда в июле 1949 года сенатский комитет по бюджету обсуждал предложение о предоставлении Испании кредита в 50 млн. долл., отъявленный реакционер сенатор Истленд заявил, что невозможно представить себе сильную Европу без сильной Испании.

3 сентября 1949 г. американская эскадра нанесла официальный визит Испании. 27 сентября во время посещения группой американских конгрессменов Мадрида член комитета по иностранным делам палаты представителей Д. Ричард сказал: «Я могу лишь повторить то, что уже говорил в конгрессе: Испания составляет важнейшее звено в Атлантическом пакте»¹⁴⁴.

Однако усилия американской дипломатии привлечь Испанию к участию в этом блоке неизменно встречали

отрицательное отношение со стороны европейских членов НАТО. Последние полагали, что уже одно участие в НАТО скомпрометирует эту организацию. В конечном итоге НАТО создавалось в обстановке оглушительной пропагандистской шумихи. В преамбуле договора, например, было записано, что государства, вошедшие в эту организацию, стоят на принципах «демократии и индивидуальной свободы»¹⁴⁵. В результате США все более склонялись к заключению двустороннего союза с Испанией.

В Мадриде, в свою очередь, с большим одобрением относились к проектам такого рода, хотя и не теряли надежды на принятие Испании в НАТО. Еще 10 ноября 1948 г. Франко в интервью с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» решительно высказался в пользу двусторонних прямых связей с Соединенными Штатами в отношении помощи по «плану Маршалла», прибавив при этом, что он одобряет усилия западного блока в борьбе против Советского Союза, и подтвердил волю Мадрида принять участие в этом альянсе. В Испании по понятным причинам была опубликована лишь первая часть интервью¹⁴⁶.

27 апреля 1950 г. американский сенат вновь отклонил предложение Маккарена о распространении на Испанию «плана Маршалла». Однако 1 августа 1950 г. сенат в том же составе 65 голосами против 12 принял закон о предоставлении Испании займа в 100 млн. долл. через Экспортно-Импортный банк¹⁴⁷.

Изменение позиции сената было вызвано начавшейся 25 июня 1950 г. войной в Корее. Через несколько дней испанский посол в Вашингтоне сделал официальное заявление о том, что испанское правительство согласно вместе с Объединенными Нациями участвовать в борьбе против «коммунистической агрессии» в Корее¹⁴⁸. В Вашингтоне высоко оценили готовность Испании пойти вслед за США в агрессии против корейского народа. Сенат США 31 июля 1950 г. принял резолюцию о прекращении помощи странам, которые откажутся участвовать своими вооруженными силами в борьбе против КНДР¹⁴⁹.

12 сентября 1950 г. по инициативе председателя комиссии по иностранным делам сенатора Коннелли группа американских сенаторов от обеих партий начала новую кампанию в конгрессе, пытаясь доказать крайнюю необходимость принятия Испании в НАТО. В обоснование этого тезиса мракобес сенатор Маккарен сослался на мнение американских военных, которые придавали большое

значение наличию у Испании полумиллионной армии, которая за 36 часов может быть развернута до 2 млн. лично-го состава. Кроме того, убеждал Маккарен, у Испании имеется опыт борьбы с коммунизмом¹⁵⁰. Вылазка сенаторов немедленно получила поддержку военных. 28 сентября 1950 г. председатель комитета начальников штабов генерал Бредли выступил в национальном пресс-клубе в Вашингтоне, заявив, что базы в Испании усилят позиции НАТО¹⁵¹.

В сложившейся обстановке официальные круги Лондона и Парижа по-прежнему отрицательно относились к включению Испании в систему НАТО, но усилия американских правящих кругов добиться отмены резолюции ООН от 12 декабря 1946 г. теперь не встречали сопротивления. В США нарастали призывы к односторонней отмене санкций резолюции ООН 1946 года в отношении Испании. Коннелли 29 декабря 1949 г. заявил, что резолюция ООН не может определять направление дипломатических отношений США, которые являются суверенными¹⁵². 19 января 1950 г. государственный секретарь США Д. Ачесон в письме Коннелли писал, что США окажут в ООН поддержку резолюции, которая предоставит свободу государствам — членам ООН в их отношениях с Испанией, в том числе и в вопросе о возвращении послов в Мадрид.

Об этом стало известно в Мадриде. Испанский министр иностранных дел М. Артахо в начале февраля 1950 года назвал заявление Ачесона запоздалым, но реалистическим признанием допущенной западными странами ошибки — принятия предложения СССР в Потсдаме об исключении Испании из системы международного сотрудничества. Артахо даже не предпринял попытки доказать, что в Испании произошли какие-либо изменения по сравнению с 1946 годом¹⁵³.

26 октября 1950 г. специальный комитет по политическим вопросам ООН внес на рассмотрение пятой сессии Генеральной Ассамблеи резолюцию об отмене рекомендации от 12 декабря 1946 г. об отзыве послов из Испании и о недопущении последней в специализированные учреждения ООН¹⁵⁴. Авторами проекта резолюции были делегации восьми государств: Боливии, Гондураса, Доминиканской Республики, Коста-Рики, Никарагуа, Перу, Сальвадора, Филиппин. Как отметил представитель СССР А. А. Арутюнян, даже авторы резолюции не утверждали,

что нынешнее правительство Франко сколько-нибудь изменилось по сравнению с временем принятия резолюции 1946 года. Отсутствие изменений в характере правительства Франко констатировали почти все ораторы, однако делали из этого признания различные выводы.

Представитель Франции Плезан свою поддержку предлагаемой резолюции обосновал именно отсутствием перемен в Испании. «Необходимо, однако, признать, — сказал он, — что результаты этих мер не оправдали ожиданий и положение в Испании, по-видимому, не изменилось»¹⁵⁵. Он выразил надежду, что испанский народ сможет в недалеком будущем произвести выборы и установить конституционный режим. Неясно, на чем основывались столь радужные надежды французского представителя. Представитель Сальвадора Кастро заявил, что в предлагаемой резолюции не стоит вопрос об отношении к режиму Франко, а всего лишь восстанавливается право самим решать, в каком ранге представители государств — членов ООН будут осуществлять свои дипломатические функции в Мадриде, так как после принятия резолюции ООН 1946 года поддержание дипломатических отношений было возложено на поверенных в делах. Что же касается участия Испании в специализированных учреждениях ООН, заявил Кастро, то в этом заинтересован весь испанский народ, иначе ему придется страдать от голода и нищеты¹⁵⁶.

В то же время ряд делегаций не потеряли окончательно веру в возможность ООН оказать давление на правительство Испании и, стремясь морально поддержать демократическое общественное мнение этой страны, заявляли о своем твердом намерении голосовать против предлагаемой резолюции. Представитель Польши Кац-Суха заявил: «Мы будем голосовать против потому, что мы не можем предать испанский народ»¹⁵⁷.

В результате голосования резолюция специального комитета была принята 39 голосами против 10 при 12 воздержавшихся¹⁵⁸.

Официальный Мадрид истолковал это решение по-своему. Министр иностранных дел Испании М. Артахо заявил, что на своего рода политическом процессе в ООН Испания из обвиняемой превратилась в обвинителя, а поэтому может требовать соответствующего возмещения от западных стран за ущерб, причиненный в результате санкций резолюции 1946 года¹⁵⁹.

Коннелли поспешил сообщить свое мнение о том, что США должны в ближайшее время обменяться послами с Испанией.

Так атмосфера «холодной войны», особенно сгустившаяся после начала американской агрессии в Корее, привела к ревизии политики западных держав в отношении Испании, завершившейся фактическим примирением с режимом Франко.

11 января 1951 г. президент Трумэн, выступая на пресс-конференции, счел нужным заявить, что назначение посла в Мадрид не означает изменения политики США к франкистскому режиму¹⁶⁰. Но уже 20 марта 1951 г. газета «Нью-Йорк геральд трибюн», сообщая о первом визите нового американского посла М. Стантона Гриффиса к Франко, писала, что во время визита были затронуты военные проблемы. В своих предположениях газета исходила из официального заявления Макдермота на пресс-конференции 19 марта 1951 г. Заявив, что с назначением посла в Мадрид отношения между США и Испанией вступили в «новую фазу», он подтвердил, что будут вести переговоры военного характера¹⁶¹.

17 июля 1951 г. с официальным визитом к Франко прибыл адмирал Ф. Шерман¹⁶². Факт посещения Испании американским адмиралом в тот момент, когда официальный Мадрид праздновал 15-ю годовщину так называемой «национальной революции», был расценен демократической общественностью как демонстративная поддержка Вашингтоном франкистского режима. Во время этого визита была достигнута принципиальная договоренность об использовании испанских баз морскими и воздушными силами США. В обмен Франко потребовал вооружение и кредиты на сумму 500 млн. долл. «Технические» детали этого соглашения должны были быть уточнены при дальнейших переговорах.

Вскоре последовало еще одно проявление благожелательного отношения американского правительства к франкистскому режиму: на территории США были запрещены все испанские республиканские организации, обвиняемые в «коммунистической деятельности»¹⁶³.

Реакция официальных кругов Лондона и Парижа на визит адмирала Шермана была резко отрицательной.

В тот же день, когда стало известно о визите американского адмирала, был опубликован официальный меморандум британского министерства иностранных дел, в котором Лондон вновь подтвердил свое отрицательное отношение не только к принятию Испании в НАТО, но и к заключению с ней двусторонних отношений членами НАТО.

Однако Вашингтон оставил без внимания реакцию своих союзников по НАТО на американскую политику в Испании.

14 апреля 1952 г. в Мадриде начались переговоры между официальными представителями США и Испании, которые завершились заключением военного пакта 26 сентября 1953 г.¹⁶⁴ Этот пакт состоял из трех частей: первая часть — соглашение о строительстве и использовании американских баз в Испании, вторая — соглашение об экономической помощи, третья часть — соглашение о взаимной помощи.

В соглашении о строительстве и использовании баз правительство США приняло на себя обязательство «поддерживать усилия Испании в области обороны для согласованных целей путем оказания военной и экономической помощи Испании в течение нескольких лет для создания эффективной противовоздушной обороны Испании, для улучшения оснащения ее сухопутных и морских сил»¹⁶⁵. В свою очередь, правительство Испании разрешило правительству Соединенных Штатов построить «такие сооружения и средства обслуживания, которые будут сочтены необходимыми для выполнения целей этого соглашения компетентными органами обоих правительств»¹⁶⁶. По соглашению об экономической помощи правительство Соединенных Штатов обязалось предоставлять правительству Испании «такую экономическую или техническую помощь, которая может потребоваться правительству Испании»¹⁶⁷.

Вечером 26 сентября Франко сказал своим друзьям: «Наконец, я выиграл войну в Испании»¹⁶⁸.

Заключение пакта 1953 года окончательно ликвидировало надежду на то, что можно воздействовать на режим Франко дипломатическими акциями. О возможности таких в сложившихся условиях больше говорить не приходилось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепции о месте и роли Испании во второй мировой войне стали возникать еще в ходе самой войны и в первые месяцы после ее окончания. Первыми создателями их оказались не академические исследователи, а столпы франкистского режима и западные руководители антигитлеровской коалиции.

Создавались эти концепции для сугубо практических целей и зависели они отнюдь не от степени пристрастия их создателей к истине. Франко и его дипломаты создали два, а вернее три, совершенно различных варианта версии о причастности Испании к всемирному конфликту. Эти варианты не соответствуют официальной периодизации внешнеполитического курса Испании — статус «нейтралитета» (сентябрь 1939 г.— июнь 1940 г.), статус «невоюющей стороны» (июнь 1940 г.— октябрь 1943 г.), статус «строгого нейтралитета» (октябрь 1943 г.— май 1945 г.), а, скорее, совпадают с основными рубежами второй мировой войны.

В течение периода с сентября 1939 года по декабрь 1941 года Франко и его министры иностранных дел Х. Бейгбедер и Р. Серрано Суньер не только в секретной переписке с главарями европейских стран «оси», но и публично неоднократно уверяли в том, что Испания с самого начала конфликта прилагала большие усилия, готовясь вступить в мировую войну в благоприятных условиях и в соответствии с имеющимися у нее возможностями. Кульминационным пунктом этого периода были первые дни и недели после нападения Германии на СССР. Франко тогда был уверен не только в уничтожении русского коммунизма, но и в грядущем поражении союзников, а потому позволил себе метать громы и молнии в адрес «плутократических демократий». Однако, несмотря на воинственные речи, Испания официально не вступила в войну ни летом — осенью 1940 года, ни зимой 1941 года, а после напа-

дения Германии на СССР Франко подменил вопрос об официальном вступлении Испании в войну посылкой на советско-германский фронт «голубой дивизии», созданной по требованию фалангистов-экстремистов.

В декабре 1941 года Франко считал нужным сменить прежнюю концепцию о заинтересованности Испании в войне на новую, более соответствующую, по мнению франкистской дипломатии, иной расстановке сил на международной арене.

Согласно этой новой концепции испанского правительства в мире идет не одна война, а три войны, и к каждой из них у Испании свои, особые отношения: Испания не принимает никакого участия в войне за торговые и имперские интересы наций Западной Европы, равно как Испания не принимает участия в войне между Соединенными Штатами Америки и Японией. Что же касается войны между Германией и Россией, то это война идей, и в этой войне Испания на стороне Германии.

До недавнего времени в западной буржуазной историографии господствовало мнение, что изменение концепции войны и нейтралитета испанского правительства связано исключительно с вступлением в войну США. Но в последнее время появились работы, в которых изменение точки зрения Испании на характер нейтралитета связывается с тем ошеломляющим впечатлением, которое произвело в Мадриде известие о поражении немцев под Москвой. Во всяком случае, начиная с декабря 1941 года испанское правительство неоднократно заявляло о своем нейтралитете в войне между «осью» и западными державами. То обстоятельство, что Испания продолжала определять свой статус в войне как статус «невоюющей стороны», а не нейтралитета, Франко не раз объяснял своим желанием поражения России. И хотя всем было известно об участии «голубой дивизии» в войне против СССР, испанское правительство настаивало на том, что в «войне идей», в войне фашизма против коммунизма Испания оказывает помощь Германии преимущественно своим антикоммунизмом, то есть в идеологической сфере. В этой связи делались оговорки, что официально Испания так и не участвует в войне с СССР.

Начиная с октября 1943 года Испания все настойчивее определяет свое место в мировом конфликте как полностью нейтральное. Наиболее полно эта концепция об абсолютной непричастности Испании к мировому конф-

лику была отражена в интервью Франко в июле 1945 года, в котором он заявил о полном отсутствии даже желания вступить в войну на всем ее протяжении.

Взгляд британского премьер-министра У. Черчилля на место и роль Испании в войне почти полностью совпадает с этой последней версией испанского правительства, но в отличие от Франко Черчилль был удивительно постоянен в своих оценках. И в своем заявлении в палате общин в октябре 1940 года, и в речи в палате общин 24 мая 1944 г., и на Потсдамской конференции в июле 1945 года — он постоянно причислял Испанию к числу стран, «ничем нам (т. е. «союзникам». — С.П.) не досаждавших», для него Испания — «страна, которая не приняла участия в войне», и он неоднократно призывал несогласных с ним «делать различие между человеком, который сбил вас с ног, и тем, кто вас не трогал»¹.

Но позиция Черчилля не была идентична не только позиции умеренного крыла демократического общественного мнения Англии времен войны, но даже и позиции многих руководителей британского министерства иностранных дел, которые неоднократно определяли позицию Испании в войне как «псевдонейтральную».

По мнению президента США Рузвельта, нейтралитет Испании носил весьма условный характер. Он неоднократно обращал внимание на позицию и помощь Испании странам «оси» в то время, когда война развивалась неблагоприятно для стран антигитлеровской коалиции, и объяснял благожелательные жесты Франко в адрес США и Англии в конце войны исключительно тем, что эти страны стоят на пороге победы над своими врагами. Для него существующий в Испании режим был связан со странами «оси» «не только в духовном отношении, но и своей политикой и своими действиями».

Ф. Рузвельт ставил позицию Испании в прямую зависимость от того, как складывалось соотношение сил в ходе мировой войны.

Это вполне правомерно. Мало того, само определение места и роли Испании в войне, характер испанского нейтралитета тесно связаны с мотивами воздержания Испании от официального участия в войне.

Почти все современники и многие исследователи истории Испании периода войны в разное время отмечали, что в конечном счете позиция Испании в войне во многом зависела от воли Франко. Принимая во внимание ту по-

истине колоссальную власть, которой обладал фашистский диктатор к исходу гражданской войны и во время второй мировой войны, волю Франко нельзя совершенно сбросить со счетов. Но в какой степени эта воля зависела от обстоятельств объективных, что и в какой мере определило решение Франко официально не участвовать в войне?

Для создателей испанской литературы пропагандистского толка, для которых Франко — единственное испанское правительство, эти вопросы не возникают. Для них воля и желание диктатора абсолютны и ничем не связаны. Для тех же исследователей, кто претендует на научное объяснение причин неучастия Испании в войне, этот вопрос имеет немаловажное значение.

Известный американский теоретик международных отношений Ганс Моргентау как-то сделал весьма примечательное разграничение между «моралистами» и «реалистами» в науке и политике: «Моралист спрашивает, как данная политика соответствует моральному принципу, а политический реалист спросит, как данная политика затронет мощь страны»². Перефразируя Г. Моргентау, тех исследователей, кто взял на себя труд объяснить причины испанского нейтралитета, также можно условно разделить на «моралистов» и «реалистов». К работам «моралистов» можно с известным основанием отнести цитируемые выше книги Р. Серрано Суньера и Х. Ду-синаге.

Раздел «Внешняя политика Испании» в книге Серрано Суньера от начала до конца посвящен доказательству того, что Испания не вступила в войну исключительно из-за непреодолимой приверженности к «идее мира» Франко и самого Серрано Суньера. Суньер пытается убедить читателя, что он, как руководитель внешней политики Испании, был и остался с начала до конца верен «идее мира» и вся его деятельность была посвящена воплощению в конкретную политику некоего высокого морального принципа. В изложении Суньера диктатор, да и он сам, вырастают до размеров главных фигур в «сопротивлении немецким планам вовлечения Испании в войну»³. Суньер даже не затрудняет себя доказательствами этого тезиса, да это и невозможно было бы сделать, принимая во внимание истинное положение вещей, неизвестное разве только введенным в заблуждение тем испанским читателям, единственным источником информации которых

была официальная литература. Да и то при условии, что они начисто забыли все то, о чем писали даже испанские газеты в 1939—1945 годах.

Х. Дусинаге поставил перед собой цель доказать, что вся внешняя политика Испании в годы второй мировой войны определялась антикоммунистической позицией испанского правительства. По существу, его книга — восхваление Испании за ее прозорливость в отношении опасности, якобы исходящей от Советского Союза, и осуждение Запада за его «слепоту». «Испания была права», — утверждает автор самим заглавием книги (имеется в виду отношение к СССР), а прозревший с большим опозданием Запад — неправ. Книга была издана в разгар «холодной войны», в 1949 году, и была рассчитана главным образом на внешнего читателя. В отличие от книги Р. Серрано Суньера работа Х. Дусинаге содержит много документов с претензией на доказательство основного тезиса автора. То, что политика Испании во время войны была антисоветской, автор доказал вполне, хотя вряд ли еще до выхода его книги и были сомневающиеся в этом. Но то, что только лишь идеология антикоммунизма определяла всю внешнюю политику Испании, осталось недоказанным.

Х. Дусинаге выразил точку зрения своего правительства. Эту «концепцию» были, по-видимому, обязаны разделять все, кто в Испании в те годы брался за тот или иной аспект истории Испании военных лет. И генерал Э. Эстебан Инфантес, командир, а потом «историограф» «голубой дивизии», единственное объяснение нейтралитета Испании в начале войны и посылки «голубой дивизии» на советско-германский фронт ищет только в антикоммунистической позиции испанского правительства.

К «моралистам» с некоторым основанием можно отнести и тех исследователей истории испанского фашизма, которые считают, что Франко не поддался на нажим руководителей фашистской Германии и не вступил в войну главным образом потому, что он не в полной мере разделял не только идеалы и взгляды германского национал-социализма, но и основателей испанской фаланги, а поскольку он, по мнению этих авторов, не был фашистом «чистой воды», то и не считал для себя необходимым во всем следовать воле Германии. Но большинство исследователей считают, что в основе внешнеполитического курса лежали весьма осязаемые реальные интересы.

«Реалисты» объясняют причины неучастия Испании в войне по-разному, но все они сходятся в одном: Франко был трезвым политиком-прагматистом и во всем исходил из собственных реальных интересов. Еще в годы второй мировой войны руководители испанской внешней политики приложили немало усилий, чтобы убедить Гитлера и Риббентропа, что Испания отказывается вступить в войну только из-за того, что Германия немедленно не удовлетворяет ее территориальные притязания. Их усилия оказались не безуспешными. Руководителям испанской внешней политики удалось убедить не только главарей рейха периода войны, но и иных историков, взявшихся за исследование Испании много лет спустя. Американский историк А. Вайтекер в начале 60-х годов безапелляционно утверждал, что Франко готов был вступить в войну на стороне «оси» и отказался от своего намерения только из-за нежелания Гитлера и Муссолини оплатить этот шаг Испании. Но большинство тех, кого мы условно назвали «реалистами», ищут более основательные причины нейтралитета Испании. И среди этих причин прежде всего называется неустойчивое экономическое и политическое положение. Эту точку зрения разделяли многие современники событий: послы в Мадриде Шторер, Хейс и Хор, обозреватели лондонского «Таймс» и нейтральной швейцарской прессы, об этом шла речь и в известном донесении личного агента Риббентропа, которое приведено выше.

Изучение всего комплекса документов и материалов подтверждает эту точку зрения на испанский нейтралитет.

Придя к власти через море крови, франкисты и после своей победы продолжали жить как в оккупированной стране. Победенным не было места в новых институтах франкистского государства. Им даже не пытались привить свои идеалы фалангистская пропаганда. Они были отверженными в своей собственной стране. Это скрытое состояние пассивной гражданской войны и было тем фундаментом, на котором строилось здание испанской внутренней и особенно внешней политики во время второй мировой войны. Именно поэтому образовался такой зияющий разрыв между честолюбивыми замыслами диктатора и их исполнением: националистические лозунги, проповедь особой «миссии» Испании, призывы к возрождению национальной славы, соглашения с европейскими держа-

вами «оси», ожидаемая в Берлине и Риме благодарность за помощь, казалось, сулили активную внешнюю политику.

Крайне неустойчивое внутривнутриполитическое положение, чреватое опасностями для недавно установленного режима при малейшем нарушении внутривнутриполитического баланса, страстное желание подавляющего большинства пострадавшего испанского народа мира, а не войны, гражданской или внешней, заставили генерала Франко, профессией которого была война, всеми силами избегать вовлечения Испании в кровавый мировой конфликт. Не мог он согласиться и с требованиями Берлина пропустить через Испанию германские войска, поскольку даже многие его «национально мыслящие» сторонники не желали, чтобы иностранные армии ступали по испанской земле.

Статус «нейтралитета» оказался вынужденным. Испанский нейтралитет был нейтралитетом особого рода. Недаром даже руководители испанского государства вплоть до конца 1943 года предпочитали определять статус Испании в войне как статус «невоюющей стороны», что, согласно разъяснению самого Франко, означало, что Испания не является нейтральной в борьбе против коммунизма, и прежде всего в войне между Германией и Советским Союзом, и в то же время не принимает участия в конфликте между «осью» и западными державами. Франко проявил крайнюю изворотливость, отказываясь официально вступить в войну на стороне Германии, предпочел упреки Гитлера в «трусости» и «неблагодарности» риску потерять власть.

Надежды Франко со временем полностью стабилизировать свое внутривнутриполитическое положение так и не увенчались успехом. Вплоть до конца войны последствия революционных лет так и не были ликвидированы. К тому же обнаружилось, что проведенное Франко объединение «национальных» партий не дало желаемых результатов. Франко не решился воевать при таком ненадежном тыле, он не мог доверить оружие своим реальным и потенциальным врагам.

Но все изощренные методы испанской дипломатии, вся изворотливость Франко едва ли привели бы к желанному результату, Испании едва ли удалось бы избежать вступления в войну, если бы не открывшаяся возможность использовать к своей выгоде опасения западных держав вызвать второе издание гражданской войны в Испании.

В этом были трогательно едины и немцы, и англичане, и американцы: как в правящих кругах европейских держав «оси», так и в лагере их западных противников имелись серьезные опасения, что вторжение на территорию Испании любой из воюющих сторон приведет к усилению левых, демократических сил на Пиренеях. Немалую службу франкистской дипломатии сослужила и концепция Черчилля, разделяемая многими высокопоставленными лицами и в Вашингтоне, согласно которой поставки из Англии и США прочнее, чем что-либо, привязывали Испанию к странам-поставщикам.

В апреле 1945 года Черчилль, узнав о казни Муссолини итальянскими патриотами, выразил глубокое сожаление по поводу опрометчивости итальянского диктатора, свергнувшего страну в войну. Позднее в шестом томе своих мемуаров Черчилль, сокрушаясь по поводу судьбы Муссолини, писал, что если бы Муссолини не пошел на поводу у Германии, то в конце войны он смог бы обеспечить для своей страны место чуть ли не арбитра за столом мирной конференции, стабилизировать и укрепить свой режим. Франко шел как раз по тому пути, который Черчилль пожелал Муссолини, хотя его и не пустили за стол мирной конференции.

Г. Моргентау определяет политику как «борьбу за власть над людьми». Можно возразить против такого определения сущности политики даже буржуазным политическим деятелем. Но для Франко политика действительно сводилась к борьбе за сохранение безграничной власти над людьми, к борьбе за сохранение личной диктатуры.

Конечная цель дипломатии Мадрида во время войны и заключалась в создании предпосылок для сохранения именно такой формы правления на Пиренейском полуострове.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ J р р е с c o u r t, *Les chemines d'Espagne*, P., 1945, pp. 9—20.
- ² I. de P a l e n c i a, *Smouldering Freedom, The Story of the Spanish Republicans in Exile*, L., 1945.
- ³ A. P e e r s, *Spain in Eclipse*, Methuen, 1943; T. H a m i l t o n, *Appeasement's Child. The Franco regime in Spain*, L., 1944.
- ⁴ «The Spanish Government and the Axis Powers», Wash., Department of State, March, 1946.
- ⁵ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III — *Германская политика и Испания (1936—1943 гг.)*, М., 1946; «Documents secrets du Ministère des Affaires étrangères d'Allemagne», ed. Paul Dupont, P., 1947.
- ⁶ «Congressional Record», Wash.
- ⁷ «ООН. Совет Безопасности. Подкомитет по испанскому вопросу», Нью-Йорк, 1946.
- ⁸ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов», тт. I—VII, М., 1957—1961; «International Military Tribunal. Nuremberg», vol. IX, XXII, XXV, Nuremberg, 1947—1949.
- ⁹ «Ciano's Diplomatic Papers», 1948; «The Ciano Diaries, 1939—1943», N. Y., 1946.
- ¹⁰ S. H o a r e (Viscount Templewood), *Ambassador on Special Mission*, L., 1946; C. H a y e s, *Wartime Mission to Spain, 1942—1945*, N. Y., 1945.
- ¹¹ «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II, 1939—1945 гг., М., 1962, стр. 570.
- ¹² H. F e i s, *The Spanish Story: Franco and the Nations at War*, N. Y., 1948.
- ¹³ W. C h u r c h i l l, *The Second World War*, vols. I—VI, L., 1948—1953.
- ¹⁴ «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II, стр. 588.
- ¹⁵ См. «Documents on International Affairs 1939—1946», vol. I—II, 1952—1954.
- ¹⁶ «The War and the Neutrals. Survey of International Affairs, 1939—1946», Oxford, 1956.
- ¹⁷ «История международных отношений и внешней политики СССР», т. II, стр. 587.
- ¹⁸ «The War and the Neutrals. Survey of International Affairs, 1939—1946», p. 260.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 311.
- ²⁰ J. D o u s s i n a g u e, *Espana tenía razón*, Madrid, 1950.
- ²¹ *Ibid.*, p. 130.
- ²² E. N. D z e l e p y, *Franco, Hitler et les Alliés (Un precurseur de l'O. T. A. N.)*, Bruxelles, 1961.

- ²³ A. Whitaker, Spain and the Defense of the West, N. Y., 1962.
²⁴ Ibid., p. VII.
²⁵ Ibid., p. 4.
²⁶ «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945» (далее: DGFP), Series D, L., 1950—1964.
²⁷ D. Puzzo, Spain and the Great Powers. 1936—1941, N. Y., 1962; C. Martin, Franco — soldat et Chef d'Etat, p., 1959; G. Hills, Franco. The Man and His Nation, N. Y., 1967.
²⁸ G. Jackson, The Spanish Republic and the Civil War. 1931—1939, Princeton, 1965; D. Detwiler, Hitler, Franco and Gibraltar, Wiesbaden, 1962.
²⁹ S. Payne, Falange. A history of Spanish Fascism, Oxford, 1962.
³⁰ B. Nellesen, Die Verbotene Revolution, Hamburg, 1963.
³¹ X. Гарсиа, Испания XX века, М., 1967.

Глава I

- ¹ L. Bolin, Spain: The Vital Years, L., 1967, pp. 9—20.
² Цит. по J. Pla, Historia de la Segunda Republica española, vol. 2, Destino, 1940—1941, p. 6.
³ В работе Учредительных кортесов компартия не участвовала, так как в момент провозглашения Республики в ее рядах было всего 800 человек. Но в дальнейшем она неоднократно высказывалась против «антиклерикальной шумихи и демагогических жестов некоторых республиканских лидеров, выступления которых ранили чувства массы католиков и использовались реакцией для того, чтобы, подняв знамя борьбы против преследования религии, расколоть народ» («История Коммунистической партии Испании. Краткий курс», М., 1961, стр. 67).
⁴ G. Hills, Franco. The Man and His Nation, pp. 170, 192.
⁵ По мнению американского историка Дж. Хиллса, эти партии являются предшественницами христианско-демократических партий послевоенной Европы.
⁶ S. Galindo Herrero, Historia de los partidos monarquicos bajo de la segunda republica, Madrid, 1954, p. 84.
⁷ «El Debate», 24. IV. 1934.
⁸ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III — Германская политика и Испания (1936—1943 гг.), стр. 63.
⁹ «Juntas de ofensiva nacional sindicalista» — JONS.
¹⁰ S. Payne, Falange. A History of Spanish Fascism, pp. 11—16; G. Hills, Franco. The Man and His Nation, pp. 215—216.
¹¹ S. Payne, op. cit., p. 45.
¹² L. Bolin, Spain: the Vital Years, p. 9.
¹³ Подробнее о Конституции 1931 года см. С. П. Пожарская, Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939, М., 1966, стр. 42—45.
¹⁴ Primo de Rivera, Obras completas, Madrid, 1942, pp. 589—597.
¹⁵ Цит. по G. Jackson, The Spanish Republic and the Civil War, 1931—1939, pp. 34—35.
¹⁶ О последствиях поражения Испании в войне с США в 1898 году см. X. Гарсиа, Испания XX века.
¹⁷ См. I. Prieto, Convulsiones de Espana, México, 1967, pp. 128—130.
¹⁸ G. Jackson, The Spanish Republic and the Civil War. 1931—1939, p. 418.

- ¹⁹ G. Hills, Franco. The Man and His Nation, p. 173.
- ²⁰ См. G. Jackson, op. cit., p. 76. Один из участников путча Х. Ансальдо в своих мемуарах утверждает, что в дни, когда Санхурхо готовил свой мятеж, на вопрос, с ними ли генерал Франко, заговорщики не могли ответить ни «да», ни «нет». См. J. Ansaldo, ¿ Para que? De Alfonso XIII a Juan III, B.-A., 1951, p. 92.
- ²¹ Caballero, Audaiz, El general Sanjurjo, Madrid, 1940, p. 83.
- ²² «El Socialista», 17. VIII. 1932.
- ²³ G. Hills, op. cit., p. 187.
- ²⁴ G. Jackson, op. cit., p. 117.
- ²⁵ Результаты 1-го и 2-го туров голосования см. «El Socialista», 21. XI. 1933, 5. XII. 1933.
- ²⁶ «El Socialista», 1. VIII. 1934.
- ²⁷ См. Е. Тепер, Пламя над Овьедо, М., 1965, стр. 195.
- ²⁸ О тактике социалистов см. подробнее С. П. Пожарская, Социалистическая рабочая партия Испании, 1931—1939, стр. 99—110.
- ²⁹ Цит. по G. Hills, op. cit., pp. 190, 194.
- ³⁰ «El Sol», 30. III. 1935.
- ³¹ Речь Хосе Диаса в Валенсии 9 мая 1937 г. «Mundo Obrero», 10. V. 1937.
- ³² «El Sol», 27. IX. 1935.
- ³³ «El Sol», 3. X. 1935.
- ³⁴ «El Sol», 21. X. 1935.
- ³⁵ Пакт подписали: от Социалистической рабочей партии — Х. С. Вигарте и М. Кордеро, от Всеобщего союза трудящихся — Ф. Ларго Кабальеро, от Коммунистической партии — В. Урибе, от Национальной федерации социалистической молодежи — Х. Касорла, от синдикалистской партии — А. Пестанья, от левой республиканской партии — А. Сальвадор, от республиканского союза — Б. Гинер, от ПОУМ — Х. Андраде.
- ³⁶ «El Socialista», 17. I. 1936.
- ³⁷ См. G. Hills, op. cit., p. 210.
- ³⁸ См. J. Alvarez del Vayo, Freedom's Battle, N. Y., 1940, p. 5.
- ³⁹ Цит. по V. Alba, La Historia de la Republica española, Mexico, 1956, p. 177.
- ⁴⁰ См. G. Hills, op. cit., p. 212.
- ⁴¹ M. Merkes, Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Bürgerkrieges 1936—1939, Bonn, 1961, S. 14.
- ⁴² Портела Вальядарес в октябре 1937 года подтвердил, что 16 февраля 1936 г. Франко пытался склонить его к государственному перевороту. См. G. Brennan, The Spanish Labirinth, Cambr., 1943, p. 300.
- ⁴³ См. J. Vigon, General Mola, Barcelone, 1957, pp. 98—100.
- ⁴⁴ Ibid., pp. 98—103.
- ⁴⁵ См. G. Jackson, op. cit., p. 418; см. G. Hills, op. cit., p. 218.
- ⁴⁶ См. G. Jackson, op. cit., p. 418.
- ⁴⁷ «El Socialista», 13. III. 1936.
- ⁴⁸ См. «Diario de Sesiones de las Cortes españolas», 16. VI. 1936.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ «Mundo Obrero», 6. VII. 1936.
- ⁵¹ G. Jackson, op. cit.
- ⁵² См. E. Comín Colomer, Historia secreta de la Republica Española, t. I, Barcelona, 1956.
- ⁵³ Подробнее о кабальеристах см. С. П. Пожарская, Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939.

- ⁵⁴ Подробнее об Л. Хименесе де Асуа см. С. П. Пожарская, Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939, стр. 43, 77, 85.
- ⁵⁵ В Кастильбланко 31 декабря 1931 г., во время стачки сельхозработчиков, отряд гражданской гвардии открыл огонь по бастующим. Защищаясь, бастующие убили четырех гвардейцев.
- ⁵⁶ G. Jackson, *op. cit.*, pp. 515—517.
- ⁵⁷ M. García Venero, *Historia de los internacionales en España*, vol. 1—3, Madrid, 1956—1957.
- ⁵⁸ J. Iturralde, *El Catolicismo y la Cruzada de Franco*, vol. I, Toulouse, 1955—1965, pp. 46—50.
- ⁵⁹ G. Hills, *op. cit.*, p. 239.
- ⁶⁰ См. G. Jackson, *op. cit.*, p. 295.
- ⁶¹ 64-летний Кабанельяс, так же как и Кейпо де Льяно, имел, возможно, и незаслуженную репутацию республиканца и масона, а поэтому был неприемлем ни для монархистов-альфонсисов, ни для карлистов.
- ⁶² G. Hills, *op. cit.*, p. 256.
- ⁶³ L. Bolin, *Spain: The Vital Years*, pp. 171—172.
- ⁶⁴ DGFP, Series D, vol. III, pp. 9—11. О позиции германских официальных кругов в отношении помощи мятежникам см. M. Merkes, *Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Bürgerkrieges*, 1936—1939, S. 15 etc.
- ⁶⁵ M. Merkes, *op. cit.*, S. 20.
- ⁶⁶ DGFP, Series D, vol. III, p. 11.
- ⁶⁷ M. Merkes, *op. cit.*, S. 20.
- ⁶⁸ «International Military Tribunal. Nuremberg», vol. IX, Nuremberg, 1948, pp. 280—281.
- ⁶⁹ DGFP, Series D, vol. III, p. 11.
- ⁷⁰ Цит. по «Известия», 12 марта 1960 г.
- ⁷¹ См. J. Alvarez del Vayo, *Freedom's Battle*, N. Y., 1940; C. Bowers, *My Mission to Spain*, N. Y., 1954.
- ⁷² M. Merkes, *op. cit.*, SS. 14—15.
- ⁷³ Цит. по «Известия», 12 марта 1960 г.
- ⁷⁴ G. Hills, *op. cit.*, p. 256.
- ⁷⁵ См. A. Kindelán, *Mis cuadernos de guerra*, Madrid, 1945, pp. 47—59.
- ⁷⁶ См. G. Jackson, *op. cit.*, p. 420. Этот тезис вольно или невольно повторяет утверждения современных неофалангистов, что программа фаланги никогда не была осуществлена. См. B. Nellessen, *Die verbotene Revolution*, Hamburg, 1963.
- ⁷⁷ См. G. Jackson, *op. cit.*, p. 294.
- ⁷⁸ См. «The New-York Times Magazine», 8. X. 1933.
- ⁷⁹ См. G. Jackson, *op. cit.*, pp. 300—301.
- ⁸⁰ *Ibid.*, pp. 334—335.
- ⁸¹ См. S. Payne, *Falange. A History of Spanish Fascism*, pp. 179—180.
- ⁸² См. B. Nellessen, *Die verbotene Revolution*, S. 156.
- ⁸³ DGFP, Series D, vol. III, pp. 267—269.
- ⁸⁴ См. B. Nellessen, *op. cit.*, SS. 152—154; S. Payne, *Franco's Spain*, N. Y., 1967, pp. 21—22.
- ⁸⁵ «Boletín oficial», 20. IV. 1937.
- ⁸⁶ Переписка Суньера и Эдилы была издана в Мадриде в 1947 году. Цит. по B. Nellessen, *op. cit.*, SS. 200—201.
- ⁸⁷ B. Nellessen, *op. cit.*, S. 156.
- ⁸⁸ О том, что часть фалангистов разделяла эту точку зрения, писал

- Суньер Эдиле в письме от 31 мая 1947 г. Цит. по В. Nellesen, *op. cit.*, S. 201.
- ⁸⁹ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III — Германская политика и Испания (1936—1943 гг.), стр. 64.
- ⁹⁰ См. G. Jackson, *op. cit.*, pp. 421—422.
- ⁹¹ В прошлом это звание носил испанский король.
- ⁹² «Hitler's Secret Conversations. 1941—1944», ed. by H. R. Trevor-Roper, N. Y., 1961, p. 532.
- ⁹³ Цит. по D. Detwiler, Hitler, Franco und Gibraltar, Wiesbaden, 1962, S. 12.
- ⁹⁴ См. X. Гарсиа, Испания Народного фронта, М., 1957; Р. С. Овинников, За кулисами политики «невмешательства», М., 1959; Д. П. Прицкер, Подвиг Испанской Республики, М., 1962; «Война и революция в Испании 1936—1939 гг.» (пер. с испанского), М., 1968; H. Thomas, The Spanish Civil War, L., 1961; D. Puzzo, Spain and the Great Powers. 1936—1941, N. Y., 1962; G. Jackson, *op. cit.*
- ⁹⁵ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III — Германская политика и Испания (1936—1943 гг.), стр. 57.
- ⁹⁶ По этому соглашению фашистское правительство Италии взяло на себя обязательство обеспечить «свою поддержку и свою помощь для сохранения независимости и целостности Испании ...и для восстановления социального и политического порядка внутри страны». См. «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III — Германская политика и Испания (1936—1943 гг.), стр. 7—10.
- ⁹⁷ См. DGFP, Series D, vol. III, pp. 768, 773, 884—886.
- ⁹⁸ *Ibid.*, pp. 821—826.
- ⁹⁹ *Ibid.*, pp. 826, 843.
- ¹⁰⁰ D. Puzzo, Spain and the Great Powers. 1936—1941.
- ¹⁰¹ В последнем предположении генерал заблуждался. Достаточно вспомнить об отношении республиканцев к интернациональным бригадам.

Глава II

- ¹ См. «I Documenti Diplomatici Italiani» (далее: DDI), 8-a serie, vol. 13, Rome, 1952, p. 50.
- ² DDI, 8-a serie, vol. 13, p. 74.
- ³ DGFP, Series D, vol. VII, p. 105.
- ⁴ *Ibid.*, p. 153.
- ⁵ *Ibid.*, pp. 446—447.
- ⁶ *Ibid.* pp. 501—502.
- ⁷ DDI, 8-a serie, vol. 13, p. 85.
- ⁸ *Ibid.*, p. 388.
- ⁹ D. Puzzo, Spain and the Great Powers. 1936—1941, p. 215.
- ¹⁰ «Boletín oficial», 6. IX. 1939.
- ¹¹ Цит. по «Foreign Relations of the United States», 1939, vol. general, pp. 417—418.
- ¹² *Ibid.*
- ¹³ Цит. по С. Martin, Franco — soldat et Chef d'Etat, p. 291.
- ¹⁴ Цит. по С. Hayes, Wartime Mission to Spain. 1942—1945, p. 60.
- ¹⁵ С. Martin, *op. cit.*, p. 290.
- ¹⁶ «Foreign Relations of the United States», 1939, vol. general, p. 365.

- 17 DGFP, Series D, vol. VIII, pp. 604—609.
- 18 E. Esteban Infantes, «Blaue Division». Spaniens Freiwillige an der Ostfront, Hamburg, 1958, SS. 5—8. В 60-е годы официальные круги Испании отошли от этой версии.
- 19 J. Doussinague, España tenía gazon, pp. 11—14.
- 20 C. Martín, op. cit., pp. 290—292.
- 21 «The Spanish Government and the Axis Powers», Doc. No 1, 1946.
- 22 G. Hills, Franco. The Man and His Nation, p. 296.
- 23 G. Ciano, L'Europa verso la Catastrofe, Verona, 1948, p. 444.
- 24 «Chicago Daily News», 16. XII. 1940.
- 25 «News Chronicle», 19. I. 1940.
- 26 См. DGFP, Series D, vol. XII, p. 36. В Альба высказал предположение, что узников концлагерей было приблизительно столько же, сколько заключенных в тюрьмах. См. V. Alba, La Historia de la República Española, Mexico, 1956, p. 264.
- 27 «ООН. Совет Безопасности. Подкомитет по испанскому вопросу», Нью-Йорк, 1946, стр. 11—12.
- 28 «The Times», 3. I. 1940.
- 29 V. Alba, op. cit., p. 263.
- 30 Как свидетельствуют показания военнопленных «голубой дивизии», бывших бойцов республиканской армии, все они находились в концлагерях от нескольких месяцев до 1—2 лет. См. Архив МО СССР, 411. оп. 10 183, д. 118, лл. 12—13, 25—27 и др.
- 31 A. Saborit, Julian Besteiro, В.-А., 1961, pp. 411—420.
- 32 См. V. Alba, op. cit., p. 264.
- 33 Бразильский журналист Самуэль Вайнер 20 мая 1943 г. опубликовал в «Нью рипаблнк» статью, где писал, что министр юстиции сообщил ему, что он один перевел 200 тыс. политзаключенных в число «освобожденных поднадзорных».
- 34 «Comercio de Lima», 17. VI. 1939.
- 35 Ibid.
- 36 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 63.
- 37 «National Zeitung», 8. VII. 1939.
- 38 «Comercio de Lima», 17. VII. 1939.
- 39 См. C. Hayes, op. cit., p. 55.
- 40 «The Times», 8. VIII. 1939.
- 41 G. Hills, op. cit., pp. 335—336.
- 42 C. Hayes, op. cit., p. 55.
- 43 Ibid.
- 44 В рассматриваемый период было 11 министерств. «Независимые» чаще всего возглавляли министерства промышленности и торговли, финансов, сельского хозяйства. Среди них нередко были крупные промышленники и финансисты, такие как маркиз Помбо.
- 45 R. Seggano Suñer, Entre Hendaya y Gibraltar, Madrid, 1947, p. 67.
- 46 См. «Informaciones» (Madrid), 9. II. 1940; 9. IX. 1940; «ABC», 6. VIII. 1940.
- 47 «Arriba España» (Pamplona), 9. VIII. 1939.
- 48 F. Franco, Palabras del caudillo, Madrid, 1943, pp. 187, 217—218.
- 49 F. Cuesta, Afrimacion falangista, Madrid, 1953, p. 22.
- 50 D. Ridruejo, Escrito en Espana, В.-А., 1964, p. 18.
- 51 «The Times», 3. I. 1940.
- 52 «News Chronicle», 19. I. 1940.
- 53 «The Times», 3. I. 1940.

- ⁵⁴ «Социально-экономические проблемы истории Испании», М., 1965, стр. 271.
- ⁵⁵ «Hamburger Fremdenblatt», 7. VIII. 1941.
- ⁵⁶ См. «Deutsches Zentralarchiv. Potsdam. Auswartiges Amt.» (далее: DZA. Potsdam. A. A.), Presseabteilung, Nr. 60 374.
- ⁵⁷ См. «Nachrichten für Aussenhandel», 23. II. 1943.
- ⁵⁸ «Noticias de hay» (Cuba), 1. VIII. 1940.
- ⁵⁹ «National Zeitung», 18. VII. 1939.
- ⁶⁰ «La Prensa» (Buenos Aires), 29. VI. 1939.
- ⁶¹ См. «La Prensa» (Buenos Aires), 29. VI. 1939; «Nachrichten für Aussenhandel», 5. VIII. 1943.
- ⁶² См. «Neue Zürcher Zeitung», 26. VI. 1942.
- ⁶³ «The Times», 3. I. 1940.
- ⁶⁴ «Arriba España» (Pamplona), 29. VI. 1939.
- ⁶⁵ DZA. Potsdam. A. A., Handelspolitische Abteilung, Bd. 1, Nr. 67 910, S. 119.
- ⁶⁶ Ibid., S. 194.
- ⁶⁷ Ibid., S. 86.
- ⁶⁸ «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich 1941/1942», S. 128.
- ⁶⁹ DGFP, Series D, vol. VIII, pp. 568—569.
- ⁷⁰ Софиндус — Sociedad Financiera Industrial, Sociedad Anonima (Soifindus, S. A.).
- ⁷¹ Из докладной записки о концерне Ровак — Софиндус, составленной по поручению рейхсминистра хозяйства в апреле 1940 года. См. DGFP, Series D, vol. VIII, pp. 759, 777, 927.
- ⁷² «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1941/1942», SS. 128—129.
- ⁷³ «The Times», 20. III. 1940; см. также DZA. Potsdam. A. A., Politische Abteilung, Nr. 61 167.
- ⁷⁴ «Foreign Relations of the United States», 1939, vol. III, pp. 320, 827.
- ⁷⁵ «La Prensa» (Buenos Aires), 14. VI. 1939.
- ⁷⁶ A. Norden, Das spanische Drama, B., 1961, S. 63.
- ⁷⁷ «Foreign Relations of the United States», 1940, vol. II, pp. 805—806.
- ⁷⁸ Ibid., pp. 810—812.
- ⁷⁹ Так, например, строились внешнеторговые отношения с Финляндией. 31 мая 1941 г. в Мадриде было подписано испано-финское соглашение. Финляндия взяла на себя обязательство поставить Испании дерево и его производные и, кроме того, 3 т кобальта. Испания поставляла в Финляндию апельсины, лимоны, пробку, свинец и цинк. Общая сумма поставок каждой страны составила 30 млн. марок. См. DZA. Potsdam, A. A., Handelspolitische Abteilung, Nr. 67 814.
- ⁸⁰ DGFP, Series D, vol. XI, p. 574.
- ⁸¹ Ibid., p. 575.
- ⁸² Ibid., pp. 777—778.
- ⁸³ Ibid.
- ⁸⁴ Цит. по DZA. Potsdam. A. A., Presseabteilung, Nr. 60 374. Эту статью с грифом «только для секретного пользования» немецкие дипломаты поместили в соответствующее досье.
- ⁸⁵ «Ya» (Madrid), 22. I. 1941.
- ⁸⁶ «ABC», 28. II. 1941.
- ⁸⁷ «El Alcázar», 28. II. 1941.
- ⁸⁸ DZA. Potsdam. A. A., Presseabteilung, Nr. 60 374.
- ⁸⁹ R. Tamames, Estructura económica de España, Madrid, 1960, p. 205.

- ⁹⁰ «Социально-экономические проблемы истории Испании», стр. 281.
- ⁹¹ R. T a m a m e s, op. cit., p. 206.
- ⁹² I b i d., pp. 206—207. Автор называет эти законы «индустриальными».
- ⁹³ Всего в 1940 году было выплавлено 581 343 т железа и 781 728 т стали. См. «Neue Zürcher Zeitung», 16. VI. 1942.
- ⁹⁴ I b i d.
- ⁹⁵ R. T a m a m e s, op. cit., p. 215.
- ⁹⁶ DGFP, Series D, vol. IX, p. 190—191.
- ⁹⁷ I b i d.
- ⁹⁸ I b i d., p. 396.
- ⁹⁹ «Foreign Relations of the United States», 1940, vol. II, p. 797.
- ¹⁰⁰ C. H a y e s, Wartime Mission to Spain. 1942—1945, p. 61.
- ¹⁰¹ «Foreign Relations of the United States», 1940, vol. II, p. 799.
- ¹⁰² Статут зоны Танжера был выработан в конце 1923 года. По настоянию Англии Танжер с прилегающей территорией был объявлен международной нейтральной зоной. В зоне Танжера запрещалось сооружение укреплений и содержание войск. Султан Марокко назначал наместника, который и был председателем Законодательного собрания. Из 27 членов Законодательного собрания 9 назначались наместником, а 18 — комитетом консулов восьми стран. Этот комитет осуществлял контрольные функции. Танжер был крупнейшим международным портом, за год его в среднем посещало до 2 тыс. кораблей общим водоизмещением до 3,5 млн. т (см. «Труд», 5 января 1941 г.).
- ¹⁰³ DGFP, Series D, vol. X, pp. 2—3.
- ¹⁰⁴ См. «Berliner Allgemeine Zeitung», 18. VI. 1940.
- ¹⁰⁵ DGFP, Series D, vol. X, pp. 15—16.
- ¹⁰⁶ I b i d., pp. 97—99.
- ¹⁰⁷ Кейпо де Льяно считал, что Франко недостаточно оценил его «заслуги». Он демонстративно отказался принять пост посла Испании в Аргентине. Журналисты утверждали, что Кейпо де Льяно назвал Франко «неблагодарной свиньей».
- ¹⁰⁸ «The Testament of Adolf Hitler», ed. by H. Trevor-Roper, L., 1961, p. 46.
- ¹⁰⁹ DGFP, Series D, vol. X, pp. 442—445.
- ¹¹⁰ Ф. Гальдер, Военный дневник, т. II, М., 1969, стр. 115—116.
- ¹¹¹ DGFP, Series D, p. 462.
- ¹¹² По мнению германского командования, два-три года. См. Ф. Гальдер, Военный дневник, т. II, стр. 127.
- ¹¹³ DGFP, Series D, vol. X, p. 463.
- ¹¹⁴ I b i d., p. 484.
- ¹¹⁵ I b i d., p. 514.
- ¹¹⁶ I b i d.
- ¹¹⁷ I b i d., p. 521.
- ¹¹⁸ Приглашение Берлина было получено еще в июле. См. R. S e r g a n o S u ñ e r, Entre Hendaia y Gibraltar, pp. 165—171.
- ¹¹⁹ DGFP, Series O, vol. XI pp. 84—91.
- ¹²⁰ I b i d., p. 98.
- ¹²¹ Ф. Гальдер, указ. соч., стр. 187.
- ¹²² DGFP, Series D, vol. XI, p. 330.
- ¹²³ I b i d., p. 153.
- ¹²⁴ «The Spanish Government and the Axis Powers», pp. 17—18.
- ¹²⁵ «Der Spiegel», 1963, Nr. 18, S. 47.
- ¹²⁶ «Foreign Relations of the United States», 1940, vol. II, pp. 810—811.

- 127 G. Hills, op. cit., p. 345.
- 128 DGFP, Series D, vol. XI, pp. 371—375.
- 129 P. Schmidt, *Statist auf diplomatischer Bühne*, Bonn, 1949, SS. 502—510.
- 130 На этот раз переводчиком был испанский генерал Эспиноза де лос Монтерос, который говорил на немецком языке с венским акцентом, как о том сообщает П. Шмидт. Позднее Франко назначил его послом в Берлин. См. G. Hills, op. cit., p. 363.
- 131 DGFP, Series D, vol. XI, pp. 466—467.
- 132 *Ibid.*, p. 380.
- 133 В связи с назначением Суньера Гитлер заметил: «Зять Франко становится министром иностранных дел. Для одной семьи необычно монополизировать талант». См. «Hitler's Secret Conversations. 1941—1944», ed. by H. R. Trevor-Roper, p. 149.
- 134 P. Schmidt, op. cit., S. 500; Ф. Гальдер приводит и такие высказывания Гитлера: «незунтская свинья», «ложное самолюбие испанцев». См. Ф. Гальдер, указ. соч., стр. 213.
- 135 G. Ciano, *L'Europa verso la Catastrofe*, Verona, 1943, p. 604.
- 136 Ф. Гальдер, указ. соч., стр. 213—214.
- 137 DGFP, Series D., vol. XI, pp. 478—479.
- 138 «Foreign Relations of the United States», 1940, vol. II, p. 840.
- 139 См. C. Hayes, *Wartime Mission to Spain. 1942—1945*, p. 65.
- 140 *Ibid.*
- 141 G. Hills, op. cit., p. 348.
- 142 Ф. Гальдер, указ. соч., стр. 248.
- 143 Там же, стр. 247, 270, 273.
- 144 DGFP, Series D, vol. XI, p. 782
- 145 *Ibid.*, pp. 852—853.
- 146 *Ibid.*, pp. 852—853.
- 147 G. Hills, op. cit., p. 349.
- 148 G. Ciano, *L'Europa verso la Catastrofe*, p. 623.
- 149 DGFP, Series D, vol. X, pp. 1157—1158.
- 150 DGFP, Series D, vol. XI, p. 1184.
- 151 *Ibid.*, p. 1208.
- 152 DGFP, Series D, vol. XII, p. 22.
- 153 *Ibid.*, pp. 36, 37.
- 154 *Ibid.*, pp. 51, 611—613.
- 155 О персоналистском характере недовольства Суньером сообщал в свое время и посол США. См. «Foreign Relations of the United States», 1940, vol. II, p. 40.
- 156 DGFP, Series D, vol. XII, p. 32.
- 157 G. Ciano, *L'Europe versa la Catastrofe*, pp. 631—643.
- 158 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 71—72.
- 159 DGFP, Series D, vol. XII, p. 97.
- 160 G. Hills, op. cit., p. 351.
- 161 DGFP, Series D, vol. XII, pp. 176—178.
- 162 W. S. Churchill, *The Second World War*, vol. II, Boston, 1949.
- 163 G. Hills, op. cit., p. 351.
- 164 S. Payne, *Falange. A History of Spanish Fascism*, pp. 213—215.
- 165 См. Ф. Гальдер, указ. соч., стр. 500, 531, 535.

Глава III

- 1 DGFP, Series D, vol. XII, pp. 1080—1081.
- 2 Ibid., p. 1081.
- 3 См. S. Hoare, *Gesandter in besonderer Mission*, Hamburg, 1950, S. 184.
- 4 «Aussenpolitisches Amt. der WSDAP», Nr. 11, 24. VI. 1941.
- 5 DGFP, Series D, vol. XIII, pp. 16—17.
- 6 Ibid., p. 17.
- 7 Ibid., pp. 38—39.
- 8 Ibid., p. 39.
- 9 У. Кавальеро. Записки о войне. Дневник начальника итальянского генерального штаба. М., 1968, стр. 73.
- 10 С. Martin, *Franco — soldat et Chef d'Etat*, p. 314.
- 11 «Basler Nachrichten», 6. Sept. 1942.
- 12 Гальерос — так называют жителей испанской провинции Галисии, откуда Франко родом. Они имеют репутацию крайне осмотрительных и осторожных людей.
- 13 С. Hayes, *Wartime Mission to Spain*, p. 65.
- 14 S. Payne, *Franco's Spain*, p. 30.
- 15 См. декрет Франко от 25 января 1939 г.
- 16 DGFP, Series D, vol. XIII, p. 81.
- 17 Современный американский историк Дж. Хиллс называет «голубую дивизию» корпусом. См. G. Hills, *op. cit.*, p. 337.
- 18 DGFP, Series D, vol. XIII, p. 81.
- 19 Ibid.
- 20 Ibid.
- 21 Ibid.
- 22 E. Esteban Infantes, «Blaue Division». *Spaniens Freiwillige an der Ostfront*, S. 10.
- 23 Ibid., S. 11.
- 24 Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10 183, д. 118, л. 42.
- 25 DGFP, Series D, vol. XIII, pp. 612—613.
- 26 Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10 183, д. 125, л. 88.
- 27 И. И. Федюнинский, *Поднятые по тревоге*, М., 1961, стр. 62.
- 28 Там же.
- 29 Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 5, лл. 99—106.
- 30 К. А. Мерещков, *На службе народу*, М., 1968, стр. 243.
- 31 См. И. И. Федюнинский, указ. соч., стр. 80, 88.
- 32 Там же.
- 33 Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 5, лл. 237—243.
- 34 И. И. Федюнинский, указ. соч., стр. 88.
- 35 Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 5, лл. 244—255.
- 36 См. И. И. Федюнинский, указ. соч., стр. 88.
- 37 Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 13, л. 532.
- 38 «История Великой Отечественной войны», т. 2, М., 1961, стр. 335.
- 39 Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 18, л. 15.
- 40 Там же, л. 35.
- 41 Там же, л. 116.
- 42 Там же, л. 470.
- 43 E. Esteban Infantes, *op. cit.*, p. 61.
- 44 Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 18, л. 15.
- 45 «Hitler's Secret Conversations, 1941—1944», pp. 188—189.
- 46 Ibid.
- 47 Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 18, кадр 304.

- ⁴⁸ Гитлер был очень недоволен попыткой устранить Муньоса Грандеса от командования дивизией, считая это интригами ненавистной ему клики Серрано Суньера. См. «Hitler's Secret Conversations. 1941—1944», p. 553.
- ⁴⁹ С. Н. Sallisbury. 900 Day's Siege of Leningrad, N. Y., 1969, p. 538.
- ⁵⁰ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10 183, д. 125, л. 62.
- ⁵¹ «Hitler's Secret Conversations. 1941—1944», p. 614.
- ⁵² Когда речь идет о «старой» фаланге, то имеется в виду партия фашистского типа, созданная Антонио Примо де Ривера в 1933 году, в программные положения которой вошли многие элементы, заимствованные у германского национал-социализма и итальянского фашизма. Некоторые деятели «старой» фаланги отрицали возврат к монархии и были антиклерикалами. Под «новой» фалангой подразумевается единственная дозволенная в Испании партия, созданная декретом Франко 19 апреля 1937 г. и получившая официальное название Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС, куда вошли не только фалангисты и родственные им группы, но и многие другие ультраправые партии и течения, поддерживающие Франко, в том числе и традиционалисты с их монархическими и воинствующими клерикальными воззрениями. Шеф фаланги назначался главой государства. Серрано Суньера Гитлер не любил и отзывался о нем с явным неудовольствием.
- ⁵³ «Hitler's Secret Conversations. 1941—1944», p. 149.
- ⁵⁴ Ibid., pp. 530—533.
- ⁵⁵ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10 183, д. 118, л. 60.
- ⁵⁶ «На берегах Волхова» Л., 1967, стр. 101—102.
- ⁵⁷ «Hitler's Secret Conversations. 1941—1944», p. 189.
- ⁵⁸ Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 13, л. 304.
- ⁵⁹ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10 183, д. 118, л. 184.
- ⁶⁰ Там же, д. 125, л. 72.
- ⁶¹ Там же, д. 118, л. 75.
- ⁶² Там же, д. 125, л. 36.
- ⁶³ Там же, д. 118, л. 13.
- ⁶⁴ Там же, д. 125, л. 26.
- ⁶⁵ Там же, д. 118, лл. 40, 96.
- ⁶⁶ Там же, л. 121.
- ⁶⁷ Там же, д. 88.
- ⁶⁸ Там же, л. 76.
- ⁶⁹ Там же, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 5, л. 135.
- ⁷⁰ Там же, ф. 411, оп. 10 183, д. 118, л. 189.
- ⁷¹ Там же, л. 63.
- ⁷² Там же, л. 74.
- ⁷³ Там же, л. 219.
- ⁷⁴ Там же, л. 183.
- ⁷⁵ Там же, л. 178.
- ⁷⁶ Там же, л. 131.
- ⁷⁷ Там же, оп. 118, лл. 2—13.
- ⁷⁸ Там же, л. 14.
- ⁷⁹ Там же, оп. 10 183, д. 118, л. 13.
- ⁸⁰ Там же, л. 76.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же, л. 95.
- ⁸³ Там же, л. 205.
- ⁸⁴ Речь идет о гражданской войне в Испании в 1936—1939 годах.

- 85 Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10 183, д. 12, л. 55.
86 Там же, д. 118, л. 37.
87 Там же, л. 77.
88 Там же, л. 210.
89 Там же, л. 16.
90 Там же, д. 125, л. 26.
91 «Совершенно секретно! Только для командования», М., 1967,
стр. 701.
92 Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10 183, д. 118, л. 16.
93 Там же, л. 71.
94 Там же, л. 73.
95 Там же, л. 188.
96 Там же, л. 145.
97 Там же, л. 178.
98 Там же, д. 125, л. 26.
99 Там же, д. 118, л. 15.
100 Там же, л. 121.
101 Там же, л. 41.
102 Там же, л. 44.
103 Там же, л. 4.
104 Там же, д. 125, л. 68.
105 Там же, л. 70.
106 Там же, д. 118, л. 88.
107 Там же, л. 22.
108 Там же, л. 141.
109 Там же, л. 68.
110 Там же, л. 14.
111 Там же, л. 37.
112 Там же, л. 77.
113 Там же, л. 44.
114 Там же, л. 67.
115 Там же, л. 74.
116 Там же, д. 125, л. 67.
117 Там же, д. 118, л. 44.
118 Там же, л. 96.
119 Там же, л. 47.
120 Там же, л. 208.
121 Там же, л. 57.
122 Там же, л. 74.
123 Там же, д. 125, л. 67.
124 Там же, л. 26.
125 G. Hills, Franco. The Man and His Nation, p. 353.
126 D. Ridruejo, Escrito en Espana, pp. 20, 109.
127 См. «Известия», 9. VII. 1968.
128 Архив МО СССР, ф. 52-й армии, оп. 9993, д. 18, л. 15.
129 Там же, ф. 411, оп. 10 183, д. 125, л. 69.
130 Там же, д. 118, л. 2.
131 Там же, л. 22.
132 Там же, л. 76.
133 Там же, л. 15.
134 Там же, л. 62.
135 Там же, лл. 209—210.
136 Там же, л. 42.
137 Там же, л. 4.
138 Там же, д. 125, л. 69.

- ¹³⁹ Там же, д. 118, л. 67.
- ¹⁴⁰ Там же, д. 125, л. 67.
- ¹⁴¹ См. «ООН. Совет Безопасности. Подкомитет по испанскому вопросу», стр. 14.
- ¹⁴² E. Esteban Infantes, «Blaue Division», Spaniens Freiwillige an der Ostfront, SS. 72—73.
- ¹⁴³ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10 183, д. 118, л. 208.
- ¹⁴⁴ Там же, д. 125, лл. 67—68.
- ¹⁴⁵ Там же, лл. 68—69 (записи в дневнике обрываются).
- ¹⁴⁶ «История Великой Отечественной войны. 1941—1945», т. 3, М., 1961, стр. 133, 137.
- ¹⁴⁷ См. E. Esteban Infantes, op. cit., S. 74.
- ¹⁴⁸ Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10 183, д. 118, л. 184.
- ¹⁴⁹ Там же, л. 204.
- ¹⁵⁰ «Ленинградский военный округ. Исторический очерк», Л., 1968, стр. 333—335.
- ¹⁵¹ П. Лукницкий, Сквозь всю блокаду, Л., 1964, стр. 487—488.
- ¹⁵² C. Hayes, Wartime Mission to Spain. 1942—1945, p. 31.
- ¹⁵³ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 175.
- ¹⁵⁴ C. Hayes, op. cit., pp. 159—161.
- ¹⁵⁵ Ibid., p. 165.
- ¹⁵⁶ См. S. Hoare, Gesandter in besonderer Mission, SS. 220—222.
- ¹⁵⁷ См. C. Hayes, op. cit., p. 166.
- ¹⁵⁸ Ibid., p. 159.
- ¹⁵⁹ S. Payne, Franco's Spain, p. 31.
- ¹⁶⁰ «The Spanish Government and the Axis Powers», 1946, No 15.
- ¹⁶¹ См. C. Hayes, op. cit., pp. 178—179.
- ¹⁶² F. Franco, Palabras del caudillo, p. 204.
- ¹⁶³ Эти сведения сообщает в своей книге Дж. Хиллс (G. Hills, Franco The Man and His Nation). По словам автора, ему была предоставлена по распоряжению Франко возможность ознакомиться со всеми военными архивами Испании.
- ¹⁶⁴ См. Дж. Ф. С. Фуллер, Вторая мировая война. 1939—1945 гг., М., 1956, стр. 27.
- ¹⁶⁵ E. Esteban Infantes, op. cit., SS. 61, 95.
- ¹⁶⁶ Прибывший на советско-германский фронт в декабре 1942 года 18-й маршевый батальон был укомплектован даже в составе 1500 человек. См. Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10 183, д. 118, л. 61.

Глава IV

- ¹ «Arriba», 26. VI, 27. VI. 1941.
- ² G. Hayes, Wartime Mission to Spain. 1942—1945, p. 70.
- ³ «Foreign Relations of the United States», 1941, vol. II, pp. 908—910: См. S. Madariaga, Espana, B.—A., 1964, p. 597; S. Payne, Franco's Spain, p. 30.
- ⁴ «Foreign Relations of the United States», 1941, vol. II, pp. 912—913.
- ⁵ Ibid., pp. 912, 931.
- ⁶ «Washington Post», 21. VII. 1941.
- ⁷ «Foreign Relations of the United States», 1941, vol. II, p. 913.
- ⁸ Ibid., pp. 920—921.
- ⁹ Ibid., p. 925.
- ¹⁰ Ibid., p. 928.

- ¹¹ *Ibid.*, pp. 929—930.
- ¹² F. Franco, Palabras del caudillo, p. 204.
- ¹³ «Foreign Relations of the United States», 1941, vol. II, p. 915.
- ¹⁴ C. Hayes, op. cit., p. 80.
- ¹⁵ *Ibid.*
- ¹⁶ C. Hull, Memoirs, vol. II, N. Y., 1948, p. 1327.
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 1328.
- ¹⁸ «PM of New York», 14, XI. 1941.
- ¹⁹ *Ibid.*
- ²⁰ «PM of New York», 16, XI. 1941.
- ²¹ «Foreign Relations of the United States», 1941, vol. II, p. 931.
- ²² «The Ciano Diaries. 1939—1943», p. 410.
- ²³ Имеется в виду грубо антисоветская и антикоммунистическая речь Суньера во время церемонии ратификации Антикоминтерновского пакта.
- ²⁴ «Nachrichten für Ausshandel», 23. I. 1942.
- ²⁵ S. Payne, op. cit., p. 81.
- ²⁶ «The Ciano Diaries. 1939—1943», p. 417.
- ²⁷ «Boletín Oficial del Estado» (Madrid), 19. XII. 1941.
- ²⁸ G. Hills, op. cit., p. 355.
- ²⁹ «Compañía Arrendataria del Monopolio de Petróleos, Sociedad Anónima» и «Compañía Española de Petróleos, Sociedad Anónima».
- ³⁰ См. «Foreign Relations of the United States», 1941, vol. III, pp. 250—252.
- ³¹ *Ibid.*, p. 273.
- ³² «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, p. 280.
- ³³ См. G. Hills, op. cit., p. 355.
- ³⁴ F. Franco, Palabras del caudillo, p. 204.
- ³⁵ R. Serrano Suner, Entre Hendaya y Gibraltar, pp. 267—268.
- ³⁶ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 97.
- ³⁷ Там же, стр. 99.
- ³⁸ Там же, стр. 95.
- ³⁹ Там же, стр. 92.
- ⁴⁰ Serrano Suner, op. cit., pp. 267—270.
- ⁴¹ «Documents secrets du Ministère des Affaires étrangères d'Allemagne», P., 1947.
- ⁴² J. Doussinague, España tenía razon, pp. 115—126. Точка зрения X. Дусинаге разделяется и американским историком Дж. Хиллсом.
- ⁴³ «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, p. 276.
- ⁴⁴ *Ibid.*, pp. 275—277.
- ⁴⁵ «См. «British and Foreign States Papers», 1939, vol. CXLIII, p. 673.
- ⁴⁶ «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, pp. 282—283.
- ⁴⁷ *Ibid.*, pp. 286—287.
- ⁴⁸ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 128—129. См. также DZA. Potsdam. A. A., Handelspolitische Abteilung, Bd. 1, Nr. 67 910, S. 250.
- ⁴⁹ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 128.
- ⁵⁰ R. Tamames, Estructura económica de España, pp. 215—216.
- ⁵¹ «Informaciones» (Madrid), 12. V. 1942.
- ⁵² См. «Nachrichten für Ausshandel», 26. V. 1942.
- ⁵³ «Berne Bund», 5. IV. 1942.
- ⁵⁴ «Nachrichten für Ausshandel», 18. VII. 1941.

- 55 «Arriba Espana» (Pamplona), 9. IX. 1939.
- 56 «Informaciones» (Madrid), 18. X. 1942.
- 57 R. T a m a m e s, op. cit., p. 587.
- 58 I b i d., p. 588.
- 59 «Vaterland» (Lüzern), 9. X. 1942.
- 60 «Hamburger Fremdenblatt», 22. X. 1941.
- 61 Из показаний военнопленных «голубой дивизии». См. Архив МО СССР, 411; оп. 10 183, д. 118, л. 78.
- 62 «Nachrichten für Ausshandel», 11. V. 1943.
- 63 «Vaterland», 9. X. 1942.
- 64 DZA. Potsdam. A. A., Presseabteilung, Nr. 60 374.
- 65 «Völkischer Beobachter», 19. VII. 1942. Газета поместила только эту часть речи Франко.
- 66 См. G. H i l l s, op. cit., p. 356.
- 67 «Die Weltwoche» (Zürich), 11. VI. 1942.
- 68 C. H a y e s, op. cit., p. 50.
- 69 См. V. A l b a, La Historia de la Republica española, pp. 290—291.
- 70 «История коммунистической партии Испании», стр. 219.
- 71 S. P a y n e, Franco's Spain, p. 112.
- 72 См. «Informaciones», 30. XI. 1941.
- 73 «El Alcázar». (Madrid), 26. II. 1942.
- 74 S. P a y n e. Falange. A History of Spanish Fascism, pp. 234—235.
- 75 «Arriba» (Madrid), 3. XII. 1941.
- 76 C. H a y e s, op. cit., p. 56.
- 77 «Die Weltwoche» (Zürich), 11. VI. 1942.
- 78 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 113.
- 79 C. H a y e s, op. cit.
- 80 «The Ciano Diaries. 1939—1943», p. 519.
- 81 D. R i d r u e j o, Escrito en España, pp. 108—109.
- 82 См. «Basler Nachrichten», 5—6. IX. 1942; S. P a y n e, Falange. A History of Spanish Fascism, pp. 233—235; G. H i l l s, op. cit., p. 356.
- 83 C. H a y e s, op. cit., p. 57.
- 84 Наиболее полно события, связанные с покушением на Валера и последующим правительственным кризисом, отражены в швейцарской прессе тех дней. См. «Basler Nachrichten», 5—6. IX. 1942; «Neue Zurcher Zeitung», 6. IX. 1942; «Vaterland», 9. X. 1942.
- 85 «Vaterland», 9. X. 1942.
- 86 I b i d.
- 87 «Arriba», 5. IX. 1942.
- 88 «Vaterland», 9. X. 1942.
- 89 Д. Ридруехо относит к этому крылу наиболее либеральную часть аристократии и крупной буржуазии, монархистов по убеждениям, «для которых победа Гитлера означала бы лишь менее тяжелую опасность, чем советский триумф». См. D. R i d r u e j o, Escrito en España, p. 108.
- 90 S. H o a r e, Gesandter in besonderer Mission, S. 175.
- 91 C. H a y e s, op. cit., pp. 57—58.
- 92 I b i d., p. 59.
- 93 «Foreign Relations of the United States», 1942. vol. III, p. 297.
- 94 C. H a y e s, op. cit., p. 71.
- 95 I b i d., p. 72; «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, p. 298.
- 96 «Hitler's Secret Conversations. 1941—1944», p. 488.

- 97 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 121.
- 98 «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, p. 298.
- 99 «Documents on American Foreign Relations», 1942—1943, vol. III, p. 594.
- 100 Подробнее см. И. Н. Яковлев, США и Англия во второй мировой войне, М., 1961, стр. 145—153.
- 101 W. Churchill, The Second World War, vol. V, p. 474.
- 102 Ibid.
- 103 Ibid.
- 104 «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, p. 299.
- 105 Ibid.
- 106 D. Eisenhower, Crusade in Europe, N. Y., 1948, p. 92.
- 107 W. Churchill, op. cit., vol. IV, p. 474.
- 108 «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, p. 300.
- 109 C. Hayes, op. cit., pp. 89—92.
- 110 «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, p. 306.
- 111 C. Hayes, op. cit., p. 92.
- 112 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 130.
- 113 «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, p. 308.
- 114 «Informaciones», 18. XI. 1942.
- 115 «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, p. 314.
- 116 Ibid., p. 319.
- 117 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 129.
- 118 Там же, стр. 135.
- 119 Там же, стр. 137—138.
- 120 У. Кавальеро, Записки о войне, стр. 263.
- 121 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 138—139.
- 122 «La Vanguardia Española», 3. I. 1943.
- 123 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 141.
- 124 Там же.
- 125 Там же, стр. 156—157.
- 126 «Foreign Relations of the United States», 1943, vol. II, p. 596.
- 127 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 146.
- 128 Там же, стр. 147.
- 129 Там же, стр. 151—152.
- 130 S. Hoare, Gesandter in besonderer Mission, SS. 190—295. Дж. Хиллс по этому поводу замечает, что под испанским меморандумом могли бы подписаться руководители НАТО. G. Hills, op. cit., p. 370.
- 131 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 162. Хиллс предполагает, что меморандум предназначался для Черчилля.
- 132 Там же, стр. 161—162.
- 133 Там же, стр. 155.
- 134 Там же, стр. 168.
- 135 См. S. Hoare, op. cit., SS. 194—195.
- 136 «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 168—169.
- 137 Там же, стр. 163—164.

- ¹³⁸ Об успехах советских вооруженных сил газеты хранили полное молчание. Даже о Сталинградской битве было упомянуто лишь вскользь.
- ¹³⁹ «Foreign Relations of the United States», 1943, vol. II, pp. 598—600.
- ¹⁴⁰ J. Doussinague, op. cit., pp. 131—132.
- ¹⁴¹ G. Hills, op. cit., p. 371.
- ¹⁴² W. Churchill, op. cit., vol. V, p. 942.
- ¹⁴³ «Foreign Relations of the United States», 1943, vol. II, p. 596.
- ¹⁴⁴ Ibid., p. 607.
- ¹⁴⁵ «Foreign Relations of the United States», 1942, vol. III, p. 297.
- ¹⁴⁶ «Foreign Relations of the United States», 1943, vol. II, pp. 606—607.
- ¹⁴⁷ Цит. по F. Deakin, The Brutal Friendship. Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism, L., 1962, p. 78.
- ¹⁴⁸ Ibid., p. 172.
- ¹⁴⁹ DZA. Potsdam. A. A., Presseabteilung, Nr. 60 374.
- ¹⁵⁰ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 128—129.
- ¹⁵¹ Последний был создан 11 июня 1941 г. См. «Boletín oficial», 16. VII, 1941.
- ¹⁵² DZA. Potsdam. A. A., Handelspolitische Abteilung, Nr. 68 788, S. 135.
- ¹⁵³ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 129.
- ¹⁵⁴ Там же, стр. 129—130.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ Там же, стр. 172.
- ¹⁵⁷ «La Vanguardia Española», 18. VII. 1943.
- ¹⁵⁸ «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 170—173. См. также DZA. Potsdam. A. A., Handelspolitische Abteilung, Nr. 68 454, S. 219.
- ¹⁵⁹ DZA. Potsdam. A. A., Handelspolitische Abteilung, Nr. 67 920, SS. 264—268.
- ¹⁶⁰ DZA. Potsdam. A. A., Handelspolitische Abteilung, Nr. 68 424, SS. 191, 209—211, 219.

Глава V

- ¹ Генрих Дикгоф был назначен послом вместо умершего в марте 1943 года Мольтке. Г. Дикгоф до 1930 года был советником посольств в Вашингтоне и Лондоне. С 1937 года и до вступления США в войну — послом в Вашингтоне. См. «Pueblo» (Madrid), 20. IV. 1943.
- ² «Документы министерства иностранных дел Германии», вып. III, стр. 174—175.
- ³ Там же.
- ⁴ «Arriba» (Madrid), 11. V. 1943.
- ⁵ C. Hayes, Wartime Mission to Spain, 1942—1945, pp. 130—131.
- ⁶ «Foreign Relations of the United States», 1943, vol. II, p. 611.
- ⁷ См. «Vanguardia» (Barcelona), 3. III., 2. IV. 1943; «Arriba» (Madrid), 11. VII. 1943.
- ⁸ «Informaciones», 7. V. 1943.
- ⁹ «Das Angriff», 8. IV. 1943.
- ¹⁰ «Informaciones», 1. VIII. 1943.
- ¹¹ «Конституции буржуазных государств Европы», М., 1957, стр. 508—513.
- ¹² «Foreign Relations of the United States», 1943, vol. II, p. 604.

- ¹³ См. С. Hayes, op. cit., p. 139.
- ¹⁴ См. «Foreign Relations of the United States», 1943, vol. II, p. 617.
- ¹⁵ Ibid., pp. 620—621.
- ¹⁶ Франко лишь накануне вернулся из Ла-Коруньи, где он и произнес речь о том, что будущее Испании, как и прошлое,— на море. Возможно, своим морским костюмом он хотел напомнить свои слова. (Ibid.)
- ¹⁷ См. J. Doussinague, op. cit., p. 246; С. Hayes, op. cit., pp. 175—178; G. Hills, op. cit., p. 372.
- ¹⁸ «Foreign Relations of the United States», 1943, vol. II, p. 619.
- ¹⁹ «The Spanish Government and the Axis Powers», 1946, Doc. No 15.
- ²⁰ «Foreign Relations of the United States», 1943, vol. II, pp. 629—630.
- ²¹ Ibid., p. 628.
- ²² Ibid., pp. 622—625.
- ²³ Ibid., p. 626.
- ²⁴ Ibid., p. 648.
- ²⁵ Ibid., pp. 664—665.
- ²⁶ «Foreign Relations of the United States», 1944, vol. II, p. 305.
- ²⁷ Ibid., p. 307.
- ²⁸ Ibid., p. 306.
- ²⁹ Ibid., p. 316.
- ³⁰ Ibid., pp. 322, 323, 338, 339.
- ³¹ Ibid., p. 326.
- ³² Ibid.
- ³³ Термин принадлежит Хейсу.
- ³⁴ «Foreign Relations of the United States», 1944, vol. II, pp. 337—338.
- ³⁵ Ibid., p. 345.
- ³⁶ Ibid., p. 349.
- ³⁷ Не только «ПМ оф Нью-Йорк», но также и такие газеты, как «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и др., в течение месяца вели ожесточенную кампанию против Испании.
- ³⁸ «Foreign Relations of the United States», 1944, vol. II, pp. 377—379.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ С. Hayes, op. cit., pp. 221—223; G. Hills, op. cit., p. 375. В «Foreign Relations of the United States» послания Черчилля Рузвельту от 30 марта и 17 апреля 1944 г. не опубликованы.
- ⁴¹ G. Hills, op. cit., pp. 373—374.
- ⁴² «Foreign Relations of the United States», 1943, vol. II, p. 722.
- ⁴³ G. Hills, op. cit., p. 374.
- ⁴⁴ J. Doussinague, op. cit., pp. 286—289.
- ⁴⁵ DZA. Potsdam. A. A., Aussenhandelspolitische Abteilung, Nr. 68 455, Bd. 4 (гриф «секретно»).
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ Согласно сведениям, которыми располагал Хейс, в 1943 году в Германию из Испании было ввезено 3100 т вольфрама. См. «Foreign Relations of the United States», 1944, vol. V, p. 353.
- ⁵⁴ W. Churchill, op. cit., vol. V, p. 613.
- ⁵⁵ «Congressional Record», 1944, vol. 90, part 5, p. 6241.
- ⁵⁶ Ibid.

- ⁵⁷ W. Churchill, op. cit., vol. V, p. 613.
- ⁵⁸ Хордана умер 3 августа 1944 г.
- ⁵⁹ Недатированные копии этих писем Черчилль приложил к посланию Председателю Совета Министров СССР от 17 января 1945 г. См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. 1, М., 1957, стр. 400—401.
- ⁶⁰ О письме Франко см. E. N. Dzelepy, Franco, Hitler et les Allies, Bruxelles, 1961, pp. 132—133.
- ⁶¹ «News Chronicle», 6. XI. 1944; «Völkischer Beobachter», 8. XI. 1944.
- ⁶² Цит. по E. N. Dzelepy, op. cit., p. 139.
- ⁶³ Цит. по «Congressional Record», 1944, vol. 90, part 2, p. A—4383.
- ⁶⁴ «Documents on American Foreign Relations», 1944—1945, vol. VII, p. 630.
- ⁶⁵ Хейс был отозван из Мадрида 20 февраля 1945 г.
- ⁶⁶ «Foreign Relations of the United States», 1945, vol. V, p. 667.
- ⁶⁷ Цит. по «Congressional Record», 1944, vol. 90, part 10, p. 236.
- ⁶⁸ См. «Ja» (Madrid), 7. XI. 1940.
- ⁶⁹ «Der Bund», 9. IX. 1942.
- ⁷⁰ E. N. Dzelepy, op. cit., pp. 135—136.
- ⁷¹ См. T. Cossias, La lucha contra el «maquis» en España, Madrid, 1951, p. 97.
- ⁷² V. Alba, La Historia de la Republica española, pp. 290—291.
- ⁷³ S. Madariaga, España, B.-A., 1964, p. 601.
- ⁷⁴ I. de Palencia, Smouldering Freedom. The Story of the Spanish Republicans in Exile, L., 1945, pp. 193—194.
- ⁷⁵ S. Madariaga, op. cit., p. 602; A. Fernandez, La España de los maquis, p., 1967, p. 9.
- ⁷⁶ A. Fernandez, op. cit., pp. 9—10.
- ⁷⁷ См. G. Hills, op. cit., p. 355.
- ⁷⁸ См. A. Fernandez, op. cit., pp. 9—10.
- ⁷⁹ См. I. de Palencia, op. cit., p. 194.
- ⁸⁰ См. A. Fernandez, op. cit., p. 15.
- ⁸¹ Ibid., pp. 16—17.
- ⁸² Принято считать, что Национальный испанский союз был создан в Гренобле, однако А. Фернандес утверждает, что эта организация была создана в Монтобане. См. A. Fernandez, op. cit., p. 18. Ипекур, автор одного из первых исследований по истории испанского «маки», в свою очередь, считал, что Национальный испанский союз был создан в 1941 году тогда, когда были выпущены первые номера подпольного журнала «Reconquista de España», а в Гренобле, в ноябре 1942 года, состоялся первый конгресс Национального испанского союза. См. Irpescourt, Les chemines d'Espagne, P., 1945, pp. 48—49.
- ⁸³ A. Fernandez, op. cit., pp. 19—20.
- ⁸⁴ Ibid., p. 84.
- ⁸⁵ Ibid., p. 87.
- ⁸⁶ Ibid., p. 21.
- ⁸⁷ Irpescourt, op. cit., p. 49.
- ⁸⁸ См. A. Fernandez, op. cit., p. 19.
- ⁸⁹ Ibid., pp. 40—42.
- ⁹⁰ Ibid.
- ⁹¹ «News Chronicle», 10. X. 1944.
- ⁹² A. Fernandez, op. cit., pp. 104—105.

- ⁹³ Умер в 1946 году, похоронен на кладбище Пер-Лашез.
- ⁹⁴ Как сообщало агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл 31 декабря 1944 г., в 1939 году около 600 тыс. республиканцев перешли границу во Франции и Северной Африке. Около 200 тыс. вернулись в Испанию. Около 60 тыс. уехали в страны Америки, главным образом в Мексику.
- ⁹⁵ DZA. Potsdam. A. A., Presseabteilung, Nr. 60 767, S. 50.
- ⁹⁶ Ibid., SS. 83, 85, 119.
- ⁹⁷ Ibid., S. 180.
- ⁹⁸ Ibid., S. 67.
- ⁹⁹ Ibid., SS. 120—123.
- ¹⁰⁰ J. Ansaldo, *Mémoires d'un monarchiste espagnole. 1931—1952*, Monaco, 1953, p. 195.
- ¹⁰¹ DZA. Potsdam. A. A., Presseabteilung, Nr. 60 769, S. 9.
- ¹⁰² «Foreign Relations of the United States», 1945, vol. V, p. 671.
- ¹⁰³ Ibid., p. 672.
- ¹⁰⁴ Ibid., p. 675.
- ¹⁰⁵ Ibid., pp. 676—677.
- ¹⁰⁶ Ibid., pp. 676—677.
- ¹⁰⁷ Цит. по E. N. Dzelepy, *Franco, Hitler et les Allies*, p. 157.
- ¹⁰⁸ Ibid., pp. 157—158.
- ¹⁰⁹ F. Franco, *Palabras del Caudillo*, Madrid, 1943, pp. 230—231.
- ¹¹⁰ «25 años de paz española», vol. I, Madrid, 1964, p. 165.
- ¹¹¹ «Informaciones», 2. V. 1945; цит. по G. Hills, *Franco. The Man and His Nation*, p. 387.
- ¹¹² «Foreign Relation of the United States», 1945, vol. V, p. 682.
- ¹¹³ «Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов», М., 1970, стр. 209.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Там же, стр. 233—234.
- ¹¹⁶ Там же, стр. 235.
- ¹¹⁷ Там же, стр. 235—236.
- ¹¹⁸ Там же, стр. 236—237.
- ¹¹⁹ Там же, стр. 238.
- ¹²⁰ Там же, стр. 239.
- ¹²¹ Там же, стр. 245.
- ¹²² Там же, стр. 399.
- ¹²³ T. Cossias, *La lucha contra el «maquis» en España*, p. 181.
- ¹²⁴ Ibid., pp. 181—182.
- ¹²⁵ С. Каррильо, *Положение в руководстве партии и задачи по укреплению партии. Пленум ЦК Коммунистической партии Испании. М., 1957, стр. 138—139.*
- ¹²⁶ «ООН. Совет Безопасности. Подкомитет по испанскому вопросу», Нью-Йорк, 1946, стр. 44.
- ¹²⁷ Там же, стр. 7.
- ¹²⁸ Там же, стр. 44.
- ¹²⁹ Там же, стр. 9.
- ¹³⁰ См. «The Spanish Government and the Axis Powers», Wash., 1946. Испания протестовала против этой публикации на том основании, что 13 документов из 15 относились к «допирлхарборскому периоду». См. G. Hills, *Franco. The Man and His Nation*, p. 391.
- ¹³¹ T. Cossias, *op. cit.*, p. 134.
- ¹³² «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. 2-я сессия. Пленарные заседания», Нью-Йорк, 1946, стр. 254—261.
- ¹³³ Там же, стр. 254. Дж. Хиллс, мягко говоря, искажает картин-

- ну, утверждая, что за разрыв дипломатических отношений с Испанией выступали лишь «советский блок», Франция и Мексика.
- ¹³⁴ «ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. 2-я сессия. Пленарные заседания», стр. 265.
- ¹³⁵ Там же, стр. 254.
- ¹³⁶ Цит. по J. Campbell, *The United States in World Affairs*. N. Y., 1948, p. 38.
- ¹³⁷ «The New York Times», 20. VII. 1947.
- ¹³⁸ «Congressional Record», 1948, vol. 94, part 14, p. D212.
- ¹³⁹ Ibid.
- ¹⁴⁰ «Daily Mail», 4. X. 1948.
- ¹⁴¹ E. N. Dzelepy, *Franco, Hitler et les Alliés*, p. 166.
- ¹⁴² Ibid.
- ¹⁴³ Ibid., p. 167.
- ¹⁴⁴ Ibid., p. 172.
- ¹⁴⁵ A. Whitaker, *Spain and the Defense of the West*, p. 87.
- ¹⁴⁶ Ibid., p. 37.
- ¹⁴⁷ E. N. Dzelepy, *op. cit.*, p. 181.
- ¹⁴⁸ 7 июля 1950 г. представителю США в Совете Безопасности удалось провести решение о переименовании американских войск, принимавших участие в войне в Корее, в «вооруженные силы ООН».
- E. N. Dzelepy, *op. cit.*, p. 181.
- ¹⁴⁹ «Congressional Record», 1950, vol. 96, part 19, pp. 11 342—11 343.
- ¹⁵⁰ См. «United Press», 29. IX. 1950.
- ¹⁵¹ E. N. Dzelepy, *op. cit.*, p. 175.
- ¹⁵² A. Whitaker, *op. cit.*, pp. 37—38.
- ¹⁵³ E. N. Dzelepy, *op. cit.*, p. 179. Интервью корреспондента итальянского агентства от 4. II. 1950 г.
- ¹⁵⁴ «ООН. Официальные отчеты. 5-я сессия. Пленарные заседания», Нью-Йорк, 1950, стр. 382.
- ¹⁵⁵ Там же, стр. 391.
- ¹⁵⁶ Там же, стр. 389.
- ¹⁵⁷ Там же, стр. 385.
- ¹⁵⁸ Там же, стр. 392.
- ¹⁵⁹ «ABC», 7. XI. 1950.
- ¹⁶⁰ E. N. Dzelepy, *op. cit.*, p. 187.
- ¹⁶¹ «New York Herald Tribune», 20. III. 1951.
- ¹⁶² A. Whitaker, *op. cit.*, pp. 38—39.
- ¹⁶³ E. N. Dzelepy, *op. cit.*, p. 189.
- ¹⁶⁴ Ibid., p. 190.
- ¹⁶⁵ «The Department of State Bulletin», vol. XXIX, No 745, 5. X. 1953.
- ¹⁶⁶ Ibid.
- ¹⁶⁷ Ibid.
- ¹⁶⁸ Цит. по G. Hills, *op. cit.*, p. 416.

Заключение

- ¹ W. Churchill, *The Second World War*, vol. V, p. 613.
- ² H. Morgenthau, *Politics among Nations: the Struggle for Power and Peace*, N. Y., 1954, pp. 10—12.
- ³ R. Serrano Suner, *Entre Hendaya y Gibraltar*, p. 183.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение (<i>историографический очерк</i>)	3
Глава I. ПУТЬ К ВЛАСТИ	20
Глава II. ОТСРОЧКА ОПЛАТЫ ПО СЧЕТАМ	59
Глава III. «ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ»	104
Глава IV. МЕЖДУ «БЛОКОМ» И «ОСЬЮ»	143
Глава V. ПОЧЕМУ НЕ СОМКНУЛИСЬ ТИСКИ	189
Заключение	242
Примечания	250

СВЕТЛАНА ПЕТРОВНА ПОЖАРСКАЯ
ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ МАДРИДА

Редактор *Н. А. Филатова*. Оформление художника
К. А. Андриевского. Художественный редактор
Г. Ф. Скачков. Технический редактор *И. Г. Крейс*.
Корректор *Н. А. Борисова*

А. 06293. Сдано в набор 8/VII 1970 г. Подписано
в печать 23/X 1970 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
тип. № 2. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 15,54.
Тираж 25 000 экз.

Издательство «Международные отношения». Москва,
И-90, Мещанская, 7. Зак. № 1195

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 1 руб. 11 коп.

С. П. ПОЖАРСКАЯ • тайная дипломатия магрида